ISSN 0131–0097
ДЕКАБРЬ № 50 1991
THE WEEKLY MAGAZINE
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

ВРАТАРЬ ГОДА –
ВАЛЕРИЙ САРЫЧЕВ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Выходит с 1 апреля 1923 года
УЧРЕДИТЕЛЬ —
ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ
РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

№ 50 (3360)
7 — 14 декабря

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Лучший вратарь сезона Валерий Сарычев. (См. в номере материал «Кто, если не я».)
Фото Владимира МАШАТИНА

Оформление В. В. ВАНТРУСОВА
при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ.

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ.
Цена подписки на год — 46 руб. 80 коп.,
на полгода — 23 руб. 40 коп.,
на квартал — 11 руб. 70 коп.
Цена одного номера в розницу — 1 рубль.

Сдано в набор 18.11.91. Подписано к печати 03.12.91. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 1 790 000 экз. Заказ № 1100. Цена 1 рубль.

Адрес редакции: 101456, ГСП,
Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Справки по рекламе — 212-12-00.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Типография издательства «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ЕЛЬЦИН
Борис Николаевич —
Президент РСФСР,
Председатель Правительства РСФСР

Леонид РАДЗИХОВСКИЙ

ГОСПОДА ТОВАРИЩИ

БУРБУЛИС
Геннадий Эдуардович — государственный секретарь РСФСР, первый заместитель Председателя Правительства РСФСР

ГАЙДАР
Егор Тимурович — заместитель Председателя Правительства РСФСР по вопросам экономической политики, министр экономики и финансов РСФСР

ШОХИН
Александр Николаевич — заместитель Председателя Правительства РСФСР по вопросам социальной политики, министр труда и занятости населения РСФСР

АНИСИМОВ
Станислав Васильевич — министр торговли и материальных ресурсов РСФСР

БУЛГАК
Владимир Борисович — министр связи РСФСР

ВОРОБЬЕВ
Андрей Иванович — министр здравоохранения РСФСР

ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН
Виктор Иванович — министр геологии и природопользования РСФСР

ДНЕПРОВ
Эдуард Дмитриевич — министр образования РСФСР

ДУНАЕВ
Андрей Федорович — министр внутренних дел РСФСР

ЕФИМОВ
Виталий Борисович — министр транспорта РСФСР

ИВАНЕНКО
Виктор Валентинович — генеральный директор Агентства федеральной безопасности РСФСР

КОЗЫРЕВ
Андрей Владимирович — министр иностранных дел РСФСР

ЛОПУХИН
Владимир Михайлович — министр топлива и энергетики РСФСР

ПАМФИЛОВА
Элла Александровна — министр социальной защиты РСФСР

ПОЛТОРАНИН
Михаил Никифорович — министр печати и массовой информации РСФСР

САЛТЫКОВ
Борис Георгиевич — министр науки и технической политики РСФСР

ФЕДОРОВ
Николай Васильевич — министр юстиции РСФСР

ЧУБАЙС
Анатолий Борисович — председатель Государственного комитета РСФСР по управлению государственным имуществом — министр РСФСР

ТИТКИН
Александр Алексеевич — министр промышленности РСФСР

ХЛЫСТУН
Виктор Николаевич — министр сельского хозяйства РСФСР

Ельцин назвал свой кабинет «правительством народного доверия». Название немного удивляет, если иметь в виду, что народ знает из всего правительства только одного Ельцина. Вместе с тем неверно было бы считать, что люди не доверяют неведомым им министрам. Нет, некоторое доверие пока еще есть, и никто не поручится, что произойдет раньше: исчезнет доверие или падет кабинет.

ЧУТЬ-ЧУТЬ СТАТИСТИКИ

Во всякой сытой и спокойной стране, где от правительства зависит разве что выпуск новых почтовых марок, состав кабинета долго обсуждается в газетах, а у нас небольшую справку о министрах «народного доверия» без всяких комментариев дали только «Известия». Кто же эти люди из второй ельцинской команды (первой можно считать кабинет Силаева — распавшийся, не пережив августовской победы)?

К середине ноября неутвержденными оставались министры обороны, культуры, председатель Комитета по национальным вопросам и по делам народов Севера.

Из 20 членов кабинета (не считая Ельцина) в состав предыдущего кабинета входили 8 человек (Козырев, Иваненко, Полторанин, Федоров, Хлыстун, Днепров, Булгак, Ефимов), а Дунаев в прежнем правительстве был заместителем министра внутренних дел по работе с личным составом.

Попробуем заняться статистикой в тех пределах, в каких очень скудные «объективки» министров позволяют нам это сделать.

Пол. 19 мужчин, 1 женщина.

Возраст. Самый старший — А. И. Воробьев (63 года), самый младший — Н. В. Федоров (33 года). Старше 50 лет — 8 человек, от 40 до 49 — 7 министров, моложе 40 — 5 членов кабинета.

Национальность. 18 русских, 1 мордвин (А. Ф. Дунаев), 1 чуваш (Н. В. Федоров).

Партийность. Кроме беспартийного А. И. Воробьева, остальные были членами КПСС. Почти все вышли из КПСС в течение 1990—1991 годов.

Участие в выборных органах. Г. Э. Бурбулис, М. Н. Полторанин, Н. В. Федоров, А. И. Воробьев, Э. А. Памфилова — народные депутаты СССР, А. А. Титкин — народный депутат РСФСР.

Ну хорошо, а теперь попробуем ответить на самый занимательный (единственно важный) вопрос — как и почему именно эти люди стали членами российского кабинета в переломный момент. Да, кадры решают далеко не все. Но все же в какой-то мере от этих 20 людей зависит, выдержим ли мы зиму, не взорвется ли Россия бессмысленным и беспощадным, всегда направленным только против нее самой бунтом; проскочит ли наконец корабль неизбежный мыс Бурь или разлетится в щепки, с разбега налетев на скалы?

Это зависит от миллиона никому и ничему не подчиняющихся обстоятельств — верно. Но это зависит и от того, чьи руки лежат на штурвале,— умные ли это руки, дрожат ли они при тряске, не хватают ли одна другую?..

Итак, кто вы товарищи (или господа?) министры?

ИЗВЕСТНЫЕ ЛЮДИ

Пожалуй, всего про двух министров можно уверенно сказать, что это люди, лично близкие к Ельцину, «насмерть» связанные с ним. Это «политические министры» Бурбулис и Полторанин.

Земляк Ельцина Г. Э. Бурбулис стал его сторонником еще в 1989 году, когда избирался от Свердловской области в народные депутаты СССР. Выпускник Уральского университета, преподаватель философии, он не занимал до перестройки каких-либо видных постов, не принадлежал к номенклатуре. В политику пришел в 1988—1989 годах, с тех пор быстро двигаясь по восходящей как профессиональный политик. После того как Ельцина выбрали Председателем Верховного Совета России, Бурбулис стал его официальным полномочным представителем — руководителем рабочей группы консультативно-координационного совета. Бурбулис был руководителем избирательной кампании Ельцина — кандидата в Президенты России. После победы Ельцина стал государственным секретарем РСФСР — секретарем Госсовета при Президенте. Эта должность была выше должности любого министра и примерно соответствовала его нынешнему положению первого зампреда Совмина России. По своему положению в российской политической иерархии Бурбулис разделяет 2—4-е места с Руцким и Хасбулатовым. Излишне и говорить, что в дни путча он был постоянно в «Белом доме», рисковал головой в самом прямом, буквальном смысле слова.

М. Н. Полторанин близко сошелся с Ельциным в 1986 г. К тому времени он сделал блестящую карьеру, заняв высокий пост в партийной журналистике — специальный корреспондент «Правды». Недавно назначенный первым секретарем Московского горкома КПСС Ельцин сделал Полторанина редактором «Московской правды». Газета была рупором московского лидера, а вскоре после падения Ельцина (ноябрь 1987 г.) Полторанин разделил его судьбу. Полторанин был одним из руководителей избирательной кампании Ельцина в 1989 г., когда тот — вопреки твердому приказу ЦК КПСС и МГК КПСС — баллотировался в народные депутаты СССР от Москвы. С того момента, сев в лодку опального лидера, Полторанин разделял превратности судьбы своего патрона. Когда Ельцин стал Председателем Верховного Совета России (в 1990 году), Полторанин возглавил Министерство печати — одно из немногих реально работавших тогда российских министерств. И надо сказать, что свобода печати в России — во многом результат деятельности Министерства печати. Многочисленные ошибки министерства (и лично министра) пресса замечала и фиксировала всегда и сразу, а о том, что было сделано для того, чтобы эта пресса вообще могла существовать, об этом как-то все забывается... Наряду с руководством министерством Полторанин ведет и активную политическую деятельность. Он стал одним из министров, наиболее активно боровшихся с И. С. Силаевым в сентябре—октябре этого года.

Другой «ветеран» российского кабинета, 33-летний министр юстиции Федоров, также яростно бунтовал тогда против премьера Силаева. Н. В. Федоров, как и Бурбулис,— «человек перестройки». В 1989 г. он был старшим преподавателем кафедры научного коммунизма Чувашского государственного университета в Чебоксарах. Ни о какой обычной партийно-советской номенклатурной карьере и речи быть не могло. Но первые выборы вознесли его на небывалую высоту — 30-летний кандидат юридических наук становится народным депутатом СССР, членом Верховного Совета, председателем одного из подкомитетов. Юристы-профессионалы высоко ценились в Верховном Совете, и целый ряд их внезапно стал известен всей стране (кроме самого знаменитого — А. Собчака, можно вспомнить К. Лубенченко, Ю. Калмыкова). Здесь был и соблазн стать ручным, повторить то, что Собчак назвал «эффектом Голика». Однако Федоров прочно занял место на левом фланге Верховного Совета. В частности, он был соавтором законопроекта о печати, положившего начало свободе слова в СССР. Видимо, тогда же он познакомился с Ельциным (может быть, через Полторанина) и в 1990 г. был приглашен им в российское правительство. В том «первом» кабинете Федоров — по крайней мере насколько можно было судить со стороны — часто оказывался в компании своих сверстников, молодых министров — Г. Явлинского, своего одномыльца Б. Федорова. Из этой компании только один Н. Федоров вошел в нынешний состав Совмина России...

Широкой публике знакомы, пожалуй, еще два министра — А. И. Воробьев и Э. А. Памфилова. Как народные депутаты СССР (Воробьев — от Академии медицинских наук, Памфилова — от профсоюзов) они выступали на съездах, сессиях, их лица известны «из телевизора».

Академик медицины А. Воробьев, по общему мнению специалистов,— один из десятка советских ученых-медиков мирового класса. Само по себе это качество вовсе не обязательно для министра, но оно дает в принципе одно огромное преимущество — независимость. Такой ученый может себе позволить роскошь ссориться с начальством — ему есть куда уйти (правда, на нашей памяти примеры крупных ученых, которые вели себя как запуганные чиновники...). Но главное, что Воробьев действительно обладает в медицинском мире (завистливом и ехидном, как любое сообщество профессионалов) абсолютной нравственной репутацией — репутацией человека, по-настоящему думающего о деле, а не о себе в деле. Воробьев, пожалуй, единственный в российском Совмине, для которого назначение является реально лишь добровольно взятой обузой, которая, ничего не прибавляя в смысле престижа, денег и т. д., лишь отвлекает от любимого дела. Если он — вопреки мольбам своих сотрудников — сделал такой выбор, то это означает лишь, что он, как ни странно, действительно надеется что-то улучшить (или что-то спасти?) в гибнущем российском здравоохранении. Со стороны задача кажется заведомо нереальной, но надо надеяться, что он лучше знает положение медицины и, может быть, видит все же какие-то развязки.

Одна из самых интересных фигур в российском кабинете (не говоря уж о том, что она интересная женщина) — Э. А. Памфилова. Известно, что в партийно-советской номенклатуре отношение к женщинам в Верховном Совете всегда было «с доброй улыбкой». У этих депутатов были три темы: о том, что женщин мало в совете, комитете, комиссии и т. д. (улыбки, смех в зале), о том, что «как мать и как женщина» она просит о более дружной работе и требует заклеймить позором академика Сахарова (бурные аплодисменты), и, наконец, всякие очаровательные мелочи о женской политике, женских проблемах и т. д. (зал спит, шуршит газетами, уходит в буфет). Таких депутатов и старались подбирать — или миловидно-робких рабоче-крестьянок, или задорных девчат — комсомолок-доброволок, или матерых, в сущности, лишенных пола секретарш обкома.

Памфилова, с ее милым и немного застенчивым лицом, как раз, казалось, отвечала эстетическим и политическим требованиям поэта-лирика, по недоразумению ставшего Председателем Верховного Совета СССР. Оно и вправду — депутат от профсоюзов, председатель профкома — что же лучше? И Лукьянов возлагал на Памфилову немалые надежды. Она становится членом Совета Союза и членом какого-то безобидного, абсолютно не интересующего начальство комитета (экология и природные ресурсы... Милое дело!). Введя ее в Совет Союза, Лукьянов мог пометить в записной книжке — еще один голос гарантирован.

Но здесь Анатолий Иванович ошибся, как и во многом другом! Истинно роковой ошибкой стало казавшееся таким мудрым решение — сделать Памфилову секретарем комиссии по привилегиям.

Председатель был проверенный — знаток привилегий разных и всяких, академик Примаков. Его мощную, уверенную фигуру идеально оттеняла бы Памфилова. Конечно, никто не надеялся, что народ хоть на миг поверит той туфте, какую будет гнать эта комиссия, но в устах Памфиловой все это звучало бы, по замыслу режиссера... ну, как-то сносно, гладко, что ли...

Примаков точно выразил идеологию руководства — черные «Чайки» слишком приметны, да и жарко в них, черт возьми, неудобно... Надо их перекрасить в белые — и конец вопросу о привилегиях! (Он даже не заметил, что фактически неудачно сострил на известную тему «черного кобеля не отмоешь добела».)

Но Памфилова испортила всю картину. Возник не предусмотренный сценарием эффект: она оказалась честным человеком! Окунувшись в самый гадюшник «привилегий» (о котором мы реально ведь и понятия-то не имеем), она начала безнадежную борьбу — пусть не за изменение ситуации, так хотя бы за реальную информацию. И не в добрый час созданная эта комиссия стала вечным гвоздем в ботинке и у Лукьянова, и у многих других — стала во многом благодаря именно Памфиловой.

Дальше — больше.

Оказалось, что Памфилова не только порядочный человек в кресле депутата (это еще полбеды!), но и в политике разбирается. Она вышла из КПСС, встала в оппозицию к столь благосклонному к ней руководству ВС СССР; вообще вопрос о «привилегиях» не свелся к описанию чужих «Чаек», а обернулся политическим вопросом — о сути самого строя, «социализма с человеческим лицом».

Сегодня у Памфиловой впервые появляется шанс попытаться изменить ситуацию с социальными привилегиями в России. Два года не прошли даром для нее, а главное, изменилась необратимо вся ситуация. И все же даже борьба с привилегиями (а это далеко не главное в деятельности будущего министра) невероятно тяжела. Ходят легенды о привилегиях новой «демократической номенклатуры». Если даже разделить эти байки на десять, то все равно мы получим такие авгиевы конюшни, которые не то что вычистить, к которым и подступиться-то страшно... Но, во всяком случае, Памфилова, кажется, приходит к этому делу не с пустыми руками.

Об остальных членах российского кабинета известно куда меньше. Хотя тут есть четко «политические» министерства (МИД, КГБ), мы мало слышали министров, мало знаем их политические взгляды. Но прежде всего необходимо четко выделить одну спаянную команду, «под которую», собственно, и создан данный Совмин.

ЕГОР И ЕГО КОМАНДА

Внук Аркадия Гайдара, сын контр-адмирала и писателя Тимура Гайдара, доктор экономических наук Егор Гайдар, как известно, главный идеолог последнего варианта российских реформ. В отличие от Тимура, описанного его знаменитым дедом, Егору предстоит не разносить старушкам милые социалистические подарки, а преподнести совсем другой подарок — второе издание «развития капитализма в России».

«Мальчиши-Кибальчиши» Гайдара, которые составляют оптимальный маршрут для буржуинов, резко выделяются в Совмине, составляют его главный мотор. Кроме самого 35-летнего Гайдара, в команду входят: другой зампред Совмина А. Н. Шохин (1951 г. р.), министры В. И. Данилов-Данильян (1938 г. р.), В. М. Лопухин (1952 г. р.), Б. Г. Салтыков (1940 г. р.). По-видимому, к этой группе примыкает также А. Б. Чубайс (1955 г. р.).

Вот эта группа из 5—6 министров, очевидно, является решающей силой в новом российском кабинете. Политический «зонтик» над ней раскрывает Бурбулис, а на самом высшем уровне — Ельцин, который сказал, что видит свою задачу в том, чтобы прикрывать своими могучими плечами этих способных ребят, брать удары на себя. Собственно, для этого он и вошел в состав правительства как его глава.

Я не буду здесь разбирать концепцию Гайдара и его коллег в содержательном смысле. Известно, что они работали в контакте с многими экономистами. От Явлинского и Сабурова их отличает меньшая связь с союзными структурами, установка на Россию, российский путь к рынку. От Пияшевой и Селюнина они отличаются меньшей «рейганомичностью», менее радикальной установкой на классический капитализм и либерализм. От Найшулля и Кордонского (известные экономист и социолог, также работавшие в контакте с этой группой) они отличаются тем, что верят в общие для всех стран, неспецифические именно для советского «бюрократического рынка» пути перехода к экономике частной собственности. Однако анализ их экономической позиции, повторяю,— особая тема. Мне бы хотелось лишь дать обобщенный портрет этой группы министров.

Все они — то, что называется «блестящие молодые люди». Не столь важно, что старшему из них уже за 50. Все они кончали сверхпрестижные советские вузы (экономический факультет или мехмат МГУ, Московский физтех), по окончании этих вузов работали в таких же сверхпрестижных, «блатных» академических институтах. Это люди одной среды, люди с одинаковой ментальностью, общими знакомыми, ценностями, интересами. Люди одной крови — ироничные, карьерные, уверенные, работоспособные, привыкшие быть «на направлении главного удара». Все они прошли через два особо престижных НИИ — Институт системных исследований и Центральный экономико-математический институт (и выделившийся из него впоследствии Институт экономики и прогнозирования научно-технического прогресса — Институт народнохозяйственного прогнозирования) Академии наук СССР. В этих институтах тон задавали такие люди, как академики Шаталин, Петраков.

То была особая среда — среда, близкая к высшему руководству, но никогда не сливавшаяся с ним; люди, больше общавшиеся с западными коллегами, чем с советскими директорами заводов, люди, мечтавшие о большом государственном деле и карьере, но не шедшие в замшелые чиновники. Эти люди, дети «шестидесятников», всегда были жестко ориентированы на Запад и никогда не страдали от несварения марксизма (вечная беда и комплекс «шестидесятников», «социалистов с человеческим лицом»). Они уже выросли с ясным убеждением, что эта система не будет работать потому, что не будет работать никогда. Не диссиденты, они успешно вступали в партию, делали научную карьеру, ездили в загранкомандировки, защищали диссертации, но знали, что система обречена, и были готовы (или думали, что готовы) к ее краху. Эти экономисты, встречаясь, разговаривая, отдыхая вместе еще в начале 80-х годов, думали, как спасать и перестраи-

вать страну после краха той партии, в которой они состояли, краха той системы, в которой они «росли» по академической лестнице. Здесь уже не были нормальные прекраснодушные мечтания «пикейных жилетов», а взгляд профессионалов, хотя и в этом взгляде, может быть, слишком много наивного и теоретического...

Сегодня, когда эти, в основном «малогабаритные», люди, легко говорящие по-английски, но не до конца освоившие номенклатурный сленг с его «посоветоваться с товарищами», «изучить и проработать вопрос», «углубить», быстро входят в вовсе не для них предназначенные кабинеты-гиганты в зданиях на Старой площади и в Китайском проезде, повергая в шок выхоленных управделами, вы видите удивительную картину. В который уже раз в русской истории быстрые чацкие вдруг вытесняют «правильным курсом ползущих» товарищей молчалиных, дуболомов-скалозубов и самих фамусовых! Так было при Александре I, когда окружавшая его блестящая молодежь, все эти Кочубеи, Чарторижские, Сперанские вдруг потеснили стариков; так было и при великих реформах Александра II; так было после февраля 1917 года... Много раз так было в злосчастной русской истории — и, увы, всегда кончалось одинаково.

Страшно написал о декабристах Тютчев:

О жертвы мысли безрассудной,
Вы уповали, может быть,
Что станет вашей крови скудной,
Чтоб вечный полюс растопить!
Едва, дымясь, она сверкнула
На вековой громаде льдов,
Зима железная дохнула —
И не осталось и следов.

Конечно, любая аналогия условна, а тут, пожалуй, и четкой аналогии-то нет. Но будем помнить это предостережение и будем надеяться, что 170 лет все же даром не прошли для России, и эти реформы, и этих реформаторов ждет иная судьба... Впрочем, одних надежд мало — наши судьбы сплетены, и, помогая реформаторам, мы получаем шанс помочь и себе. А провал реформ означает общий крах — «зима железная» дохнет с равной силой на нас всех.

...И ОСТАЛЬНЫЕ

А что же представляют собой остальные 9 министров? Они очень разные люди — выпускник МГИМО и, видимо, сын дипломатов (родился в Брюсселе в 1951 г.), министр иностранных дел А. В. Козырев и уроженец села Алешкино Ульяновской области, милиционер с 20 лет А. Ф. Дунаев, а равно и другие семеро их коллег. Тем не менее я бы рискнул выделить некий общий признак: «Чем вы занимались до 17-го года?» Кем были эти люди в канун перестройки (1985 г.) или к моменту прихода Ельцина на высший пост в руководстве России? Перечислю должности: инструктор ЦК КПСС, затем зам. пред. Госснаба СССР (С. В. Анисимов); начальник главка Минсвязи СССР (В. Б. Булгак); начальник Управления внутренних дел области — начальник Калининской специальной средней школы милиции МВД СССР (А. Ф. Дунаев); зам. министра автомобильного транспорта РСФСР (В. Б. Ефимов); зам. начальника инспекторского управления КГБ СССР (В. В. Иваненко); зам. начальника, а позже начальник Управления Международных организаций МИД СССР (А. В. Козырев); директор тульского производственного объединения «Тяжпродмаш» (А. А. Титкин); проректор Московского института инженеров землеустройства (В. Н. Хлыстун). Несколько особняком в этом ряду стоит министр образования РСФСР Э. Д. Днепров — он был на научной работе, заведовал лабораторией, а затем руководил Центром педагогических инноваций в печально известной Академии педагогических наук (впрочем, Днепров-то как раз слыл в Академии «диссидентом»).

Итак, перед нами — номенклатура «второго гарнитура» (а кое-где и «полуторного» гарнитура, уже очень близкого к своим нынешним местам). Это люди, которые и без всякой перестройки, без Ельцина, без революции, при «нормальном» развитии событий имели очень неплохие шансы, двигаясь со ступеньки на ступеньку, занять те самые места, какие они занимают сегодня.

Говорит ли это о них «плохо»? Это само по себе не говорит о человеке ничего. Не забудем, что Горбачев, Яковлев, Шеварднадзе, Ельцин занимали в бюрократической табели о рангах немного более высокие посты, чем перечисленные товарищи! Про некоторых из них известно, что они «сожгли корабли»: так, тот же министр внутренних дел Дунаев в дни путча удостоился высшей оценки от покойного министра внутренних дел СССР. «Я тебя расстреляю!» — говорят, крикнул ему генерал-полковник Пуго... Высказывания министра иностранных дел Козырева сделали бы честь самому крайнему демократу, который в годы застоя не в центральном аппарате МИД СССР работал, а на лесоповале припухал. Так что «анкетный метод» в очередной раз демонстрирует свое бессилие в каждом отдельно взятом случае. Но при оценке группы этот метод уже кое о чем говорит. А говорит он, в частности, о том, что в «команде-I», в предыдущем составе Совмина России, людей с благополучным номенклатурным прошлым было много больше. Почти все они (Кулик, Скоков, Н. Малышев) ушли при реорганизации кто в союзные структуры, кто во второй эшелон российской власти. Среди ушедших в тень даже О. Лобов — многолетний ближайший помощник Ельцина еще по Свердловску, бывший в 91-м году первым зампредом Совмина РСФСР (ныне — председатель экспертного совета при Председателе Правительства РСФСР).

Вот тут уже видна определенная логика и тенденция. Ельцин разворачивает свой аппарат в определенную сторону. И если не кричать криком великим по поводу каждого отдельного назначения, а рассматривать их в пакете, в некоторой перспективе, то тенденция абсолютно ясна — перемещаться от людей с аппаратно-номенклатурным прошлым к ученым и политическим деятелям.

Однако время сейчас такое, что события разлетаются слишком быстро и яростно. Тенденция может не успеть выявиться, а уже никого не волнуют намерения, анкеты, ошибки и обстоятельства, волнуют только результаты. Да, Ельцин был прав (хотя, быть может, и сам не до конца верил в свои слова): это правительство реформ, правительство переходное. Сумеет оно добиться хоть малого сдвига — уйдет с почетом, и на его место придут люди того же стиля, лишь углубляющие и развивающие ту же линию в человеческом и профессиональном плане. Не сумеет добиться сдвига, провалит реформы — ну, тогда жди Ваньку Каина... А уж как там его назовут, Владимир Вольфович или Александр Глебович, будет он бывшим младшим редактором издательства, полковником гэбэ, секретарем райкома или «неистовым экономистом» (проф. Сергеев) — это будет иметь такое же значение, как вопрос, что питательнее: мышьяк или цианистый калий...

* * *

Так что перед нами? Разные группы (лично преданные Ельцину политики; экономисты, дышащие одним духом; «честные аппаратчики»; независимые крупные личности) или единый ансамбль?

Мы это очень скоро узнаем... если только вице-президент, Верховный Совет, обстоятельства (и, главное, мы сами) не парализуют работу правительства, на горе ему и всем нам. Постараемся, чтобы до этого не дошло.

ПО ОПЕРАТИВНЫМ СВОДКАМ

В минувшем месяце самым малозначительным делом была пропажа пеленок и детского питания, оставленных в коляске около молочной кухни. А самым громким — вооруженное ограбление квартиры санкт-петербургского коллекционера антиквариата, откуда похитили ценностей почти на 45 миллионов рублей. Преступление, готовившееся полгода, раскрыто за 36 часов, вещи возвращены владельцу. Но вот пеленки... Не рецидивист же на них позарился, скорее всего кто-то из прохожих. Можно было бы об этом и не упоминать, да только в последнее время стало лавинообразно нарастать количество заявлений о снятом с веревок белье, исчезновении верхней одежды из гардеробных, опустошении в дачных домиках погребов с припасами.

Зеркала нашей действительности отражают и иные реалии. Криминальная хроника свидетельствует, что БОЛЕЕ ПОЛОВИНЫ ВСЕХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СТРАНЕ СОВЕРШАЕТСЯ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ И ИМУЩЕСТВА ГРАЖДАН. А, по статистическим данным, с начала года КАЖДЫЙ ТРЕХСОТЫЙ ЖИТЕЛЬ СТАЛ ЖЕРТВОЙ покушения на убийство, изнасилование, разбоя, уличного или квартирного ограбления.

С заведомо корыстными побуждениями связана треть совершенных убийств. Больше стало групповых нападений с применением различных видов оружия.

Уголовная среда быстро пополняется. Девять из десяти преступлений совершают люди, ранее не привлекавшиеся к ответственности.

В ночь на 2 ноября в г. Сургуте задержан 20-летний военнослужащий Е. Усольцев, управлявший машиной «Жигули». В ходе расследования подозреваемый показал, что машина принадлежит инженеру, которого с целью захвата автомобиля они совместно с 19-летним неработающим В. Федоровым убили, а труп облили бензином и сожгли. Федоров арестован. Останки трупа обнаружены. Расследование продолжается.

Утром 18 ноября в помещении тверского кооператива «Регина» обнаружен труп сторожа с ранами на голове. Взломщики, перепилив дужки навесного замка, похитили ценного имущества на 130 тысяч рублей.

В последнее время больше всего тяжких преступлений совершается в регионах с повышенной миграцией населения. Неустроенность, социальная напряженность, злоупотребления спиртным провоцируют вспышки агрессивности и жестокости. Почти половина от общего количества убийств — «бытовые». День за днем в сводках МВД повторяются сведения, отличающиеся одно от другого лишь фамилиями участников и названиями населенных пунктов.

7 ноября в 14 часов в г. Петрокрепость на приусадебном участке своего дома обнаружены трупы пожилых людей, мужчины и женщины. Убил супругов после ссоры, вызванной неприязненными отношениями, их 26-летний внук.

14 ноября около 8 часов 27-летний водитель елабужского АТП, ранее судимый, в приступе ревности отрубил головы своей жене, неработающей, двум сыновьям 2 и 4 лет, после чего в здании общежития ранил ножом в живот коменданта и скрылся.

19 ноября в г. Тайга при розыске пропавшего без вести железнодорожного рабочего Н. Михопарина, 1951 года рождения, установлено, что в ночь на 16 ноября Е. Макаров, 1952 года рождения, рабочий леспромхоза, ранее судимый, в своем доме, во время совместной выпивки повздорив с собутыльником, ножом убил его, труп расчленил и закопал в сарае.

Взрыв преступности всех видов сотрясает республики, где обострены внутриполитические и межнациональные конфликты. Силы правопорядка отвлечены, а уголовному миру это только на руку. Но когда расхищаются крупные партии оружия, легко совершаются массовые побеги заключенных, акты террора против населения становятся неконтролируемой повседневностью.

В ночь на 1 ноября в станице Орджоникидзевской Сунженского района двое неизвестных, разобрав черепичную кровлю, проникли в дом 78-летней пенсионерки, изнасиловали ее и забрали 8 рублей.

1 ноября в 19 часов в г. Грозный трое неустановленных преступников зашли в квартиру фотографа, угрожая автоматом и пистолетами, отобрали носильные вещи и на «Жигулях», принадлежащих потерпевшему, отбыли в неизвестном направлении.

2 ноября в Баку около 6 часов утра при перевозке оружия и боеприпасов из подразделения внутренних войск МВД СССР в аэропорт была блокирована дорога и под угрозой применения оружия и гранат захвачены 5 грузовиков с боеприпасами.

3 ноября около населенного пункта Азизбеков неустановленными лицами из «Жигулей» без номерных знаков обстреляна «Волга», в результате чего получил ранение в голову глава исполнительной власти Ханларского района М. М. Ашуров.

6 ноября в 17.45 в Махачкале на улице перед возвращавшимся домой народным депутатом Дагестана, председателем комиссии по законности и правопорядку ВС Дагестанской республики, членом Конституционного суда РСФСР Г. А. Гаджиевым произошел взрыв самодельного взрывного устройства. Пострадавших нет.

7 ноября во Владикавказе из проезжавших «Жигулей» тремя неустановленными лицами произведены выстрелы из АКМ и пистолета «ТТ» в стоящую группу людей. Погибли два человека, оба ингуши.

В ночь на 11 ноября на территории воинской части МО (Термезский район Сурхандарьинской области) неустановленные преступники, взломав дверь склада, похитили 34 танковых пулемета.

Пулеметы, надо полагать, нужны не для того, чтобы, по совету Жванецкого, талоны в жэке в срок получить... Но, кстати, замелькали в оперативных сводках и сообщения об учащающихся нападениях на домоуправления.

18 ноября неизвестный вошел в ДЭУ г. Химки, где, применив против уборщицы баллончик с химическим веществом, похитил 700 талонов на водку.

И для городского, и для сельского населения кражи стали подлинным бедствием. Это самый распространенный и наиболее стремительно растущий вид преступлений, причем нераскрытыми остается свыше 70 процентов случаев. Треть ограблений совершается на улицах, а треть — из квартир. «Домушники-профессионалы» гастролируют по солидным наводкам, «дикие» действуют наугад, но и те, и другие перестали выбирать «удобный» случай. Чаще всего теперь группами вламываются середь дня в дверь, связывают или загоняют хозяев в ванную и набивают сумки добром, заодно опустошая уже и холодильники.

13 ноября около 14 часов два неустановленных преступника, позвонив, ворвались в квартиру пенсионера, где под угрозой пистолета изъяли облигации 3-процентного займа на сумму 2500 рублей и продукты.

17 ноября после полуночи в селе Резоватове Ичалковского района Мордовии трое неизвестных пытались проникнуть в сарай пчеловода. Хозяин с охотничьим ружьем вышел во двор по тревоге автономной сигнализации. На него напали, завладели ружьем, завели в дом и там забрали 16 тысяч рублей, а из сарая вынесли 6 бочонков с медом весом 700 килограммов, после чего на грузовой машине уехали.

Ведущие специалисты управлений внутренних дел не скрывают тревоги — рост преступности в условиях экономического спада может обернуться уголовным беспределом. Одни считают, что об этом надо говорить вслух, другие категорически против «запугивающих» публикаций. Но и те, и другие утверждают: криминальная милиция свое дело знает, могла бы работать значительно эффективнее, будь получше технически оснащена и материально обеспечена.

Судя по цифрам, за 11 месяцев раскрыто преступлений и привлечено к уголовной ответственности людей больше, чем за тот же период прошлого года. Однако это борьба с *последствиями* противозаконных действий. А на вопрос, как предотвратить *причины*, их порождающие, ответ надо искать не в оперативных сводках.

Подготовил Владимир ПАРИЙСКИЙ

ИЗ ПОЧТЫ ОДНОГО ДНЯ

Августовская революция вывела на свет гораздо больше проблем, чем разрешила. Экономическая ситуация ухудшается, и нет оснований надеяться, что удастся в ближайшее время хотя бы замедлить сползание в черную дыру кризиса и экономического хаоса. Момент для применения шоковой терапии упущен, всеобщую приватизацию и раздачу земли крестьянам надо было начинать два года назад. Две зимы в процессе развала экономики мы кое-как прожили. Грядет третья зима, а переход к нормальной экономике еще только начинается.

Э. КАИРА
Новороссийск

Орден Ленина на титульном листе вашего журнала не соответствует его сути — вы его не заслужили. Этот знак был выдан тому, софроновскому журналу. В те годы это был знак отличия журнала от других, себе подобных, но недостаточно еще выслужившихся перед режимом.

А. ЗАХАРОВ
Санкт-Петербург

Вряд ли бы согласился Ленин, будучи истинным большевиком, атеистом, лежать «святыми мощами» в мавзолее. Ведь это же, если рассудить по-ленински, издевательство над ним самим, его учением.

В. СНЕГИРЕВ
Щигры Курской области

Не все у Валерии Новодворской мне понятно, далеко не все ее взгляды и действия разделяю, но и ничего страшного в этом не вижу, ибо без находящегося в равных условиях инакомыслия нет и не может быть подлинной демократии, действительно цивилизованного правового государства, общества. Плюс ко всему нельзя не поклониться гражданскому мужеству и принципиальности этой женщины.

Е. ДЕВЯТИСИЛЬНЫЙ
п/о Снигири Московской области

Наконец-то кончилось топтание на месте, когда каждый день очень дорог,— выработаны конкретные меры по осуществлению реформ. Наконец-то будут ликвидированы паразитирующие структуры, бесхозяйственность, расточительство. Россия становится правовым государством. В такой ситуации каждый россиянин должен помочь личным вкладом, не стоять в стороне.

Р. БАЙБИКОВ
Ташкент

Меня глубоко взволновало короткое интервью по телевидению с Михаилом Козаковым, уехавшим в Израиль. Его отъезд — результат того, что настоящий артист жить и развиваться в нашей стране в современных условиях не может. Его слова извинения, обращенные ко всем нам, почитателям его таланта, заверение в добрых чувствах к Родине, надежда на встречу с соотечественниками искренни и понятны всем. Только недалекий, тупой человек может бросить камень в артиста.

Н. ТИХОНОВ
Москва

Считаю, что во все уставы воинской службы должно быть внесено положение о том, что военнослужащий Вооруженных Сил СССР имеет право не выполнять приказ о применении оружия против гражданского населения.

А. КУСКОВ
Темиртау Карагандинской области

■

Всем, наверное, надоело уже чрезмерно долгое празднование победы. И нашим, и не нашим. Но я хотел бы высказать ряд соображений. В первую очередь хочу сказать, кто такой я, чтобы не подумали, что коммунист. Ведь у нас как: если не ругаешь, то сам такой. Я — фермер и с первого часа путча знал, что начало его — конец для меня, а потому всерьез начал думать, как уехать из страны.

Теперь о главном. Я не согласен с обвинениями, которые выдвигают в адрес путчистов-коммунистов. Например, с тем, что они пытались совершить антиконституционный переворот. Да, может быть, они и нарушили закон, я не знаю, некомпетентен. Но суть-то в том, что мы, те, кто стремится к рынку, подрываем старую конституцию в гораздо большей степени, чем Янаев с компанией. Я не высказываю сожаления по поводу нашей незаконной деятельности, просто хочу уточнить. А то, что они в тюрьме,— это относительно. Продлись 19-е число подольше, и все, что сейчас пишут в их адрес, написали бы о нас.

Теперь о том, что пошли они против своего народа. Такое впечатление, что народ — это вроде одного человека, точно знающего, что для него хорошо, а что плохо. Народ — это по крайней мере двое. Один проголосовал за Ельцина, то есть за рынок, другой — против. И все знают, что по числу они не сильно разнятся. Мы хотим свободы, другие жить не могут без порядка и уравниловки. Многих эти слова могут шокировать. Но все довольно-таки просто: то, что в наших интересах добро, с противоположной стороны — зло.

Так что не стоит приукрашивать — пришло наше время. Сил у нас больше, а потому торжествуем мы. Я не призываю к произволу. Давайте соблюдать приличия: попраздновали, и хватит. Не надо прыгать на трупе, ни к чему, недостойно победителя.

С. ДОЛОТОВСКИЙ
п/о Насва
Новосокольнического района
Псковской области

■

С болью прочитала письмо осужденной С. А. Лактионовой («Огонек» №27, 1991 г.). Действительно, положение заключенных-женщин почти не отличается от положения заключенных-мужчин. Так же набивают арестованных женщин в переполненные камеры СИЗО. Так же спят они на бетонном полу, наживая массу болезней. В таких же камерах содержатся и беременные женщины, и кормящие матери с грудными младенцами. Так же перевозят в зарешеченных «столыпиных» осужденных женщин с детьми на руках... И все это в стране, где столько десятилетий трубили о том, что «дети — наш единственный привилегированный класс», в стране, где столько распинались о счастливом детстве!

Вы не представляете, каково приходится матери с ребенком в тюрьме! Ни пеленок — рвут на них замызганные тюремные простыни, ни кипяченой воды, никаких средств для ухода за ребенком. Даже доступа свежего воздуха нет — окна камеры забиты железными листами. Врача невозможно допроситься. Лекарств в тюремном лазарете, как правило, тоже нет. Вот и заходится ребенок в плаче, а мать не в силах его успокоить, стучит отчаянно в железные двери. Но дежурные надзиратели делают вид, что не слышат.

Еще не появившись на свет, дети начинают расплачиваться за грехи своих матерей. На дополнительное питание осужденных женщин ставят только после 5 месяцев беременности, а до тех пор они получают питание такое же, как и все.

Их дети рождаются более слабыми физически, болезненными, с повышенными невротическими реакциями или с еще более сложной патологией. А затем они начинают отбывать наказание со своими родительницами вместе. В колонийских детдомах матери могут видеть своих детей один раз в день. Если ребенок заболел, то посещать его матери запрещается. По достижении трехлетнего возраста малышей переводят в другие детские дома, и связь с матерью прерывается надолго, иногда рвется навсегда.

Дети хотя и не понимают, где они находятся, но интуитивно чувствуют неволю. Из окон детдома они каждый день видят одну и ту же картину: колонну женщин в серых бушлатах или в серо-голубых платьях, идущих строем на работу или на обед. Дети знают, что где-то среди них их матери. Но они не знают, что где-то есть лес, речка, города, нарядные толпы людей... Они просто не ведают, что есть где-то совсем другая жизнь, не огороженная бетонным забором и рядами колючей проволоки.

В Гомельской колонии маленькие узники, как и их осужденные матери, страдают от последствий «мирного» атома Чернобыля.

Недавно через Белсовет ВДФСО профсоюзов из Германии рабочая спортивная школа Раудерфенан (земля Северная Вестфалия) передала малышам колонийского детдома продукты детского питания: молочные смеси, фруктовый чай, фруктовое пюре на сумму более трех с половиной тысяч рублей. Низкий им поклон за это!

В последнее время колонию часто посещают верующие из общины евангельских христиан-баптистов, которые приносят малышам игрушки, конфеты. А в июне детей окрестил православный священник Никольской церкви Гомеля отец Даниил. Может, хоть Всевышний станет их заступником и изменит их горькую судьбу?

Г. ЛОБАЦКАЯ,
библиотекарь колонии
Гомель

■

Хочу с вами поделиться одной мыслью. Почему все время встает вопрос о приватизации квартир, тем более об их выкупе?

Вот возьмем дом, в котором я родилась,— сейчас там живет мой брат. Дом построен до революции, в нем 24 квартиры. Все эти годы за квартиру платили мои прабабушка, бабушка, мать, а теперь и брат. Вот и посчитайте, сколько денег уплатили только мои родственники... Часть денег ушла на зарплату уборщицы и дворника, часть — на ремонт, кстати, делают его у нас сами знаете как. В каждой квартире по две семьи, квартплата — 15 рублей в месяц. Посчитала: за 74 года жильцы выплатили около 2 миллионов рублей.

И это только один дом! А сколько их хотя бы на одной улице? Вот интересно: куда же ушли деньги и почему жильцы до сих пор не являются хозяевами своей жилплощади? Что, мало выплачено? Эти цифры только показывают, как грабят наш народ. Конечно, за жилплощадь надо платить налог. В кооперативах этот вопрос решен — выкупил квартиру, и она твоя. А здесь ты пожизненный раб. А если хочешь выкупить — выкупай, но прошлая плата не в счет.

Никто из моих близких и не собирается выкупать квартиру. Но я думаю о том, что справедливости нет. Какими деньгами владеет коммунхоз, а наши города стоят грязные, обшарпанные. Говорят, денег нет, но куда же они ушли и кому?

Е. ВАСЬКОВСКАЯ
п. Ворзель Киевской области

■

Позвольте мне высказать свое мнение по поводу четырех Южно-Курильских — японских островов.

В 1904 году сибирские социал-демократы писали в одной из своих антивоенных листовок: «Русский Царь объявил войну Японии, но он не спросил, согласен ли русский народ воевать с народом Японии?» Действительно, причины русско-японской войны уточнит история. Доподлинно известно, что царское правительство проводило политику покорения Маньчжурии, и неофициально Маньчжурию называли «Желтороссией». Такая политика неизбежно привела к столкновению с Японией.

В августе 1945 года Сталин вероломно нарушил договор о нейтралитете с Японией, подписанный им самим же, и тоже не спросил, согласен ли советский народ воевать с японским народом. Японские военные силы были разгромлены американцами и находились на грани капитуляции. Ввязываться в эту войну нашему измученному, обескровленному народу не было никакого смысла. Но смысл был у сталинского руководства и лидеров других компартий: распространить коммунистическую экспансию не только на запад, но и на восток, и на юг.

9 мая 1945 года наши солдаты радовались, что остались живы, но радоваться надо было не всем. Только для того, чтобы посадить в диктаторское кресло Ким Ир Сена, в Корее погибли тысячи наших солдат и офицеров. А сколько наших соотечественников погибло в Китае, чтобы помочь удержаться у власти Мао Цзэдуну? Сколько денег вложено в эти режимы, и это при нашей-то бедности?

Листовка сибирских социал-демократов заканчивалась словами: «Русскому рабочему не нужна Маньчжурия. Русскому крестьянину не нужна Корея!» Нам тоже не нужны ни Маньчжурия, ни Корея, ни Южно-Курильские острова. Эти четыре острова, бесспорно, японские. Жили там всегда японцы. Изгнали их оттуда сталинские опричники.

Продолжать незаконную оккупацию четырех японских островов нет смысла также с экономической точ-

ки зрения. Из-за них на границе с Японией будет продолжаться напряженное положение. Потребуются огромные затраты на содержание вооруженных сил. И затраты эти больше, чем доходы с этих островов.

У трудящихся нашей страны и трудящихся других стран нет никаких противоречий и нет причин убивать друг друга. Во всем мире нет такого народа, который в XX веке пережил столько горя и войн, как наш народ. Навоевались досыта. Надо жить дружно со всеми народами. Чужие земли нам не нужны — свои необжитые просторы не знаем как освоить.

Г. ГОРБУНОВ,
ветеран войны и труда
Новосибирск

■

Я давно уже не выписываю ваш журнал из-за дороговизны и тенденциозного освещения фактов. Но вот случайно прочитал № 38 и не мог не написать. То, что злорадствуете по поводу «конца империи» и краха коммунистического, а по сути дела псевдокоммунистического, режима, это соответствует вашему духу. Но рухнула-то только «большая империя» — СССР, а «малая» — РСФСР, наоборот, делает судорожные усилия укрепить свои позиции. И взамен коммунистического режима пришел демократический, правда, лидеры не сменились.

Вся пагубность деятельности коммунистического руководства, начиная со Сталина и кончая Горбачевым, заключается в том, что была дискредитирована сама суть коммунистических идей. Идеи, защищающие прежде всего интересы трудового народа и рассчитанные на высокосознательных людей, волею судеб были взяты на вооружение людьми нечистоплотными, бездарными, а потому и оказались утопическими. В результате деятельности этих руководителей, включая и руководителей периода перестройки, народ доведен до отчаяния и, как черт ладана, боится слова «коммунизм», не без вашей помощи, конечно.

После августовских событий незаметно для народа произошла смена общественно-политического строя в нашей стране. Тех, кто так бездарно пытался защитить прежний строй, обвиняют в измене Родине. А те, благодаря кому произошла смена общественно-политического строя, ходят в героях. Даже по вашим публикациям («Светская хроника») активными защитниками «Белого дома» были рэкетиры и зэки. Это и понятно. Ведь в ходе приватизации магазины и малые предприятия покупают в основном представители теневой экономики, воры и хапуги, так как простой смертный не имеет стартового капитала. Так что они защищали свои интересы. Только кто защитит интересы простого народа и уживется ли он с новыми хозяевами?

Ф. УРАЗАЕВ,
военнослужащий
Небит-Даг

■

Мы являемся, может быть, единственным на Земле народом, не имеющим уважительного обращения друг к другу («мужчина» и «женщина» — не в счет). До революции в русском языке были слова-обращения: господин, сударь, милостивый государь. Было и слово товарищ. «Порадейте же, товарищи!» — обращался Петр Великий к солдатам накануне Полтавской битвы. «Товарищ, верь: взойдет она...» «Наверх вы, товарищи, все по местам...»

Гражданская война уничтожила господ и оставила только товарищей. Люди старшего поколения помнят, как на случайную обмолвку — господа! — можно было услышать: «Господа в Черном море утонули!»

Но, став единственно допустимым, «товарищ» превратился в казенно-лицемерное слово, которое само вышло из обращения. В течение последних 25 лет, начиная с Вл. Солоухина, многие у нас предлагали вернуться к старым обращениям. Побывавшие за границей, даже в бывших соцстранах, вспоминали, как у них распрямлялись спины и поднимались головы, когда им говорили «пан» или «пани». Вообще доводов в пользу общечеловеческих обращений было высказано много, а возражений убедительных — ни одного.

Однако вряд ли что-то изменится само собой. За семьдесят лет нас так растлили, что без приказа мы и к самоуважению вернуться не можем. Значит, нужен приказ. Удобней всего начать там, где живут по приказу, по уставу, — в армии. «Господин лейтенант!» — как прекрасно это звучит и как благотворно действует на обе стороны — и на того, кто обращается, и на того, к кому обращаются. Затем такое обращение надо распространить в учреждениях, на службе, в учебных заведениях. А там оно войдет и в быт.

Вместе с восстановлением частной собственности старые обращения вернут нам утраченное чувство собственного достоинства.

П. НЕГРЕТОВ
Воркута

■

Познакомился с письмом И. Смирницкого из Калуги («Огонек» № 23, 1991 г.), в котором «бдительный» читатель подвергает критике некоторые положения учебника «Новейшая история (1939—1988)» для XI класса средней школы, выпущенного под моей редакцией издательством «Просвещение» в 1989 году.

Хлесткий стиль письма и издевательский тон, избранный автором, отнюдь не свидетельствуют о его компетентности и такте. И. Смирницкий, который, как и некоторые другие лица, чьи письма печатает ваш журнал, демонстрирует свою «принципиальность» с изрядным опозданием и в глазах читателей выглядит заурядным конъюнктурщиком.

Хочу обратить ваше внимание на то, что авторский коллектив готовил учебник в 1988 году и представленные в нем взгляды и оценки по проблемам новейшей истории отражают общественное сознание того времени. Естественно, что авторы не могли предвосхитить радикальные перемены, происшедшие в относительно короткий срок в мире, и особенно в странах Восточной Европы в 1989—1991 гг.

Авторским коллективом подготовлена и летом текущего года вышла в свет брошюра (объем — 6,8 уч.-изд. листа) «Новейшая история. 1989—1990. Материалы к учебнику для XI класса средней школы». В этой работе представлены современные взгляды по многим вопросам новейшей истории зарубежных стран, причем первостепенное внимание уделено послевоенному развитию государств Центральной и Юго-Восточной Европы. Идет работа по подготовке нового учебника послевоенной истории для учащихся выпускных классов, который будет написан с позиций современного исторического знания.

В. ФУРАЕВ,
заведующий кафедрой
всеобщей истории РГПУ
им. А. И. Герцена, профессор

■

Когда подростку вручают сберегательную книжку в подарок и объясняют, что вклад он получит после наступления совершеннолетия, то это выглядит вполне естественно: у него вся жизнь впереди. Но когда семидесятилетнему человеку заявляют, что начисленные ему на его сберегательный вклад деньги, якобы компенсирующие инфляцию этих денег, спровоцированную бездарной финансовой политикой бывших премьеров, будут отданы ему не сегодня, а когда-то потом, неизвестно когда, да и вообще могут быть не отданы, то это выглядит издевательством и мошенничеством!

Человеку семьдесят, а то и все восемьдесят! Он на краю жизни, а ему сулят сладкие слюни в неопределенном будущем, которого ему, возможно, и не суждено увидеть.

А. МИРОНОВ
Санкт-Петербург

Прочитал статью Н. Чугуновой «Без ограничений» («Огонек» №№ 43, 44, 1991 г.) и, не скрою, был несколько раздосадован. Впервые, а я давний поклонник и подписчик «Огонька», мне было не ясно, ради чего написана эта статья. Должен сказать, что я отношусь к тем врачам, которые защитили диссертации по результатам экспериментов с участием человека.

В 1971 году я поступил в аспирантуру в ИМБП МЗ СССР, и первое, с чего начал свою беседу со мной научный руководитель профессор П. М. Греминицкий, было правило: экспериментальные воздействия сначала проверь на себе. И это правило неуклонно соблюдалось, в чем подавал нам пример сам профессор. Мы отрабатывали на себе свои методики, испытывали болевые симптомы декомпрессионной болезни, гипоксию, действие повышенной концентрации углекислоты и ее мучительное «обратное» действие, действие гелиокислородной атмосферы, тепловые, иммерсионные и вестибулярные воздействия (укачивание). И, видимо, поэтому я смею надеяться, что хоть немного понимаю чувства человека, сознательно отдающего себя во власть экспериментатора.

Вместе с тем я знаю, сколько сил и времени требует от ответственного врача подготовка эксперимента с участием человека, скольким комиссиям приходилось предъявлять разработанные для обеспечения безопасности испытателей меры, предусмотренные многими положениями и инструкциями, самому сдавать экзамены на допуск к проведению таких экспериментов.

Мои коллеги и я привыкли с большим уважением относиться к испытателям, и думаю, что это взаимно. Мы работали с героями статьи и хорошо знаем их высокие человеческие качества. Я убежден, что должен быть установлен законодательно специальный статус испытателя — человека, добровольно и сознательно участвующего в экспериментах и рискующего своим здоровьем,— гарантирующий ему социальную защиту. И я знаю, что наш институт неоднократно обращался по этому поводу в высокие ведомства, но безуспешно.

Полагаю, что независимо от того, связана или нет с перенесенными экспериментальными воздействиями утрата здоровья испытателями, они должны получать достойную компенсацию, учитывая тот, поистине неоценимый, вклад, который был сделан в развитие пилотируемой космонавтики с их участием.

Если бы статья, содержащая достаточно неточностей, предлагала конкретные решения проблем испытателей или содержала обоснованную критику в адрес ученых, то не было бы недоумения и чувства досады у меня и моих коллег, считающих космическую медицину делом своей жизни.

Сегодня, по старой привычке искать врага, многие, не зная фактов, любят указывать на космонавтику. Можно только сожалеть, что статья Н. Чугуновой дает материал для таких любителей. И, возможно, читатель, измученный безденежьем, очередями и отсутствием надежд на улучшение, не разобравшись, сочтет эту статью лишь очередным разоблачением безобразий застойных времен и не вспомнит, что именно благодаря исследованиям с участием человека открыта перспектива освоения космоса, его заселения.

А. АНТОНОВ,
заведующий лабораторией ИМБП

Евгений ЯСИН,
доктор экономических наук

У последней черты

II. ЛОГИКА ОБЩИХ ДЕНЕГ

Дело не в деньгах, а в их количестве. Это присловье уместно вспомнить, обращаясь к обсуждению проблем нашей экономики и к Договору об Экономическом сообществе, судьба которого, по сути, была решена 1 октября в Алма-Ате. Упомяну еще раз этот город, ибо дух нового сообщества там проявился более полно и чисто, чем в Москве восемнадцать дней спустя, когда Договор подписали главы 8 республик из 12.

Ключ к выходу из кризиса один для всех — жесткая денежная политика. Для государства по сравнению с гражданином все наоборот: чем меньше количество денег, тем лучше. Но сможет ли такую политику проводить сообщество, институтам которого его же члены не хотят давать никакой власти, поскольку боятся возрождения Центра?

ДЕНЕЖНАЯ СИСТЕМА И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ВАЛЮТЫ

Может быть, все же, следуя желанию республик, стоит разделить единую денежную систему, если выгоды от нее мы получим завтра, а сегодня она несет убытки, особенно республикам, более сильным в экономическом и финансовом отношениях.

Я знаю, на Украине сторонники национальной валюты в ответ на доводы оппонентов говорят: вы нас запугиваете. На самом деле наша республика достаточно сильна, чтобы иметь свою валюту. Давайте, однако, разберемся по существу, не предвзято, говоря не столько о выгодах единой денежной системы, сколько об издержках ее разделения в современных условиях.

Ясно, что для введения собственной валюты недостаточно напечатать новые дензнаки как еще одну разновидность купонов. Разные валюты — это граница с таможнями, это забота о материальном обеспечении валюты, о поддержании ее курса по отношению к рублю и другим валютам. Если новую валюту никто не захочет принимать в оплату товаров, то она быстро начнет падать в цене и введение ее может утратить всякий смысл. Это тем более вероятно, что для некоторых республик своя валюта — это прежде всего возможность эмиссионного финансирования бюджетного дефицита. Нельзя сбрасывать со счета и серьезное усложнение учетной работы. По оценкам экспертов Европейского сообщества, введение национальной валюты обходится примерно в 2% валового национального продукта в год.

Но это не все и даже не главное. Наиболее опасно свертывание взаимного товарообмена. Вспомним, что переход в торговле со странами Восточной Европы на мировые цены и твердую валюту привел к сокращению товарооборота на 30% за первое полугодие 1991 года и к заметному спаду производства во всех странах. А ведь никто не планировал этого сокращения, все намерены были развивать торговлю. У всех уже были и национальные валюты, и достаточно хорошо налаженная система клиринговых расчетов, которая в итоге оказалась разрушенной. Просто у предприятий не оказалось валюты, которую соглашались бы брать поставщики. Что произойдет при разделении нынешней денежной системы, когда ничего этого нет, предсказать не берусь. Но, боюсь, дело пахнет осложнениями, на порядок более существенными, чем с бывшими членами СЭВ.

Это все доводы против национальных валют, а ведь мы обязались быть объективными. Есть доводы и «за». Если другие республики не будут следовать жесткой финансовой дисциплине, если по этому вопросу с ними договориться не удастся или соглашение не будет выполняться, тогда все приведенные выше возражения перевешиваются одним обязательством: введение своей валюты позволяет оградить экономику данной республики от финансовой распущенности соседей, начать собственную макроэкономическую политику, чтобы скорее выйти из кризиса своими силами.

И здесь особенно велика роль России. Она может продолжать демонстрировать некомпетентность и произвол в денежной политике. Тогда все от нее разбегутся. Она же, напротив, может показать пример бережливости и самодисциплины. Это и других заставило бы подтянуться и четко выполнять обязательства по принятым соглашениям.

БАНКОВСКИЙ СОЮЗ

Если вы признали целесообразность хотя бы на какой-то период сохранить единую денежную систему, то далее в рассуждениях о полномочиях сообщества появляется довольно жесткая и однозначная логика.

Одна валюта — это:

а) единая банковская система;

б) достаточно однородная и жесткая конструкция финансовой и налоговой систем;

в) единое таможенное пространство, жесткая координация внешнеэкономической политики и централизованное распоряжение золотым запасом, валютными ресурсами, иными активами международных расчетов.

Почему это так? Начнем с банков.

Дело в том, что они-то и снабжают деньгами экономику. Всякий раз, когда они выдают ссуду, в обороте появляется дополнительная порция платежных средств. Возврат ссуды равносилен изъятию из обращения определенной суммы. Причем не важно, идет ли речь о деньгах наличных или безналичных. Специалисты выделяют различные сорта денежных средств по степени ликвидности, то есть по тому, с какой скоростью они могут быть обращены в товары. Так, наличные деньги обладают наибольшей ликвидностью, да и то в наших условиях с поправками на дефицит. На безналичные расчеты больше ограничений, но если они израсходованы, то рано или поздно появится запрос и на наличные.

Это только у нас наличные и безналичные деньги разделены, причем контролируются, вообще говоря, лишь первые. Во всем же мире контроль осуществляется за всей денежной массой, и занимаются им центральные банки, по одному на всю зону данной валюты. Именно они, устанавливая учетные ставки процента, по которым выдаются ссуды коммерческим банкам, а также резервные требования, определяющие долю ресурсов последних, передаваемых Центральному банку, обеспечивают поддержание того объема денежной массы, который необходим для бесперебойного обслуживания хозяйственного оборота и в то же время не допускает усиления инфляции.

Указанные функции по определению должны выполняться централизованно в зоне данной валюты, иначе контроль за денежной массой будет упущен. В принципе может быть и несколько банков с такими функциями, но они должны быть связаны жестким соглашением и подчиняются приказам одного органа, уполномоченного определять денежную политику. Так устроена федеральная резервная система США, включающая 12 банков, которые даже вправе выпускать «свои» доллары. Но всегда есть и «диктатор» — Пол Волкер или сейчас Алан Гринспен, слово которого является решающим. Это одна из ключевых, наиболее влиятельных и независимых фигур в американской экономике. И без такого «просвещенного диктата» современная рыночная экономика жить не может.

Что же делать нам, если в экономический союз входит 12 независимых государств? Есть три выхода. Первый — каждое государство хочет иметь свой центральный банк, выполняющий соответствующие функции. Тогда оно должно иметь свою валюту, поддерживать ее курс и так далее. Второй вариант — если одна рублевая зона, то один центральный банк на всех. Этот вариант наиболее эффективен, но воспринимается с трудом поборниками независимости государств. Должен сказать, что, по существу, между указанными вариантами никаких промежуточных ступеней нет: или — или. Но можно предложить структуру более мягкую по форме, но не по содержанию. 12 центральных банков государств — членов Союза образуют резервную систему наподобие американской и создают еще один общий для всех банк, выполняющий межгосударственные расчеты и иные общие функции. Образуется правление резервной системы, составленное из профессионалов, пользующихся доверием всех государств. Оно-то и берет на себя установление параметров, регулирующих денежную массу, заменяя единый центральный банк. Его решения обязательны для всех центральных банков республик, хотя им не могут приказывать ни президенты, ни парламенты. Это и есть банковский союз. В таком виде он предложен в Договоре об Экономическом сообществе, подготовленном группой Явлинского и парафированном в Алма-Ате. Любые иные варианты неприемлемы, ибо лишают банковскую систему эффективности, столь важной для выхода из кризиса.

БЮДЖЕТЫ И НАЛОГИ

Что касается финансовой системы, то здесь возможности для проявления независимости государств — членов Союза намного больше. Они сами устанавливают налоги, определяют объем и состав расходов, решают вопрос о выпуске займов и т.д.

Но и в этой сфере есть ограничения суверенитета, вытекающие из общности валюты, причем довольно жесткие. Они касаются в основном трех вещей:

1) лимитов дефицитов всех видов бюджетов и способов их покрытия;

2) унификации налогового законодательства государств-членов;

3) порядка формирования бюджета сообщества.

Что касается дефицитов бюджетов, то нужно иметь в виду, что сегодня они являются основным фактором роста денежной массы и усиления инфляции. За 1991 год общий дефицит бюджетной системы составит 300 млрд. рублей, или около 15% валового национального продукта. Покрывается он в основном кредитами Госбанка СССР и центральными банками республик, что в нормальной экономике вообще запрещается, ибо подобные кредиты означают на самом деле эмиссионное финансирование бюджетных расходов. Хотим остановить печатный станок, надо прекратить подобное кредитование. Отсюда следует, что все республики должны взять на себя обязательство: сначала не превышать согласованные лимиты своих дефицитов, а затем и вовсе их ликвидировать. Для этого нет иных способов, как это ни тяжело, кроме экономии расходов и увеличения налогов.

Понятно, что в разных государствах условия различны, поэтому и лимиты могут быть разные. Но определить их можно только по взаимному согласию, ибо больший, чем у других, относительный дефицит означает, что имеющая его республика берет в долг у других, ибо рубль единый и, если вы имеете больше рублей, вы можете привлечь к себе больше товаров. Или же соседи, обозленные вашей финансовой несостоятельностью, станут ставить барьеры на их пути. А если к тому же превысите ваш лимит, то тем более залезете в карман других членов сообщества. Поэтому справедливо, чтобы в подобных случаях оформлялась задолженность государства-нарушителя другим членам сообщества, причем под высокий процент.

Теперь об унификации налогов. Конечно, каждое государство вправе устанавливать свои налоги и выбирать, какие именно. Но, скажем, члены Европейского сообщества не стали чиниться, а разработали и приняли для всех стран общее налоговое законодательство. Больше того, если кто желает вступить в сообщество, он обязан привести свою налоговую систему в соответствие с принятыми стандартами. Почему? Да потому, что так удобнее, проще, дешевле. Специалисты и нам советуют: возьмите налоговое законодательство Европейского сообщества, переведите, откорректируйте с учетом ваших условий и примите во всех республиках. Это лучшее из того, что есть в мире.

У нас все же есть свои особенности. Главная из них — инфляция, которая обязательно усилится при либерализации цен. Если не построить налоговой системы с учетом этого обстоятельства, то никогда не выберешься из бюджетного дефицита, а стало быть, не добьешься стабилизации.

Вот, например, приняли в прошлом году налог на прибыль, да потом еще устроили соревнование, кто установит ставку пониже. Но в условиях инфляции этот налог вообще не годится.

Судите сами: прибыль исчисляется не раньше чем через две недели после окончания месяца. Потом еще надо начислить налог. За это время при росте цен расходы бюджета будут расти быстрее, чем его поступления, дыра дефицита будет заметно увеличиваться только за счет запаздывания доходов во времени. Специалисты называют это явление эффектом Оливейры — Танзы, оно изучено на примере Бразилии. И советуют ни в коем случае не попадаться в ловушку.

Для этого надо установить такие налоги, поступления от которых росли бы одновременно с ростом цен. Поднялись

Окончание. Начало в № 49.

цены, в то же время появляются деньги в бюджете, и в той же мере. Лучше всего так называемый налог на добавленную стоимость. Не стоит вдаваться в детали, скажу только, что он похож на налог с продаж, взыскивается в процентах от стоимости реализованной продукции, но предприятию-плательщику возвращаются суммы налога, уплаченные им при покупке сырья и материалов, поскольку они приобретаются по ценам, включающим налог, начисленный на предыдущей стадии производства. Благодаря этому бремя налога равномерно распределяется на всех. Однако в техническом плане он довольно сложен. Его внедрение требует 2—3 года при приличной организации дела.

Извините, дорогие читатели, за то, что я втягиваю вас в подобную скучную материю. Но я исхожу из того, что вы в конце концов не только вправе, но и обязаны знать вещи, от которых зависит ваше благосостояние. Вы должны иметь возможность оценивать компетентность политиков и прекратить поддаваться на их сладкие посулы, когда за ними не стоит ничего.

Знали бы, понимали бы, я уверен, вы не поддались бы на голоса тех, кто требовал отмены налога с продаж, обозвав его президентским налогом, по достоинству оценили бы неприличную для руководителей слабость тех, кто от него отказался. И сегодня они говорят: мы не можем снова ввести налог с продаж, потому что он вызвал возмущение народа и мы только что его отменили. А зря, ибо налог с продаж — двойник налога на добавленную стоимость, облегченный его вариант, который можно ввести немедленно и сразу начать оздоровление наших финансов.

Имейте в виду, что отмена налога с продаж — ошибка, сделанная от вашего имени, со ссылкой на то, что вы не в состоянии воспринять разумные доводы. А я бы лучше вовсе отменил налог на прибыль.

Осталось только сказать: представьте себе, что в одной республике будет налог с продаж, в другой — налог на прибыль. Значит, у второй и бюджетный дефицит будет больше. И только из-за различий в налоговых системах. Поэтому нужна унификация налогов, которая никак не наносит ущерба суверенитету.

И последнее в разговоре о финансах — о бюджете сообщества. То, что такой бюджет нужен, ясно, ибо есть общие функции и программы, общие учреждения. Как велик будет этот бюджет, расходы на какие цели следует из него покрывать — дело членов Союза, они должны определиться сообща. А вот как формировать его, за счет каких поступлений — здесь надо бы прислушаться к мнению специалистов. От их имени я буду талдычить свое, даже если это кому и не понравится.

Есть две точки зрения: одна — за одноканальную систему, которая подразумевает, что налоги собирает республика, и уже из своего бюджета вносит взнос в бюджет Союза. Другая концепция получила название двухканальной: от предприятий и граждан налоги идут параллельно — в бюджеты республики, местные и Союза.

Первая концепция одержала победу. Она более соответствует идее суверенитета. Республики, можно считать, победили в войне законов. И в Договоре об Экономическом сообществе сказано: государства-члены платят взносы в фиксированных суммах, определяемых специальным соглашением.

А теперь давайте взглянем на вопрос с точки зрения дела: что лучше для стабилизации, для выхода из кризиса и рыночных реформ?

Если республика выбирается одна, заводя свою валюту, свой банк и все прочее, то, конечно, первый путь лучше, он естествен.

Но если вместе, то давайте подумаем.

Ведь нам дозарезу нужно прежде всего укрепить рубль, прекратить печатание пустых бумажек. Если взглянуть с этой стороны, то давайте представим себе, что будет происходить ежегодно при обсуждении бюджета Союза. Противоречия и раздражение будет вызывать все: показатели, от которых исчисляются взносы; суммы взноса, почему у одного меньше, у другого больше, почему в этом году больше, чем в прошлом, и т. д. Короче, бесконечные возможности для раздоров.

После этого взносы надо вносить, притом аккуратно, а в бюджете республики — дыра больше лимита. И она прекращает платить взносы по десятку оснований. Как реагируют другие? Тоже не платят. Что должны делать институты Союза, когда им недодают деньги? Опять взаймы у Госбанка, то бишь Банковского союза брать? Согласитесь, хлипкая конструкция, построенная в расчете не на то, чтобы работать, а скорей чтобы вскоре развалиться. Но если иметь в виду развал, то стоит ли собираться вместе?

Теперь посмотрим вторую концепцию, двухканальную. Да, она, по сути, предполагает наличие федеральных налогов — формального признака не сообщества, а федерации. Впрочем, такой налог, хоть и небольшой, уже есть в Европейском сообществе. Я прошу поэтому уважаемых представителей суверенных государств не горячиться, а поразмыслить еще раз.

Предположим, принимается такой порядок. Республики устанавливают, скажем, налог на добавленную стоимость и налог на личные доходы. Взнос в бюджет сообщества определяется в процентах к поступлениям от этих налогов, и налогоплательщики сразу перечисляют соответствующие суммы в бюджеты республики и сообщества. Эти проценты можно установить одинаково для всех предприятий и граждан и тем самым убрать едва ли не главный источник всех потенциальных склок. Бюджет сообщества имеет независимые источники доходов, становится устойчивым и, стало быть, способным нести ответственность и вызывать доверие. В нем можно предусмотреть крупный резерв, маневрируя которым можно минимизировать республиканские дефициты, оказывать помощь в чрезвычайных обстоятельствах, что крайне важно для сильной макроэкономической политики. А без нее из кризиса выбраться не удастся.

Подумайте хорошенько, что в ваших интересах.

ВНЕШНИЕ СВЯЗИ И КОНВЕРТИРУЕМОСТЬ РУБЛЯ

Еще один болезненный вопрос, связанный с ограничением суверенитета республик, но требующий единства действий в целях выхода из кризиса,— внешнеэкономические связи и валютная политика. В данном случае речь уже идет о валюте третьих стран, то есть вожделенной свободно конвертируемой валюте (СКВ).

Прежде всего, говоря о преобразованиях в этой сфере, надо иметь в виду, что речь уже идет не о наших семейных, так сказать, делах. «Третьи страны» привыкли к иным нравам, они готовы торговать и давать кредиты только при наличии доверия к партнеру. Только еще поползет слух о его ненадежности, сменится председатель правления Внешэкономбанка, Госбанку СССР дадут иное имя и все: пугливые кредиторы откажутся с нами разговаривать. А нам без них сегодня, скажем прямо, каюк. Поэтому, проводя внутренние реформы, перестраивая отношения между республиками, мы должны знать: делать это можно только так, чтобы не затронуть интересов наших зарубежных партнеров, гарантируя полное и своевременное исполнение всех обязательств Союза ССР. Это — важное ограничение.

Еще одно ограничение — единое таможенное пространство, единый таможенный тариф. Это означает, что, где бы на территорию стран сообщества ни ввозились товары, где бы они ни вывозились, одни и те же товары должны облагаться одинаковыми пошлинами и налогами. Скоординированной должна быть поэтому также политика внешнеторговых квот и лицензий, которые являются лишь иным способом регулирования импорта и экспорта.

И теперь самый тяжелый вопрос — СКВ, доллары, марки, иены. Их хочет иметь каждый — и гражданин, и предприятие, и республика. Ибо при распаде собственных денег это надежный эквивалент. Кто имеет валюту, тот имеет все.

Прежде как было: вся валютная выручка концентрировалась в руках союзного центра и он ее распределял, благодетельствуя всех, кого считал нужным. Это ущемляло права республик, подрывало стимулы для предприятий, в силу чего такая система рано или поздно должна была рухнуть. Но пока она действовала, СССР слыл на мировом рынке надежным заемщиком, аккуратно выполняющим все обязательства.

Дальше начались реформы, и, надо сказать, в этой сфере они весьма неудачны. В соответствии с нашим былым экономическим менталитетом родилась идея валютной самоокупаемости. Самоокупаемость в рублях означает, что предприятие все расходы, включая инвестиции, покрывает за счет своих доходов. В той же логике валютная самоокупаемость должна трактоваться так: кто импортирует, сам зарабатывает нужную валюту; кто экспортирует, тот получает долю валютных поступлений даже независимо от того, насколько она ему нужна.

Получилось так: у каких-то предприятий завелась своя валюта. Другие предприятия, а также власти республик, регионов должны были ее просить, как прежде. И они взбунтовались. Одним из главных требований экономического суверенитета республик стало: отдайте валюту, перестаньте кидать нам подачки.

В итоге распоряжение валютными резервами, кстати, быстро тающими, было децентрализовано. Каков же итог? Мы поплыли. Началась долларизация экономики, исключительно разрушительная для нашей денежной системы. Государство отказалось гарантировать кредиты советских предприятий, действующих на внешнем рынке самостоятельно, а они все чаще не могли платить по обязательствам. Доверие было подорвано, и кредиты перестали давать. Пришлось увеличивать продажу золота, алмазов, и сегодня их запасы оказались близки к нулю. СССР стоит на пороге государственного банкротства. Но еще входящие в него республики и слышать не хотят о том, чтобы отдать свои права на валюту.

Как же быть дальше? В принципе есть два пути. Один из них — пусть каждая республика живет на свои валютные доходы. Но это означает разделение внешнего долга, окончательный подрыв доверия, почти полное прекращение кредитов для всех республик, а кроме того — полное разделение вчера единой экономики на республиканские отрезки, с собственными валютами, банками, финансами, ибо рушится вся логическая цепочка, показанная выше. И со всеми последствиями.

Другой путь: на переходный период, раз сохраняется единая денежная система, пойти на централизацию валютных ресурсов в форме, приемлемой для всех.

Наилучшей такой формой является так называемая внутренняя конвертируемость рубля, то есть конвертируемость по текущим операциям. Суть ее в том, что все валютные отчисления и лимиты отменяются. Всякий хозяйствующий субъект, в том числе граждане, предприятия, местные органы, правительства республик, органы сообщества вправе покупать и продавать валюту по рыночному курсу. Но все платежи на территории государств — членов сообщества осуществляются только в рублях. Предприятия-экспортеры обязываются в течение установленного срока продавать свою валютную выручку Банковскому союзу по тому же рыночному курсу. Обслуживание внешнего долга обеспечивается тем, что сообщество как правопреемник СССР покупает необходимые валютные средства.

Но при этом ни правительства республик, ни органы сообщества, кроме уполномоченных на то всеми его членами, не имеют никаких валютных поступлений, кроме тех, которые они купят за рубли из своих бюджетов. Правда, если бы рубль стал хоть отчасти конвертируемой валютой, рассчитываться с иностранными партнерами можно было и с его помощью.

Конечно, республики при этом могут иметь свои золотовалютные резервы, но распоряжение ими должно быть скоординированным, и нужен крупный общий резерв, поскольку конвертируемость рубля ставит задачу поддержания его курса. Не посредством его официального установления, не считаясь с реальными обстоятельствами, как это делалось до сих пор, но посредством продажи и покупки валюты на валютном рынке.

Вот и возникает вопрос: готовы ли республики — члены сообщества пойти на такие жертвы? Ведь сегодня их лидеры и парламентарии еще находятся в плену прежнего мышления: иметь все свое, самим делить — в этом, как представляется большинству из них, состоит экономический суверенитет. Здесь же таким суверенитетом придется отчасти поступиться. Если нет, то тогда,— повторю еще раз,— несогласные должны будут заводить свою национальную валюту и выходить из сообщества. Во всяком случае, лишатся полноправного членства в нем, пока само сообщество основано на единой денежной системе.

Благо еще есть время, чтобы освоиться с этими мыслями, поскольку конвертируемость сразу ввести не удастся, она нуждается в некоторых предпосылках. А пока будет какой-то временный порядок, менее эффективный, но более привычный.

АЛЬТЕРНАТИВА

Но, может быть, есть все же альтернативы этому переходу? Не зря же спорили в российском правительстве и парламенте, да и ученые предлагали иные варианты.

Конечно, альтернативы есть. Только все они будут стоить дороже. Дороже всем. А платить ведь нечем уже сейчас. Надо беречь силы нашей больной экономики, ей ведь, единой или расчлененной, еще предстоит перенести операцию.

ПОСЛЕСЛОВИЕ РЕДАКЦИИ:

В наше неспокойное время события политической и экономической жизни сменяются с быстротой курьерского поезда. К сожалению, проблемы, обозначенные в статье известного экономиста Евгения Ясина, публикацию которой мы сегодня завершаем, и написанной, естественно, некоторое время назад, в основном до сих пор не нашли своего разрешения. Выход из тупиковой ситуации, глубокого кризиса может быть, очевидно, только один: в кратчайшие сроки необходимо договориться по общим для республик экономическим вопросам. Иначе двигаться дальше просто нельзя. Союз распался, но и конфедерация невозможна без создания надежного сбалансированного Экономического сообщества. Впрочем, о принципах его создания и шла речь в этой статье.

При царизьме в Расею не возвертаться

Как казаки выполнили наказ своего атамана

В 1962 году, под занавес так называемой хрущевской оттепели, к нам из Турции приехали казаки-некрасовцы. Вернее сказать, приехали потомки тех славных донских бунтарей, которые после поражения булавинского восстания ушли с непокорившимся атаманом Игнатом Некрасовым за пределы России. Было это еще в петровские времена. Но, прожив двести пятьдесят лет без малого в турецкой глубинке, вросши, казалось бы, в некогда чужую землю корнями, некрасовцы не только не отуречились, а остались исконно русскими людьми. И все время стремились они вернуться на родину предков. Наконец долгая казацкая одиссея закончилась.

Много всякого-разного слышали некрасовцы о Стране Советов, а потому и чувства разные их переполняли, когда пароход вошел в новороссийскую бухту. Размашистым староверческим двуперстием осеняли себя высыпавшие на палубу люди, многие вставали на колени и плакали.

...Конечно же, не по доброй воле казаки-некрасовцы отдались под руку турецкого султана. В том положении, в котором оказались они, это был единственный выход.

Поражает количество казаков, откликнувшихся на призыв Игната-атамана «царям не покоряться, при царизьме в Расею не возвертаться». Было их 15 тысяч одних сердовых (то есть взрослых, служивых). Если же считать с семьями, цифра и вовсе громадная — около 70 тысяч.

Трудно представить и то, что непримиримые прежде враги, казаки и турки, нашли общий язык. Казаки получили убежище и даже некоторые привилегии в турецких пределах. Правда, исход казаков в Турцию был жестко оговорен. Султан предоставлял казакам землю и свободу вероисповедания, казаки давали клятву, что не станут «воевать турецкую землю», будут участвовать в военных кампаниях на стороне Турции.

Конечно же, султан не просто так пошел некрасовцам навстречу. Силу казацкого оружия турки знали прекрасно, им было выгодно иметь сильное войско на границе с Россией, которая только и ждала удобной минуты, чтобы отобрать у Турции благодатный кубанский край.

Вскоре так оно и случилось. Новая русско-турецкая война не заставила себя долго ждать, и после побед графа Миниха Кубань отошла к России.

Правившая тогда императрица Анна Иоанновна чуть ли не главным условием перемирия выставила «требование возврата некрасовцев на Дон». В чем причина этого? Видимо, пример исхода некрасовцев жил в народе как один из способов избавления от рабского гнета. Это был даже не исход, а выход для отчаявшегося, угнетенного человека. Выход, который использовали многие.

К некрасовцам бежали. Бежали крепостные холопы, бежали староверы. И кто знает, что было для российской самодержицы более желанно: одолеть басурман-турок или бывших «расейских подданных казачишек турецких ослушников и смутьянов» наказать. Чтоб неповадно было никому впредь бунтовать «супротив порядков, в России установленных».

Но с некрасовским «орешком» оконфузилась самодержица. Как ни обхаживали турок российские дипломаты, как ни засылались послы к Игнату-атаману, обещавшие простить провинности и обиды, турки не выдали своих подданных, а казаки не клюнули на царскую приманку. Тогда, «чтобы вразумить непокорных холопов», заговорили пушки. Снова протрубил поход Игнат-атаман. Ранен он был, но нашел в себе силы провести казаков на челнах к берегам Турции. «Есть у нас две верные звезды,— говорил атаман,— свобода и вера. Коль будем их держаться, не пропадем. Выведут».

Во время нового переселения некрасовцы пошли двумя путями. Одни осели в дельте Дуная. И сейчас близ Измаила, в Старой и Новой Некрасовке, в Вилкове живут потомки «Игнат-казаков». Но сейчас речь не о них. Дунайские казаки с самого начала исхода не прерывали связи с соотечественниками и давно уже живут, что называется, в ногу со временем. Другое дело — русская казачья вольница, которая поселилась на дарованных султаном землях в 40 километрах от побережья Мраморного моря.

По душе пришлись некрасовцам эти места. И казачий круг постановил: строиться основательно, чтоб станица была не хуже, чем на Дону.

Казацкую станицу турки назвали Бин-Эвле, что переводится как «тысяча домов». Местные власти без нужды некрасовцев не беспокоили. И некрасовцы не стремились к общению с турками. Таким образом, строго выполнялся еще один завет атамана: «С турками не сообщайтеся». В общем, здесь все закономерно. Старообрядцам свойственна замкнутость общины. На страже духовности и нравственности стояли и строгие заветы «Игната-атамана» — своеобразная казацкая конституция. Вот, к примеру, некоторые из заветов. «Шинков в общине не держать — народ пропадет. А вино пить только казакам по праздникам и в меру». «На войне не грабить. Добро так наживать неправедно». «Праведник — трудится, отца-мать почитает». Заветов было много, и каждый казак помнил их.

По договору с султаном казаки должны были воевать в составе турецкого войска. Против православных христиан их не посылали. А вот в других краях — в Египте, Эфиопии, Северной Африке — пришлось повоевать.

В мирное время, как было заведено еще на Дону, казаки охотились, рыбачили, разводили скот, позднее занялись и земледелием.

В конце прошлого века с распадом Турецкой империи казачьи формирования были упразднены, как и их привилегии. Наравне со всеми гражданами казаков стали призывать в турецкую армию. «Мы казаки, а не аскеры (солдаты)»,— решил круг. И за освобождение от воинской повинности казаки стали платить большие налоги. Затем последовал указ ввести в казацкой школе преподавание на турецком языке. «Пусть мальцы по-нашему гутарят»,— решили казаки. И снова откупились. Но самое страшное случилось, когда пошли с молотка земли вокруг Бин-Эвле и озеро власти сдали на откуп богатому турку. Тут уж призадумались некрасовцы: не податься ли в Россию? И казаки послали ходоков в Стамбул к российскому консулу. И разговаривать консул не стал. «Вы,— сказал,— раскольники, архиерея греческого Амвросия к себе недавно сманили, туркам продались, а теперь в Россию проситесь. Не бывать тому».

Помощь пришла с неожиданной стороны. Вернее не помощь, а желание помочь. Но думаю, в то время это уже было немало.

Из донесения командира канонерской лодки «Запорожец» капитана А. Лутонина: «В Мраморном море во время большого тумана к нашему судну подошла лодка с рыбаками. Они сообщили, что вблизи залива находится два селения русских староверов... Судя по всему... власти пытаются их отуречить, но староверы против. Так как они прекрасные рыболовы, знают море и любят его, было бы полезно для них и России переселить этих людей в Приморье. Там они с не меньшей энергией занялись бы рыболовством, и уж в данном районе не пришлось бы хозяйничать японцам».

В российской переселенческой комиссии, куда капитан передал копию донесения, к сведениям о некрасовцах отнеслись с вниманием. Это было время столыпинских реформ, и уже немало русских людей получили земельные наделы в дальневосточных краях. Вскоре и в Бин-Эвле пришла официальная бумага, где казакам предлагалось начать переговоры о возвращении в Россию. И могли бы стать некрасовцы конкурентами японским рыбакам, да не судьба. Мировая война, революция в России, демократические перемены в Турции... В общем, переезд затянулся. Может, и к лучшему. Кто знает, не попали бы старообрядцы-некрасовцы под репрессивный сталинский каток. Даже в 1962 году, когда пароход привез их в Новороссийск, это было не ко времени.

Официальные власти церемониться с некрасовцами не стали. Вспомнили, видно, партийную директиву о полном всесоюзном расказачивании, «учли» двух казацких попов, не прошедших сквозь идеологическое сито Совета по делам религий, и поселили недавних рыбаков и мореходов в засушливые ставропольские степи.

Здесь, в Левокумском районе, некрасовцы живут и по сей день. Работают в основном в местных винсовхозах, которые своим трудолюбием подняли буквально с нуля. Выращивают виноград технических сортов, делают вино. Дома у большинства каменные. Приусадебные участки хоть и небольшие, но все же какая-никакая земелька есть. Скотина, по возможности птица. В общем, по нынешним меркам живут в достатке.

Тут бы и написать «все хорошо, что хорошо кончается». Ведь худо-бедно, но прижились вроде бы некрасовцы на новой для них советской земле. Хотели некрасовцев, к примеру, в колхоз согнать — все как один воспротивились. Даже припугнули, мол, снова в Турцию подадимся. Не давали некрасовцам поначалу землю под церковь — дошли до Москвы, получили всеми правдами и неправдами разрешение и построили целых две церкви: Успенскую — в Новокумском и Троицкую — в Бургун-Маджарах. Только вот скудновато в них, с миру по нитке все имущество собирали. А ведь славились когда-то казацкие церкви своим великолепием. Иконы, утварь, книги служебные — все было у них старинное, дониконовское. Даже церковные колокола перевезли в Турцию казаки во время своего переселения. Но особо ценными были казацкие реликвии: знаменитое знамя Игната Некрасова, знаки атаманского достоинства, коллекция старинного оружия и два сундука с архивными документами. Где сейчас эти богатства, в которым нельзя не добавить слова «национальные»? Судьба их — это целая цепь турецких безобразий и нашего МИДовского головотяпства. Дело в том, что при отъезде казаков буквально обобрали. Местные власти за день до отправки в Стамбул вдруг опечатали уже упакованное церковное имущество. «Вымогали большой бакшиш,— рассказывают казаки.— Но какие у нас были деньги: дома и землю продали за бесценок, кое-что в дорогу купили, ведь было сказано, что в Россию нельзя провозить ни лиры». Так и остались казацкие святыни на чужой земле. Где они сейчас? Какова их судьба? Одни говорят — в музее, другие — что переданы под опеку константинопольскому патриарху. Если так, то это не самое худшее. Но толком никто этим вопросом серьезно не занимался. Много раз писали некрасовцы в различные советские правительственные инстанции, прилагали полную опись утраченных ценностей — и никакого результата. Вот и последнее обращение в МИД не сдвинуло дела с мертвой точки.

Тридцать лет вопрос возвращения казацких святынь мариновали в коридорах Мининдела, и вот теперь, как следует из ответа дипломата В. Никифорова, некрасовцы должны напрямую обращаться к турецкому правительству. Не мне судить о реальности предлагаемого, но все же, думается, вопросы правительственного уровня следует и решать на этом уровне.

Когда я затрагивал эту тему в разговоре со старыми некрасовцами, особого энтузиазма не ощущал. Неужто смирились они с потерей своих святынь? Нет, скорее, я думаю, разуверились... Но не было и озлобления.

Глубоко религиозные люди, они все свои эмоции прячут за спасительной формулой: значит, так было Богу угодно. Они не ропщут. Более того, стараются найти в своей нынешней жизни светлые стороны.

С исхода и чуть ли не до самого возвращения казаки-некрасовцы жили по укладу донской казачьей общины XVII века. Конечно, современная жизнь не обошла стороной и турецкую глубинку, где некрасовцы до поры до времени проживали в относительной изоляции. Тем не менее они сохранили обычаи, песни, устные предания, одежду и удивительно чистый, без поздних примесей русский язык.

В этом нет ничего удивительного. Так оно и должно быть у людей, объединенных духовными идеалами и долгие годы живущих бок о бок.

Некрасовцы не скрывают — в Турции было трудно, но вспоминают ее только добром.

Что это, ностальгия по молодым годам? И так это, я думаю, и не так. Тем более что никто из казаков Турцию родиной не называет. А увлекаются старые некрасовцы, я думаю, от радости общения, пусть по памяти, с той трудной, но свободной жизнью, которую им посчастливилось изведать.

— Если у человека волю отнять и посадить за изгородку,— вспоминаю я слова священника отца Кондрата,— русская душа на нет изойдет с тоски.

Это, несомненно, понимал и легендарный Игнат-атаман, когда составлял свои заветы. Свободой и верой назвал он две звезды, которые должны всегда светить на казацком небосклоне. И, конечно, когда завещал он казакам «при царизьме в Расею не возвертаться», под словом «царизьм» он имел в виду не только царскую персону, не способ правления, а способ подавления.

Некрасовцы завет выполнили. Они вернулись в «Расею», когда «царизьмы» там уже не было.

Про «коммунизму», увы, в завете атамана ничего не было сказано.

Михаил ЧИЛИКИН.

Фото Евгения СТЕЦКО

ОГОНЁК

Казачье войско, кажется, совсем недавно возникло из этнографического небытия, новые, нарядные молодые казаки загремели сабельками, засверкали гневными глазищами, орлом озирая местность... Полно вам, да казаки ли это?

Казаки, казаки! У того дедушка казак, тот помнит станицу, где в детстве у бабушки жил. А главное — душа знает, душа чувствует себя отныне иначе: казак не род войск, не вера, не служба, но, однако ж, и не национальность.

Нет, врешь: национальность!

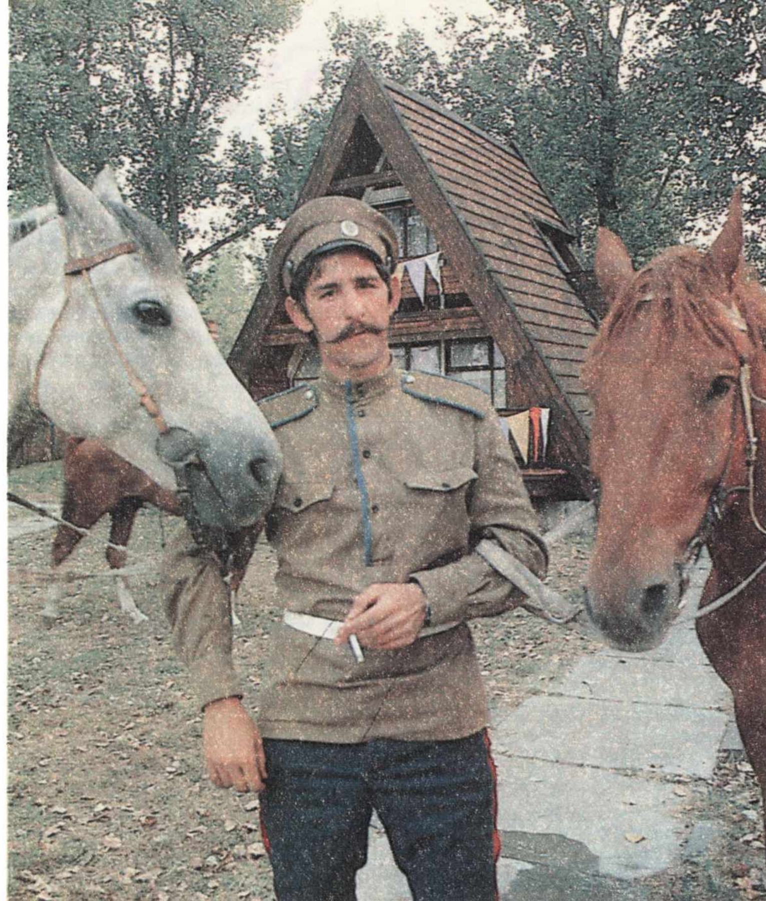
И начали рассчитываться, как в строю: казаки донские, казаки оренбургские, кубанские, ростовские...

И в краснодарском (екатеринодарском) лицее расхаживают есаулы, дети отныне будут сдавать историю казачества, знание которой предпочтительнее знания истории государства советского.

Будем, будем казаками! Но, помню, в дни сразу же после путча в Краснодаре вдруг опомнился простой народ: где же были наши казачки, наши защитнички день-два назад, когда обыкновенные, не наряженные, не украшенные газырями обыватели замерли в ожидании — что-то завтра?..

Неизвестно, где были казачки.

Уважаемый читатель имеет возможность различить на представляемых слайдах казаков двух миров: тех, что были *всегда* казаками, и тех, кто вспомнил о своем казачьем происхождении сегодня. Кто жил



себе и жил, как весь наш бедный многонациональный, хвалимый по праздникам народ, кто растил детей, уча их (если, правду сказать, бесстрашен!) слову Божьему, кто казачье нарядное платье надевал, идучи в церковь, кто был казак складом души и складом ума, еще — словом, еще — юмором, еще — редкими и сильными вспышками гордости и гнева.

И кто вдруг воспылал любовью к дедовским нарядам (а не сохранились у деда — можно взять в клубе, в ансамбле), кто театром попытался заполнить странный вакуум, что только теперь стал ощутим в душе.

Я не против театра.

Я думаю: отчего так? В Москве маршируют ряженые преображенцы, славят Петра, духовой оркестр наняли: виват Ништадтскому миру, виват Петру Великому! На Дону голоса: казачество должно оформиться как автономия, как некая государственность. Преображенцы не будут отделяться, а?

Я только предполагаю: усердная игра в казаков, корниловцев, воинов Петра, в драгун, улан, есаулов — все так выраженная сильная, с зубовным скрежетом тоска по ЧЕСТИ.

А за честью ходят не в бабушкин сундук, а на могилки к предкам, к их книгам (казаки настоящие, о которых написал Михаил Чиликин, книги свои берегли и — сберегли, читая из рода в род).

То есть ходят смиренно.

Н. Ч.

ДАЙТЕ НАМ ШАНС СЭКОНОМИТЬ ВАШИ ВРЕМЯ И ДЕНЬГИ!

Объединение «МММ» предлагает:

компьютеры, совместимые с IBM PC/AT. XT с любой периферией, и оргтехнику.

А также широкий выбор:
дигитайзеров, пишущих машинок, электронных записных книжек, калькуляторов и т.д.

Без предоплаты. Оптовым покупателям предоставляется скидка.

ВЫ ВИДЕЛИ ГДЕ-НИБУДЬ БОЛЕЕ НИЗКИЕ ЦЕНЫ?
МЫ ПРОДАДИМ ЕЩЕ ДЕШЕВЛЕ!

КОМПЬЮТЕРЫ
IBM PC/AT-286 – 44000 руб.
IBM PC/AT-386 (Винчестер 120 МБ. ОЗУ 4МБ, 25 МГц) – 107000 руб.
ПЛОТТЕРЫ
(графопостроители)
Формат А3 – 31500–33000 руб.
Формат AI – 107000 руб.
ЛАЗЕРНЫЕ ПРИНТЕРЫ
Формат А4
«LASERJET II P» – 51000 руб.

«LASERJET III» – 85000 руб.

КСЕРОКСЫ
Формат А4
«SHARP Z-50» – 28000 руб.
«CANON FC-2» – 30500 руб.
Формат А3
«RICOH M 100» – 62000 руб.
«CANON 1215» – 80000 руб.
ТЕЛЕФАКСЫ
«MURATE-M5» и «FI» – по 21500 руб.
АВТООТВЕТЧИКИ
«PANASONIC» – 7750–8000 руб.
ТЕЛЕФОНЫ
«PANASONIC» – 3400 руб.

Адрес: 109518 Москва, ул. Газгольдерная, 10
(проезд: метро «Текстильщики», автобусы 29, 725 до остановки «Вычислительный центр»).
Телефоны в Москве: 171-03-97, 173-44-15, 171-13-81, 171-06-90.

Бахыт Кенжеев родился в Москве в 1950 году. Окончил химфак МГУ, с начала 80-х живет в Канаде. Там же, за океаном, увидели свет две книжки его стихотворений — «Избранное» и «Осень в Америке», тепло встреченные критикой зарубежья.

«Его поэзия свободна от изысканного элитарного интеллектуализма, от авангардистских игр с формой, более занимательных для славистов-структуралистов, чем для читателей, для которых встреча со стихами — свидание с неожиданно пронзительными сторонами жизни»,— писал рецензент газеты «Русская мысль».

Впрочем, в стихах Бахыта хватает других «игр», смысловых и музыкальных (без них поэзию вообще трудно себе представить), но игры эти очень серьезны, порой азартны, и ставка в них всегда высока...

Вадим Фадин старше Кенжеева на полтора десятилетия. Живет в Москве. Инженер. Многие годы работает в области космических технологий — занятие для поэта, согласитесь, достаточно редкое. Две книги — «Пути деревьев» (1985 г.) и «Черта» (1990 г.) канули в мутном «перестроечном» омуте и не принесли известности автору, что, однако, не повредило его стихам. Думается, они найдут своего читателя в более спокойное время.

Игорь Меламед родился в 1961 году, окончил Литинститут, печатался в «Юности», «Лит. учебе» и в нескольких столичных альманахах. Сейчас работает в музее Б. Пастернака. Стены этого дома не оказали заметного влияния на его творчество. Лирика И. Меламеда в своей интонационной основе проще и как-то глуше. Здесь в пору вспомнить имена других предшественников — из «золотого века», впрочем, я не критик и не хочу обидеть поэта случайным сравнением...

Алексей ЗАЙЦЕВ

БРОНЗОВЫЙ ВЕК

Бахыт КЕНЖЕЕВ

* * *

А. В.

Век обозленного вздоха,
провинциальных затей.
Вот и уходит эпоха
тайной свободы твоей.
Вытрем солдатскую плошку,
в нечет сыграем и в чет,
серую гладя обложку
книги за собственный счет.

Помнишь, как в двориках русских
мальчики, дети химер,
скверный портвейн без закуски
пили за музыку сфер?
Перегорела обида.
Лопнул натянутый трос.
Скверик у здания МИДа
пыльной полынью зарос.

В полупосмертную славу
жизнь превращается, как
едкие слезы Исава
в соль на отцовских руках.
И устающее ухо
слушает ночь напролет
дрожь уходящего духа,
цепь музыкальных длиннот...

* * *

В. Ерофееву

Расскажи мне об ангелах. Именно
о певучих и певчих, о них,
изучивших нехитрую химию
человеческих глаз голубых.

Не беда, что в землистой обиде мы
изнываем от смертных забот,—
слабосильный товарищ невидимый
наше горе на ноты кладет.

Проплывай паутинкой осеннею,
чудный голос, неведомо чей —
эта вера от века посеяна
в бесталанной отчизне моей.

Нагрешили мы, накуролесили,
хоть стреляйся, хоть локти грызи.
Что ж ты плачешь, оплот мракобесия,
лебединые крылья в грязи?

* * *

Незаметно отстроился праздничный град,
и кирпичные стены, и башенки в ряд,
заиграло на солнце цветное стекло —
и пяти-то веков не прошло...

Что же вздрогнуло сердце? Что мучает ум?
Кочевой ли свободы наследственный шум?
Или солоно стало подруге твоей —
океанских, маньчжурских кровей?

Будет, станет, отмаялось, перетекло,
совершенным глаголом в могилу легло,
золотые осталось слова поутру
бормотать да курить на ветру.

А сентябрь расстилает для нас, дураков,
небеленую ткань городских облаков,
и сшивает ее от угла до угла
колокольни сухая игла...

* * *

Словно тетерев, песней победной
развлекая друзей на заре,
ты обучишься, юноша бледный,
и размерам, и прочей муре,

за стаканом, в ночных разговорах
насобачишься, видит Господь,
наводить иронический шорох —
что орехи ладонью колоть.

Уяснишь ремесло человечье,
и еще навострившься, строка,
обихаживать хитрою речью
неподкупную твердь языка.

Но нежданное что-то случится
за границею той чепухи,
что на гладкой журнальной странице
выдавала себя за стихи.

Что-то страшное грянет за устьем
той реки, где и смерть нипочем,—
серафим шестикрылый, допустим,
с окровавленным, ржавым мечом.

Или голос заоблачный, или...
сам увидишь. В мои времена
этой мистике нас не учили,—
дикой кошкой кидалась она

и корежила, чтобы ни бури,
ни любви, ни беды не искал,
испытавший на собственной шкуре
невозможного счастья оскал.

Вадим ФАДИН

ПОКУШЕНИЕ

Это редкое счастье, когда, вдохновляя езду,
Бог, сидящий на правом сиденье,
отводит беду:
в современных машинах водитель
всегда на виду,
как на мушке, и вовсе не верит
в присутствие Бога,
словно тот близорук в небесах, ослепленных
луной,
пулеметную очередь видя,
как дождь проливной,
и один на один остаются шоферы с виной:
до небес далеко, а реальны — закон и дорога.

И сидящая справа подруга отводит глаза —
невдомек, что у встречной машины
легки тормоза,
а противник расчетлив и ходит, понятно,
с туза,
и надежда на козырь не то что мала,
а нелепа,
оттого и советчик допущен теперь на порог —
убеждает, что надобно скромных держаться
дорог.
Только если на правом сиденье присутствует
Бог,
кто же будет чужим поучениям следовать
слепо?

Игорь МЕЛАМЕД

ДВА ГОЛОСА

— Бог даст, и ты покинешь эту явь,
как милое, но скудное предместье
иного града, лучшего...
— Оставь!
Еще никто блаженного известья
не подавал оттуда никому...
— Увы, не сообщаются сосуды.
Бог даст, и ты покинешь эту тьму...
— Еще никто не присылал оттуда
ни голубя, ни голоса... Дыряв
его челнок...— Но сказано ж: не весь я...
И надобности нет в поводырях.
— Еще никто ни ласточкой, ни вестью
оттуда не выпархивал...
— И что ж?
— Ни отклика, ни смутного глагола.
Все ненавистней слабых пальцев дрожь.
Все нестерпимей привкус валидола...

ЗЕРКАЛО

1

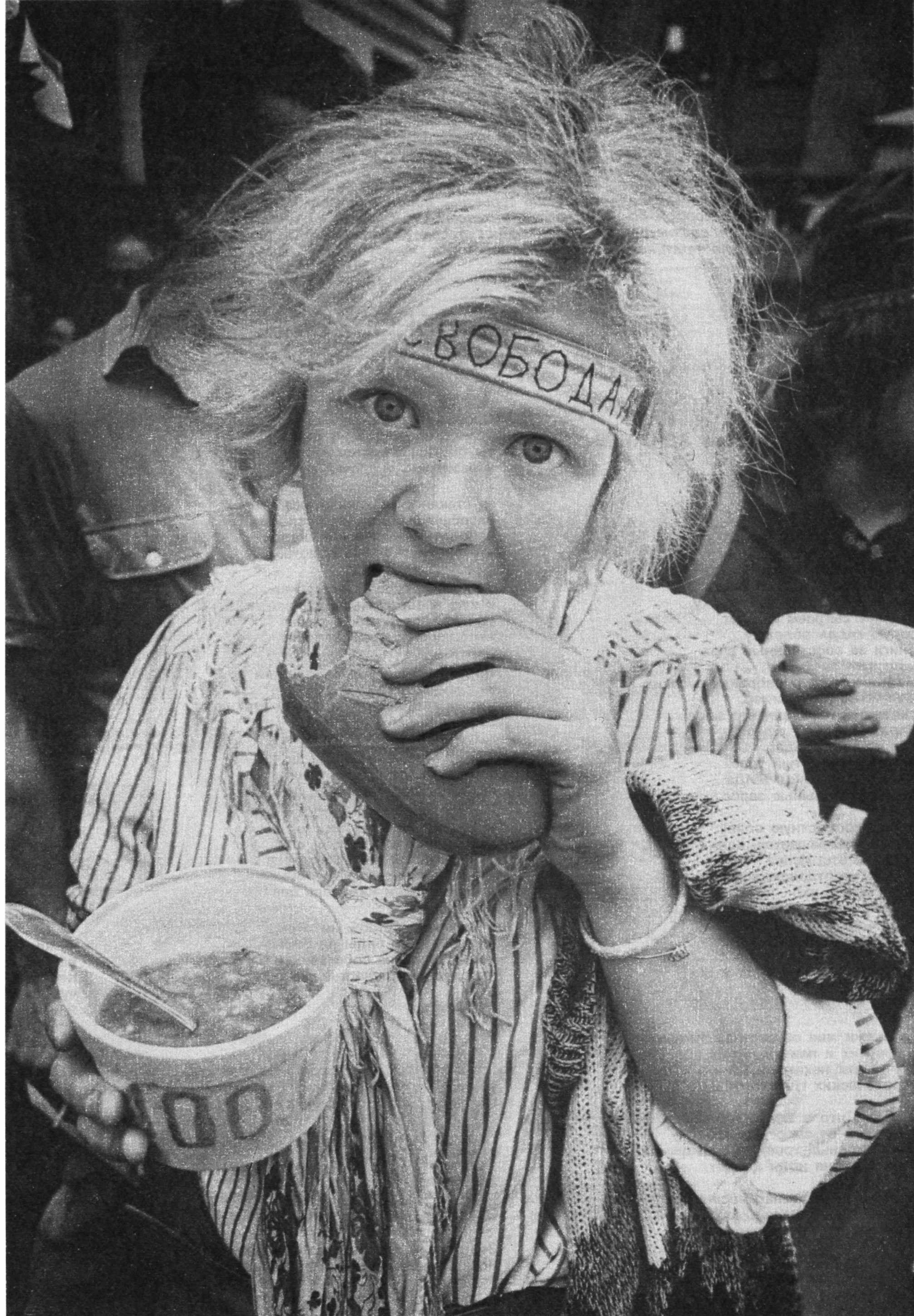
Когда затихнет и ослепнет дом,
и на губах — ни стона и ни слова,—
как чужд его распахнутый проем!
О, как боюсь я зеркала ночного!
О, как томится воздухом гортань,
как зорки вещи в чутком карауле!
Как дыбится моя дневная ткань
чудовищем бесформенным на стуле!
Я не решусь в упор глядеть туда:
в том зеркале, в его резной оправе,
возникнуть может то, что никогда
не смеет нас в дневной касаться яви.
Там отраженья комнатные спят.
Там — продвиженье пеших или конных
теней, спешащих сну наперехват,
и мельтешенье веток заоконных.
А мы — всего беспомощнее в нем,
покуда спим, тихи, простоволосы,
в нелепом одеянии ночном
принявшие причудливые позы.
Так посреди враждебной тишины,
плененные его стеклянным зевом,
мы все равны, мы все примирены,
почти причастны ангельским напевам...

2

Не бойся же, сомнение тая,
когда в потемках, слитых с амальгамой,
мелькнет любовь далекая твоя
и осторожно скроется за рамой.
Не прекословь виденью прошлых лет
(ведь пустота — страшнейшая из пыток),
прими ее бездомный силуэт,
как Божий дар, как горестный избыток
минувшего — гляди ей вслед светло,
но руки к ней протягивать не надо.
Иначе о разбитое стекло
изранишь их — достаточно и взгляда.
Не окликай по имени ее —
завязнет звук в прозрачном этом слое.
За то, что ты отрекся от нее —
ты ей навек обязан немотою.
Усни, забудься — тени не обнять!
Малейший стон твой должен быть подавлен.
Иначе в этом зеркале опять
ты отразишься плачущим и давним
мальчишкою, лежащим на боку,
с дрожащей и искусанной губою,
взывающим к пустому потолку
с безумной и свирепою мольбою.

ВАИЗ ЮНИСОВ

Фото
А. БЕЛЕНЬКОГО,
Н. ЗАБОТИНА,
С. ПЕТРУХИНА,
Ю. ФЕКЛИСТОВА,
М. ШТЕЙНБОКА



ОКТЯБРЬ УЖ ОТСТУПИЛ...

(Записки московского репортера)

...А не все вроде бы и плохо в «болдинскую осень»? Глядишь в окно и наслаждаешься полетом золотого листа, шумом надрывного ветра, барабанным боем свежего сентябрьского дождика по окну. Надо только представить, что природа-то не исчезла вместе с сахаром — она осталась, и ею можно наслаждаться.

* * *

В деревнях идет усиленный забой скота: люди запасаются мясом на зиму, а потом хоть потоп. Самые наивные думают, что Ельцин прикажет, и все появится. Забой скотины еще и потому происходит, что теперь уже нет никакой возможности прокормить животных.

Да, чуть не забыл: в окно смотреть — занятие актуальное. Потому что нет-нет да и появляются во дворе автофургоны, груженные картошкой, сахаром, свеклой или морковью. Потом надо быстро выскочить, забрать свой мешок и заплатить деньги. И никто при этом не удивится твоей сделке: ни в подъезде, ни в лифте, ни на работе, ибо каждый нынче заботится сам о себе.

* * *

Теперь «гавроши» встречаются чуть ли не на каждом перекрестке. Десяти-, двенадцатилетние пацаны, дождавшись красного света, вмиг подбегают к машинам и предлагают свои услуги — помыть стекла, отшлифовать специальной пастой капот. Делают они это очень сноровисто и качественно, обступив машину клиента с двух сторон. Работают, как правило, парами. Поэтому и прибыль ребятня делит поровну — так удобнее рассчитываться друг с другом. Одна помывка стоит 3—5 рублей, в зависимости от жадности автолюбителя. Ребята постарше, конечно, уже стесняются такого труда и устраивают свои точки в малолюдных районах. Так, на Яузе, недалеко от улицы Радио, старшеклассники соорудили что-то наподобие самодельного, безусловно, нигде не зарегистрированного пункта с надписью «Мойка», состоящего из двух табуреток, заставленных всякими баночками, коробочками, щеточками, ветошью и пр.

Этот факт в жизни советского юношества и печалит, и радует. Печалит, потому что все эти «чистки», весь этот бизнес делаются во время занятий в школе. Радует, потому что так или иначе паренек приучается к труду, начинает понимать, что можно быть свободным, занимаясь свободным трудом, что каждый человек вправе иметь свое собственное дело: глядишь, из таких предприимчивых ребят вырастут коммерсанты нового поколения, деловые люди, познавшие цену копейки с детских лет.

* * *

Вор и мошенник И. Р., которого я знаю уже четырнадцать лет, отсидев-

ший уже три срока «за квартиры и наперсток», говорит, что наступило «хреновое для нас время — приходится брать сахар, мясо и кофе». И вообще этот человек, свободный и никогда не придававший труду ровно никакого значения, еще тогда, когда мы познакомились, считал, что трудятся те, кто хочет доказать всему миру, что он не обезьяна.

Похожий на горьковского Челкаша, И. Р. еще тогда прочитал труды Энгельса и Дарвина и выбросил в мусоропровод.

— А как ты оцениваешь сегодняшнее время?

— Сегодняшнего времени нет. И завтрашнего не будет.

* * *

Возвращаясь к теме об изъятии человеческих органов в советских моргах судмедэкспертизы, куда поступает масса трупов людей, умерших скоропостижной смертью (убийство, суицид, падение с балкона и пр.), смею заверить, что продажа товара за рубеж за инвалюту продолжается. За кордон уплывают, как правило, твердые мозговые оболочки и мужские яички. Для пущей убедительности привожу документ-контракт одного из кооперативов с районным моргом. Контракт, правда, в настоящий момент расторгнут, поскольку дельцы из конторы поняли, что товар не соответствует нормативам, ибо принадлежит, точнее, принадлежал больным или старым людям. Вот этот документ в кратком изложении:

«1. Твердая мозговая оболочка подлежит забору от доноров (чушь: никто ни у кого не спрашивает разрешения изъять человеческий орган.— **В. Ю.**) с давностью наступления смерти до 48 часов.

2. Забор ТМО производится только со свода черепа по уровню линии распила, оболочка основания не используется.

3. Оболочка промывается в холодной воде (удаляются инородные ткани и кровь) и погружается в сосуд с холодной проточной водой на 1—1,5 часа.

4. Промытая ТМО полностью погружается в пластмассовый контейнер, на 80% заполненный консервирующей жидкостью, при этом допускается лишь незначительное розовое окрашивание жидкости».

Далее сообщаются учреждению (моргу) условия хранения, возраст больного, дата смерти, причина смерти, время забора органа. Ну и для вас, многоуважаемые будущие покойники, будет небезынтересно узнать, возьмут или нет ваши мозги.

«1. ТМО не подлежит забору у доноров моложе 15 лет. 2. ТМО не должна иметь повреждений и разрезов, массивных склеротических изменений. 3. Исключаются доноры со следующими заболеваниями: менингит, внутренний геморрагический пахименингит, саркома церебральной системы, онкологические заболевания ТМО, многочисленный склероз, болезнь Альцгеймера, системные микозы, вирусный гепатит, СПИД, туберкулез, сифилис, цирроз печени».

Так что граждане, болеющие этими болезнями, могут не волноваться: никто не заберет их гипофиз и не переправит его контрабандой в Швейцарию. А те, кто умрет по причине несчастного случая, могут радоваться весьма приятному обстоятельству — их мозги без всяких загранпаспортов наконец-то окажутся вне этой проклятой Господом Богом, Аллахом, Шивой территории и будут приносить пользу цивилизованному человечеству в виде гормональных препаратов, в кои эти гипофизы перерабатываются.

* * *

Человек приятной наружности, с манерами преуспевающего финансового воротилы зашел в троллейбус — и как он только оказался в общественном транспорте? — залез в карман своего манто, перебрал мелочь и передал ее водителю — на проездные талоны. Водитель выругался и сказал, что талонов нет, а нет потому, что бумагу зажали.

Заблудший воротила достал из портмоне новенький хрустящий «файфульник», демонстративно заложил его в компостер и пробил,— и посыпалась, посыпалась гознаковская пыль, шелуха, выбитая компостером из купюры.

Это не был театральный жест богатого человека, а примета, свидетельствующая о гиперинфляции. Вполне вероятно, что с первого января массовый пассажир начнет компостировать зачуханные, ничего не значащие рублики.

* * *

Ах, как же прекрасно быть наедине с лесом и с самим собой! Не надо думать о деньгах, о работе, о холодильнике, об одежде. Бабье лето в лесу чудесно и удивительно, дыхание у вас ровное и свободное, в полную грудь, давление сто двадцать на восемьдесят. Воздух чист и крепок, как глоток неразбавленного спирта... Нынешней осенью, когда все поняли, что мяса не будет, толпы озабоченных москвичей двинулись по грибы и на рыбалку. Год нынче выдался щедрым на грибы, а голодная рыба клевала на пустой крючок. Увы, к искусству ужения рыбы способностей у меня нет, так и не приучил отец к этому нудному занятию, но что касается грибов — извините. Обожаю это дело! Знаю места, где опят можно собрать несколько корыт за полчаса — это под Волоколамском, а подберезовиков — корзину за час, невдалеке от Орехова-Зуева.

Каждый раз я стараюсь идти новыми, неизведанными тропами, вылезать на незнакомых станциях, бродить, бродить до полного изнеможения, до боли в ногах и в спине, слушать, как шепчет что-то невнятное камыш, как одиноко и безысходно свистит электричка. Однажды я вышел на незнакомую поляну, лег на мягкий ковер крупного мха и заснул. Засыпая, я сквозь прищур глаз увидел, как на джинсы одна за другой садились бабочки-шоколадницы, слышал, как чуть не над головой запела божественная птица. Проснулся от улюлюканья пьяных мужиков и гогота баб, устроивших себе культпоход за грибами по инициативе профкома некоего комбината железобетонных конструкций. Уже смеркалось, бабочки улетели, птица закончила свое песнопение.

Домой возвращался на автобусе с грибниками комбината, желавшими, не зная мест, сделать запас на зиму. Их ожидала злая и голодная Москва, и никому не хотелось возвращаться. Напоследок я им дал свой телефон, на тот случай, если они действительно хотят набрать грибов, а не просто надраться водки. Могу, собственно, показать и ореховые места...

Мне кажется, что в следующую осень, когда для одних введут карточки, а другие будут жить на доллары, в лесах Подмосковья грибников будет еще больше, чем в этом году, ну, и рыбаков, собирателей ягод и охотников тоже.

* * *

Голод, о котором я писал весной и летом в записках (за что был обвинен в разжигании истерии), тем не менее где-то уже на подступах к Москве, как немцы в сорок первом. В магазинах выстроились очереди не только за водкой и сахаром, но теперь уже и за хлебом. Любопытно другое: пятьдесят лет назад в Москву не могли проникнуть немецкие войска, теперь же в столицу не может попасть немецкая продуктовая гуманитарная помощь. Ее блокируют на Украине, в Беларуси, в Выборге, но даже та, что все-таки дошла до Москвы, попадает в руки жуликов и тех, кто занимается как бы благотворительной деятельностью. Большая часть товара оседает в коммерческих ларьках и магазинах, где идет по умопомрачительным ценам и скупается теми слоями населения, которые не нуждаются ни в какой помощи.

* * *

В эти жуткие осенние дни я действовал методом от противного, собирая материал к запискам: если чего-то нет в нашей повседневной жизни, то благодаря тому, что где-то этого недостающего очень много. Например, взять обычный съедобный товар. Как и все вы, господа обманутые, я также тщетно обходил и объезжал магазины и, конечно же, ничего не находил. Поэтому любопытства ради направился на ближайшую биржу, в быту именуемую Российской товарно-сырьевой. И что бы вы думали? Все есть! Плати только «бабки». Хочешь самолет ИЛ-76? Пожалуйста! Хочешь десять тонн меду? Извольте! Угодно ли вам сахарку 200 тонн по цене 14 рублей за кило? Покупайте! Главное, чтобы вы были дееспособным покупателем или продавцом с полагающимися гарантийными документами, справками, что товар у вас есть на складе, а не в уме. Народ на бирже оборотистый, дотошный, новый, хорошо оплачиваемый предприятиями: в середине ноября брокерское место здесь стоило 4,5 миллиона, в начале декабря, когда отпустят цены и подорожает товар, место будет стоить уже 8,5 миллиона деревянных.

А что это за люди, брокеры? С этим вопросом я обратился к М. Золотдинову, управляющему биржей, человеку, который недавно стал и президентом Российской фондовой биржи. Он мне посоветовал обратиться к самому первому официально зарегистрированному брокеру Андрею Александровичу Инце. Педагог-историк по образованию, Инце был одним из учредителей и генеральным директором первой брокерской фирмы при Московской товарно-сырьевой бирже. Дело там не пошло, поэтому пришлось уйти из конторы и закрепиться на Российской бирже, более мощной, профессиональной и перспективной. Теперь Андрей Инце взял на себя весьма сложную ношу: возглавить контору «Новброк» и сохранить реноме первого брокера России. Вроде бы получается. За два месяца сделал столько, сколько раньше делал за год.

— А на ваш вопрос,— рассказывает биржевой профи,— отвечу так: в брокеры идут люди, которые хотят зарабатывать деньги, а не получать несчастные оклады и шоколадки. Как правило, это молодые люди, которые поняли, что к чему, и аппаратчики из распущенных министерств и ведомств, например, из Госснаба, имеющие уже наработанные коммерческие связи с предприятиями. Вы посмотрите, что творится в стране: каждую неделю образуется по семь-восемь бирж. Если раньше они создавались по региональному принципу, как это сделал Боровой, то теперь — по отраслевому. Упразднили, скажем, министерство, а на его месте, в том же здании образовалась какая-нибудь биржа «Текстиль», «Химволокно» или «Пенопласт». По соответствующему признаку туда набираются и брокеры, а начальник на уровне замминистра становится президентом. Вот у меня в «Новброке» работают люди со специальным образованием, закончившие Плехановский, факультет «финансы и кредит», потому что работать уже приходится не с товаром, а с ценными бумагами.

— Смогли бы вы обучить брокерскому ремеслу, например, таксиста?

— Месяца за три-четыре. Но, подчеркну, на товарного брокера, а не фондового. А так, если таксист с головой, со связями в Москве и регионах,— научу. Видите ли: и товарный брокер должен иметь, кроме сообразительности, свою специализацию, разбираться, скажем, в компьютерной технике или в машиностроении.

Мне долго пришлось обучать нашему ремеслу Сергея Степанова, который по своей профессии и образованию является... актером. И что бы вы думали? Только за минувший ноябрь он заключил контрактов на общую сумму в 10 миллионов рублей!

—Почему же на биржах есть все, а в магазинах пусто?

— Потому что производителю това-

ра стало понятно: лучше свой товар направить на биржу, а не в госторговлю, дотированную развалившимся государством и с ценами, которые выдумали ничего не смыслящие чиновники. В магазинах и будет пусто, пока истинные цены не отрегулируются рынком. Более того: будет еще хуже, исключительное большинство населения от этих реформ переходного периода проиграет. Однако неглупые, неленивые, непьяные люди найдут себе применение и будут покупать товар в магазинах по любым ценам. А о неимущих, пенсионерах, инвалидах и многодетных должно заботиться государство.

На том и расстались мы с «буревестником» советского капитализма сорокалетним Андреем Инце.

* * *

От «Белого дома» к площади Восстания я продирался сквозь косые, как сабля, струи мерзкого дождя и плотные кордоны чеченцев, окруживших парламент с требованиями отменить чрезвычайку в Чечено-Ингушетии. Землячество горского народа выставило плакаты «Борис, руки прочь от Чечни», «Чечня не Афган» и т. д. Взбудораженные чеченцы ничего хорошего не предвещали ни милиционерам, позевывающим у восьмого подъезда, ни вооруженным до зубов омоновцам, ни российским гэбистам, то подъезжающим, то отъезжающим от «Белого дома». Зеленые исламские флаги, черные анархистские знамена, а также галопирующие конники-джигиты из московского цирка навевали грустные размышления о неком средневековом национализме. Тогда и подумалось, что Ельцин совершил такую же ошибку, как Брежнев в 79-м году, а Горбачев в 88-м (имею в виду чрезвычайщину в Нагорном Карабахе) и некто Янаев в августе 91-го. Благо, здравый смысл одержал победу, и указ отменили. Но, увы, хилые потуги великого президентского спасителя Руцкого, результатов не возымевшие, как-то замолчала и официозная, и левая пресса. Ведь началась бы натуральная резня, и это факт. Бывший коммунист генерал Дудаев не дал бы себя обидеть бывшему коммунисту генералу Руцкому.

* * *

И вновь появилось это старинное и внушающее надежду на личную безопасность граждан ремесло частного сыщика, то есть детектива. В Москве уже образовалось несколько агентств и бюро, объединивших профессиональных сыщиков, но, увы, как я выяснил, многие из них занимаются охраной кооперативов и других коммерческих новообразований. Собственно сыском и частными расследованиями занимается сыскное бюро «Мегрэ», офис которого находится в Столешниковом переулке, 6. Очевидно, охранять банкира, поплевывая в потолок, выгоднее, чем расследовать преступления или предотвращать, рискуя собственной жизнью, рэкет.

...Отсутствие горластых милиционеров, человек «на компьютере», уютная, мягкая мебель вполне располагают к доверительности. Бывший капитан МУРа, работавший в отделе по борьбе с разбоем и грабежами, Юрий Локтионов приглашает в кресло. За окном скучный сименоновский дождь, люди стоят в очередях в пивной бар «Ладья» и за сигаретами по талонам.

— А почему вы назвались «Мегрэ», а не «Холмс»? Вы не любите Конан Дойла?

— Напротив: Конан Дойла я люблю больше, просто сыщик Мегрэ мне лично ближе по духу, нежели Шерлок Холмс. Он более конкретный и реальный. В нашем деле не нужны таинственные гении, играющие на скрипке, а только профессионалы. С Петровкой, 38, у меня джентльменское соглашение,— рассказывает директор «Мегрэ».— Не переманивать работников.

Дело в том, что самые-самые бегут из милиции и устраиваются начальниками охраны и службы безопасности у нуворишей, средненькие идут туда же, на рядовые должности, а плохие нам не нужны.

— Как же вы определяете профессиональные качества детектива?

— Мы ему даем испытательный срок. Через два-три задания становится ясно, что это за человек и готов ли он быть работником «Мегрэ». В основном мы занимаемся расследованием разбоев, грабежей, квартирных краж, рэкета. Оплата? Вот ограбили вас, скажем, тысяч на пятьдесят, значит, десять процентов от этой суммы вы должны заплатить по факту получения возвращенного вам имущества. Только, пожалуйста, без дураков, потому что, как только мы узнаем, что вы намеренно уценили свое пропавшее имущество, мы сразу прерываем договор.

— Юрий Афанасьевич, были ли у вас какие-нибудь крутые расследования?

— Конечно же, были, от заявок до сих пор нет отбоя, хотя мы практикуем всего несколько месяцев. К нам совсем недавно обратилась женщина, продавшая квартиру и дачу за 100 тысяч долларов. У нее ежедневно вымогали эти деньги через третьих лиц, угрожали жизни, а потом и вовсе подожгли машину. Мы создали такую ситуацию, чтобы преступник саморазоблачился, как Раскольников. Потом приехали, поговорили, и все, рэкет кончился. Осенью к нам обратился директор мощного кооператива, говорит, что из кассы кто-то из сотрудников похитил 46 тысяч. Для него эти деньги — семечки, но ему было важно, кто из сотрудников это сделал, в ком он ошибся, когда подбирал штат. Вора мы определили по детектору лжи «Полиграф». Перепроверили пятерых сотрудников и обнаружили.

Много забавных историй рассказал Локтионов. Запомнилась одна. К ним в «Мегрэ» обратилась депутат, академик, весьма влиятельная женщина, попросившая, чтобы детективы нашли кольцо, похищенное коллегами. Подала заявку, сыщики приступили к работе. А через день ей звонит генерал МВД и говорит: «Как вы могли? Почему обратились в «Мегрэ», а не на Петровку? Мы что, хуже их или ни на что не годны?» Словом, генерал, как и все советские «обещалкины», поднял такой шум, что исключительно все службы Москвы были подняты на ноги из-за этого кольца, депутат, поверив, забрала заявку из «Мегрэ». А когда дело, отшумев в высоких розыскных управлениях, секторах и отделах, дошло до конкретного исполнителя, тот, не будь дураком, плюнул на эту возню, приказы и занялся более нужной работой и расследованием, ведь на дворе грабят, убивают, насилуют, вымогают. Так и осталась женщина без кольца и без надежды на то, что его найдут.

Знакомство с «Мегрэ» привело меня к той мысли, что если мэрия напрочь забудет о Петровке, 38, споря о том, кому возглавлять это ведомство, а не о деле, то будущее за такими бюро, как «Мегрэ». Но весь парадокс в том, что, будь даже миллион сыскных бюро в Москве, они не смогут выполнить функций МУРа. Грядет уголовный беспредел, который, кажется, уже начался. Боюсь, что мрачный прогноз режиссера Говорухина — неизбежная реальность.

* * *

Все эти осенние месяцы на Петровке, 38, дико и безысходно выли собаки. Они выли от фактического безделья, от того, что почти не кормят мясом. Они выли на плохую погоду, на холод, на глупую и как бы уже неродную луну, которая в отличие от былого времени, когда они были щенками, вырисовывалась почему-то уже в четыре часа дня; собаки еще и оттого так выли на Петровке, что их пугала мысль о завтрашнем дне.

Сентябрь — октябрь — ноябрь.

ПРИЗРАКИ ДУШИ

Фото Виргилиуса ШОНТА (Вильнюс) из серии «Школа — мой дом».

Вы думаете, вы не так живете,
Как мир живет, и потому стыдитесь
Тревог своих несовременных смутных
И дум своих — и никому ни слова.
Не мучайтесь!
Вы — повторенье мира.

(Из стихотворений поэта П. П.)

Нина ЧУГУНОВА

«Мне было пять лет, когда я раздавила ногой лягушку. Я сама захотела это сделать. Ужас бабушки дал мне понять, что я совершила преступление, а не нашалила. Бабушка испугалась меня».

«В шестом классе я солгала учительнице. Самое сильное мое чувство — страх перед разоблачением. Этот страх существует независимо от того, есть ли для него повод или нет. Я привыкла к этому чувству. И также я заметила, что оно может не выражаться во мне внешне. Я думаю: смогла бы я жить с нечистой совестью? Что-то убеждает меня в том, что смогла бы. Интересно, много ли людей втайне боятся разоблачения и, как я, подыскивают своему страху незначительные причины, чтобы было по крайней мере объяснимо их состояние? Я не считаю себя нервной. Переживания шестого класса я помню, как если бы это было недавно».

«Самое сильное чувство, которое я испытал,— опасение, что я схожу с ума.

По роду занятий я был обязан присутствовать на совещаниях в райкоме партии. Я не состоял в партии и чувствовал себя на этих совещаниях превосходно: устраивался в уголке с книгой. Однажды я так же пришел, сел и стал читать.

Прямо над моей головой был укреплен на колонне громкоговоритель. Сначала мне это бормотание не мешало. Потом у меня возникло какое-то странное ощущение, связанное с тем, что одновременно я читал безупречную умную прозу и поневоле слышал фразы доклада. Это было время ужасно непонятных, изнурительных для слушателя докладов. Вдруг я почувствовал некое соответствие, некую гармонию в сочетании прочитываемого и выслушиваемого.

В ту же минуту я встал и вышел из зала в сильнейшем замешательстве. До сих пор я не уверен, что не помешался бы рассудком, просиди еще недолго под громкоговорителем.

Это был род китайской казни, когда приговоренному капают на темя воду».

«В младенчестве были страхи... но меня убивает (давно уже) понятие НИКОГДА. НИКОГДА. ЭТОГО НЕ БУДЕТ НИКОГДА. Я произвожу это от страха перед смертью, но почему ж тогда не было иной силы, заставляющей меня так волноваться тем обстоятельством, что — жив?

Она никогда не будет моей женщиной. Никогда».

«Мы уже жили в Москве, значит, я учился в классе седьмом. А может, раньше. Чувство детское: я буду всем. В том числе — кто у нас тогда был Генеральный? — буду и им тоже.

Отец сказал: им ты не будешь. Это меня удивило. Буду. Отец говорит: если бы у тебя были к тому задатки, ты бы уже сейчас как-то проявился. Отец меня практически никогда не пресекал, это было единственный раз. Он огорошил меня, я впервые столкнулся с чем-то в жизни... с неумолимым ограничением. Но я боролся, я начал бороться сразу же.

Я говорил себе: НИЧЕГО, Я ПРИДУМАЮ ЧТО-НИБУДЬ, Я УСПЕЮ, Я ПЕРЕХИТРЮ.

И я еще не потерял до конца надежду».

«С детства для меня невыносимо ощущение БЫТЬ КАК ВСЕ. Это было унизительно. Мне казалось, что, если я не буду явлением исключительным, это будет означать поражение. Сейчас странно описывать семилетнего ребенка, занятого этими соображениями, но это было именно так. Я старалась подобрать себе занятия, подтверждающие мою исключительность. Я стала писать стихи и рассказы, изучать язык по взрослому учебнику. Помню, что «Золотой теленок» произвел на меня впечатление скучной книги.

Важно было держать в тайне амбиции. Когда родители радовались моим успехам, я чувствовала себя взрослой и усталой. Моя жизнь подчинялась казарменному распорядку».

«Для меня не было сильнее наказания, чем то, когда меня ставили в угол. Родители удивлялись ужасу, с которым я терпел экзекуцию. Теперь я понимаю, что меня как личность формировал страх перед ограничением свободы. Мой девиз НИЧТО НЕ СЛИШКОМ — это вызов несвободе, физическое отвращение к несвободе.

Я был сильно влюблен в свою жену, но в загсе, когда нужно было, кажется, сказать «да», я с ужасом спросил себя: и это все, отныне только эта женщина? Это выглядело, как приступ удушья.

Вскоре я был разведен и наслаждался свободой, потом женился... потом вдруг совершенно порвал с профессией, в которой считался подающим надежды, и начал почти с нуля.

В конце концов я неплохо устроился. Моя жизнь носит характер непредсказуемости и воли. Я легко общаюсь с людьми и немедленно иду к ним на помощь, если и они во мне нуждаются. Это происходит от глубочайшего равнодушия ко всему, что НЕ Я. Но я до сих пор не разоблачен».

«Я боюсь неделикатности. Поэтому я окружил себя некоей оболочкой, очертил границу вокруг себя. Я внутренне напрягаюсь, когда ко мне приближается кто-либо. Те, кто хоть сколько-нибудь понимает или чувствует меня, придерживаются в общении со мной шутливой церемонности. Но в магазинах, в метро я испытываю панику беженца».

«Когда у меня родился ребенок, я была поражена тому, что не испытываю той любви, о которой пишет «Здоровье» или «Работница». Я была только счастлива тем, что он здоров, а я не безобразна. Про себя я называла его «этот мальчик». Немыслимо было с кем-то поделиться этим отсутствием правильных чувств. Я понимала, что в этом есть что-то безнравственное, и стала стыдиться. Я думала, что сумею в будущем как-то заласкать сына, чтобы он не разгадал меня. Чувство вины все усиливалось. Результатом было то, что я стала безупречной матерью, матерью-машиной. Я завидовала матерям, которые орут на ребенка и лупят его на улице от души. Я думала, что такая свобода есть верное доказательство их любви. Это было ужасное время.

Оно прошло внезапно. Я помню день, когда эта чума отступила от меня. Я сидела и ревела от любви к нему, которая не проходит, а усиливается. Но все-таки в моей жизни есть эта черная черта».

«Я боюсь того, что поезд метро застрянет в тоннеле. Я дожил почти до сорока и ничего не боюсь, если не считать страха за детей и вот этого страха перед метро. Двенадцать дней в городе нет электричества, и двенадцать дней поезд стоит в тоннеле. Я говорю себе: такое невозможно — и отвечаю: почему же невозможно? Как только поезд останавливается в тоннеле, меня прошибает пот, и я выхожу на ближайшей станции. Я говорю себе: я не хочу заживо разлагаться в темноте».

«Я боюсь узнать о себе какую-то правду. Вот входит признанный авторитет и всем говорит: «Она грубая и глупая баба».

«Однажды я услышала о себе: «Эта истеричка». Я испытала изумление от того, что люди могут так просто и жестоко отзываться о других. Но сама я сужу обо всех без стеснения и не ограничиваю свое чувство юмора».

«Ко мне на работу пришел экстрасенс или в этом роде и начал гадать по ладони. Все, что он рассказывал о моем друге, походило на правду. Но мне он сказал, что не хочет рассказывать. Я настоял и протянул ему ладонь. Он сказал: «Ты трудолюбивый и верный, ты всю жизнь будешь тянуть свой крест, твои таланты израсходуются по мелочам, ты только будешь работать ради семьи, жизнь не принесет тебе подарков, ты просто хороший несчастный работяга».

Но ведь я все это знал и без него!

Я просто никогда не признавался себе в этом, а жизнь шла и шла.

Я как будто говорил себе: Я ПОДУМАЮ ОБ ЭТОМ НА ДОСУГЕ».

«Однажды мне показалось, что я заболел неизлечимой болезнью. Я пришел домой, лег и стал молиться, чтобы жена задержалась на работе. Я холодно

наслаждался ужасом перед смертью. Со смертью я никогда не примирюсь.

Я говорил себе странные вещи. ПУСТЬ УМИРАЮТ ДРУГИЕ».

«Когда меня хвалят, я хочу сказать: «Осторожно, она самозванка». Дело в том, что мои успехи происходят от страха перед беспомощностью. Я ни на что не могу опереться в себе, кроме дикой работоспособности. Я могу работать неделю почти без сна. Я выполняю работу моих подчиненных. Закончив одно, я берусь за другое. Мозг работает на износ. Я не понимаю тех, кто безмятежно ничего не делает. Например, чьи-то любовницы. Я смотрю на них почти с теплым чувством. Такую негу невозможно сыграть, сымитировать».

«Втайне я хотела бы жить одна. Мои подруги ничего хорошего не сделали из своего одиночества. Но я иногда мечтаю, как хорошо устроилась бы я.

Про мужа и ребенка я думаю: им даже лучше было бы без меня. Это постыдное занятие, но я представляю себе, как я приходила бы к ним в гости, спокойная и уверенная в себе. Я не испытывала бы ревности к другой женщине, если бы она появилась. Это такая игра».

«Я никого никогда не любила, самое важное, что я могу сказать о себе,— то, что мне незнакомо чувство любви. Когда я матери в деревню вожу импортные дезодоранты в подарок, я понимаю, что разоблачаю себя этим. Надо было бы просто поселиться у нее и копать картошку».

«Однажды я купил десять килограммов сала и забил им полхолодильника, а сало вскоре испортилось. Когда этой осенью я сказал жене: «Близится голодная зима!» — она воскликнула: «Только не сало!»

Я вдруг обиделся».

«Я не знаю, насколько я соответствую норме. Мне говорят: «Ты не понимаешь, о чем идет речь!» — и я могу несколько дней промучиться. Иногда это состояние обостряется. Дело не в психике, а в том, что я просто не соответствую норме. Мне трудно заговорить с человеком, и я готова заблудиться в незнакомом городе, лишь бы не спрашивать дорогу».

«Однажды одна молодая девушка отчитала меня, как мальчишку».

«Я никому не интересен. Я не неудачник. Просто я неинтересен. Моя жена постоянно хлопочет по дому, потом садится перед телевизором. Когда я возвращаюсь из командировки, она, полусонная, открывает мне и сразу же бежит назад, чтобы не проснуться, не перебить сон. А я иду в кухню, открываю холодильник. Иногда она успевает мне сообщить что-то, какие-то новости полусонным голосом. Тепла в этом нет».

«Моя знакомая попросила меня донести ее вещи к ее дому. Я нес две тяжелые сумки и испытывал странное чувство, что мучился-мучился, и вот иду домой. Я внес эти сумки в коммуналку с высоким потолком, где пахло старыми временами. Я стоял на пороге и дышал этим воздухом. Она сказала: «Ну, все?». Я вышел под дождь и заволновался, что этого всего не существует. Я не могу назвать чувство, которое испытал. Это похоже на проблеск сознания. Как будто что-то с памятью».

«Моя борьба с жизнью большей частью проходит в мелких схватках со старыми вещами, с мусором, со стиркой. Я забыла, как мечтают. Когда я засыпаю, я сохраняю на лице нахмуренное, озабоченное выражение».

«Когда меня они встретят после смерти и начнут разбираться, куда меня направить: в ад или в рай, они, наверное, будут в недоумении. Я ничего из себя не представляю. Я завидую людям, имеющим врагов. Но это честь, видимо, для талантливых и ярких натур».

«Я боюсь начальства. В нашей деревне всякий взрослый имел полное право отшлепать встречного мальчишку, как отец. Мы, дети, воспитывались всей деревней. Поэтому для меня взрослый — это тот, кто отшлепает. Я дослужился до майора, и мне за тридцать, а когда ко мне обращается старший по званию, я обмираю и путаюсь в словах. Но потом жена мне сказала в том смысле, что я не орел, и я стал бороться за справедливость, потому что уже дальше бояться мне стыдно. Кое-чего я добился за короткое время, но нервы стали ни к черту, и все время хочется взять оружие и выстрелить».

«Я боюсь оказаться в ситуации, которой не смогу управлять. Это может быть что-то кошмарно унизительное, но я не смогу выпутаться, оправдаться. Это чувство появилось у меня недавно, и я думаю: как же раньше было легко жить!»

«Я боюсь, что в моей жизни ничего не произойдет».

«Я боюсь общаться с людьми. Заговорить с кем-либо — для меня настоящая мука. Внешне это не выражается никак».

«Я панически боюсь, что на меня наедет машина, но я не умру, а останусь калекой. Я преклоняюсь перед калеками: им хватает мужества жить. Также мужественны те, кто лишает себя жизни, чтобы не мучить окружающих. Мне кажется, что я превратилась бы в отвратительное существо».

«Я боюсь вот какой догадки: я никому не интересен».

* * *

Во время одной из программ Фила Донахью трактовали о загробной жизни. Несколько приглашенных пережили состояние смерти, и теперь они пытались описать свои ощущения. Немолодая, уверенная в себе американка сказала:

— Я была не жена и не мать, а я сама.

Это высказывание озадачило даже Донахью, и он переспросил.

— Да-да! Я была я сама, не жена и не мать!

Эти слова можно было бы счесть безнравственными, если бы то не было описание смерти.

В действительности ли мы испытываем чувства, о которых привыкли говорить?

Есть ли в наших ощущениях и в том, как мы испытываем жизнь, отпечаток нашей неповторимой личности?

Или мы подменяем наши собственные чувства «общепринятыми»?

Не знаю. Все это близко к мукам души и к тайной тревоге — единственному признаку того, что душа жива.

Пусть маленькие признания кажутся слишком простыми.

Не страшно.

Так начинают разговор.

НЕ ГОВОРИ: «НУ И ЧТО?» — НЕ ПЕРЕБИВАЙ ИХ!

Им зачем-то это нужно.

(Лживый, прельстительный призрак Любви очарователен.

Призрак Души — никогда.)

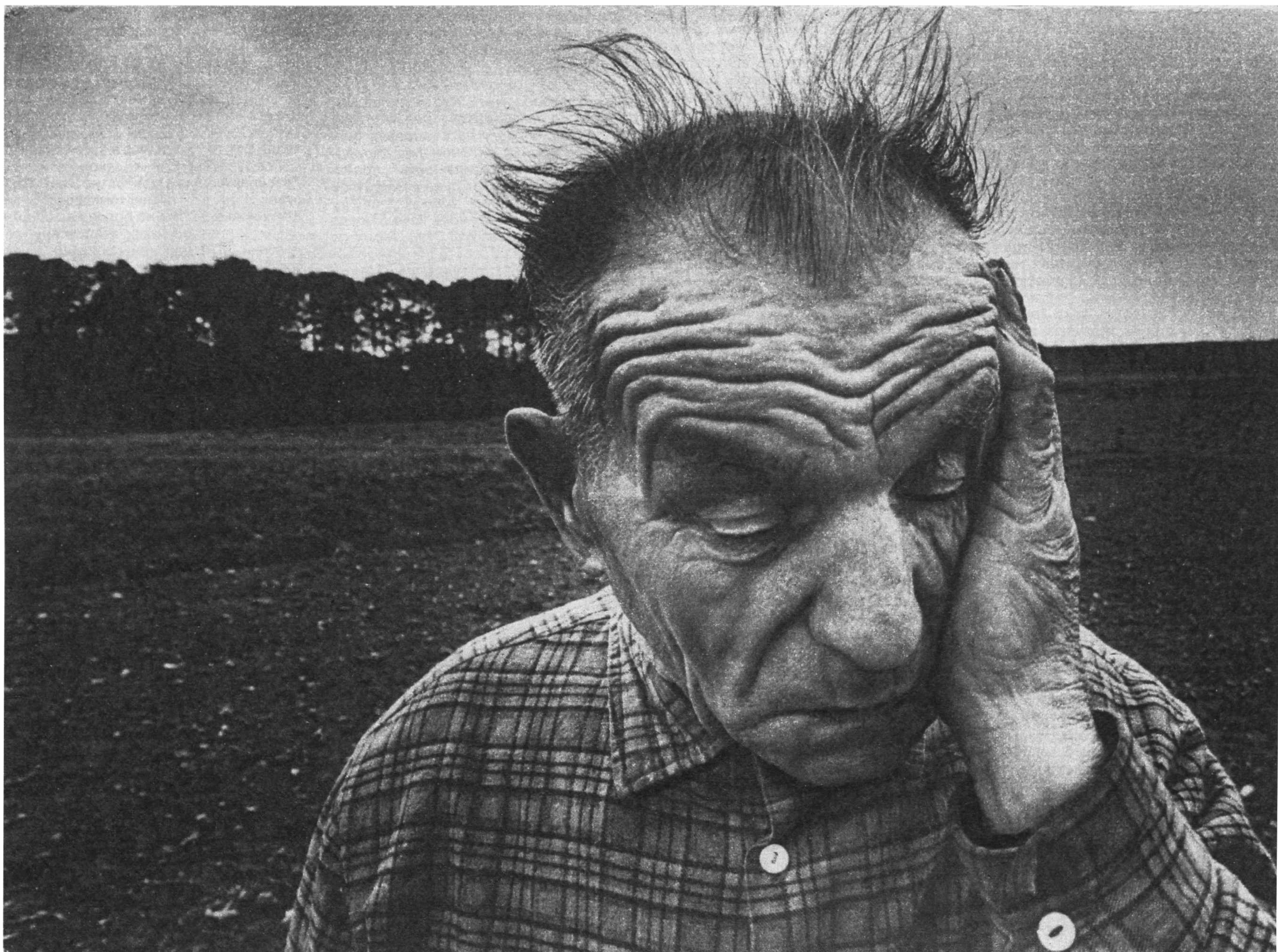


Фото Евгения СТЕЦКО из серии «Живые и мертвые».

Геннадий ЖАВОРОНКОВ

ДЕЛОВОЙ? В ЗОНУ!

Программа Явлинского — Шаталина предусматривала не только экономическую реформу, но и коренное изменение у нас межчеловеческих отношений. В частности, она требовала реабилитации людей, отбывающих наказание по отменяемым статьям уголовных кодексов. Эта программа канула в вечность, а с ней и благие намерения отменить статьи по экономическим преступлениям, изменить судьбу тысяч людей. И пока... Пока, по мнению «Общества защиты осужденных хозяйственников и экономических свобод», сегодня в местах лишения свободы находятся около 127 000 предпринимателей.

Обшарпанный панельный дом, как и тысячи других безликих его собратьев, не примечателен ничем. Последний этаж. Вместо деревянной двери — металлическая, от старого лифта. Здесь штаб официально зарегистрированного Октябрьским райисполкомом г. Москвы «Общества защиты осужденных хозяйственников и экономических свобод». Железная дверь — тоже защита: единственного, с превеликим трудом добытого компьютера. В его память уже заложены сотни и сотни уголовных дел, при его помощи выпускают бюллетень «Голос» тиражом в 120 экземпляров, в котором описаны судьбы людей, репрессированных в наше время за хозяйственную предприимчивость.

Председатель Общества — Виктор Сокирко, 1939 года рождения. Окончив МВТУ имени Баумана, специализировался как экономист. В 1973 году осужден на год исправительных работ за отказ дать показания по делу диссидентов 70-х годов Якира и Красина. Наказание отбывал по месту работы с вычетом 20 процентов жалованья. В 1980 году осужден вторично за участие в выпуске самиздатовского журнала «Поиски». Почти двенадцать месяцев провел в следственном изоляторе.

С прошлого года в эту московскую квартиру на улице Гурьянова стекаются письма со всех концов страны. Из тюрем, лагерей, от осужденных и от тех, кому суд еще грозит.

Из письма осужденного Н. Н. Мороза:

«...Я признан виновным и осужден по статьям 153 ч. 1, 93-1 УК РСФСР на 15 лет лишения свободы со ссылкой на 5 лет. С решением суда я полностью не согласен... За приведенные факты я отвечаю головой и уверен, что они подтвердятся в том случае, если их проверка будет проводиться независимой комиссией из группы народных депутатов, способных отличить правду от вымысла. Такая комиссия необходима, чтобы исключить давление со стороны заинтересованных лиц, которые препятствуют объективному расследованию по моему делу...

«Для перевоспитания» я был подвергнут «обработке» в штрафном изоляторе. Меня били, приковывали в зимнее время наручниками к решетке и открывали на ночь двери. Камчатские садисты травили меня собаками, зубы которых оставили на теле глубокие следы. Прокурор области Разживин заявил мне прямо: «Если ты не прекратишь свои жалобы, мы тебя сгноим в изоляторе».

Что это — письмо из 37-го года? Да нет, из наших перестроечных лет. По делу Н. Мороза написана уже чуть не сотня кассационных жалоб. По заявлению группы защиты осужденных хозяйственников Генеральный прокурор СССР внес протест на пленуме Верховного суда СССР. Пленум протест отклонил и лишь снизил наказание Морозу с 15 до 12 лет лишения свободы.

Но ни одна инстанция не пожелала возбуждать уголовное дело по фактам получения «признания вины» у заключенного Мороза.

Кто же эти люди, которые так опасны для общества? Убийцы, грабители, бандиты?

Из письма Марка Шермана:

«Я искал товары, материалы, оборудование, комплектующие изделия. Я искал изготовителя. Я искал покупателя. Я работал. Я — посредник. При создании товарных фирм в стране я буду — брокер».

Может, и будет когда-нибудь. А пока он рядовой зэк, бесправный, как и тысячи других его товарищей по несчастью. Он работал по 18 часов в сутки. Доставал вагоны, выбивал лесоматериалы. Благодаря его энергии не простаивали заводы и фабрики. Колхозы строили дома и фермы.

Из приговора: ***«Вводил директоров в заблуждение, а иногда вступал в сговор на предмет хищения... и само хищение в особо крупных размерах налицо. Да и сам Шерман показывает, что присвоил 12 тысяч рублей».***

Присвоил? Это его заработок за 22 месяца изнурительного труда без выходных и праздников. 545 рублей в получку и аванс. Мозоли с его рук, набитые рулем машины, сошли только через два года. В тюрьме.

Взятка, хищения, спекуляция. Этими словами мы натравили наше общество на людей, не желающих мириться с немощностью нами же созданной системы.

А вот **экспертная оценка юристов «Общества защиты осужденных хозяйственников...»:**

«Выплаты шабашникам заработанного свыше установленных расценок, но согласно договоренности и в рамках достигнутого эффекта, не являются хищением, поскольку тут нет таких обязательных признаков, как корыстные мотивы и цель, а также безвозмездности изъятия государственного или общественного имущества».

Впрочем, это смотря для кого. Для международной юриспруденции подобная акция — абсолютно невинная и даже тривиальная сделка. А для наших церберов от неумирающей идеологии — преступная попытка вылезти из рамок дозволенного, ускользнуть из-под чиновничьего надзора, считающего инициативу сверхкриминальным деянием. Пять лет отбыл в лагерях заместитель директора сахарного завода В. Матюшенко за переплату шабашникам, так как своих рабочих не хватало. Сам же бригадир шабашников получил 12 лет тюрьмы и умер в ней, тем самым «уклонившись» от отбывания наказания.

Взятка... Иван Михасенко, 1934 года рождения, 20 лет был политработником в армии. С 1980 по 1984 год работал директором Овидиопольского райбыткомбината. Восемь лет лишения свободы.

Суть вины по приговору: ***«Злоупотреблял служебным положением, брал взятки с подчиненных за фиктивные справки, за покровительство, брал деньги от частнопредпринимательской деятельности своих подчиненных на производственные нужды».***

Экспертная оценка «Общества защиты...»:

«Весь приговор склеен из мелких, притянутых за уши эпизодов, например, таких, как получение взятки в виде бутылки коньяка (которой он не видел), что, собственно, и позволило предъявить обвинение в многократных (двух) взятках... На деле Михасенко пытался добросовестно сжиться с коллективом своих подчиненных, не ломая сложившихся до него частнопредпринимательских отношений и обращая их на общее благо. Его работа была полезна как коллективу комбината, так и населению. И уже только по этому критерию, а также по статье 97 УК его действия не могут считаться преступлением как не имеющие общественной опасности».

Иван Михасенко. Из письма в «Мемориал»:

«Думаю, не нужно доказывать, что в начале 80-х годов в стране творился произвол. Знаю людей, которые и сегодня находятся в колониях, но они не нарушали нашего закона. Особенно много пострадало руководителей предприятий. К ним отношусь и я... Однако сегодня разоблачить произвол невозможно, поскольку чиновники из прокуратуры и судов все еще занимают свои должности и делают вид, что совершают перестройку.

Вот я хочу спросить вас: кто и когда их разоблачит? Кто и когда нас, живых, а не мертвых, реабилитирует? Я сам не могу восстановить свое честное имя. От писанины на нервной почве начала отказывать правая рука, я пишу двумя руками, но победить бюрократизм прокурорско-судебных органов не могу. Мне 54 года, подполковник запаса, отец двоих детей.

Я хочу быть полезным нашему обществу. Помогите!»

Чем? Как? Вечно тесная квартира Общества на улице Гурьянова. Всего сто человек его членов. Сто человек против десятками лет отлаженной системы.

Было бы легкомыслием утверждать, что среди осужденных нет ловкачей, действительно «погревших руки» за чужой счет. Но много ли таковых? И разве трудно отличить и отделить их от тех, кто «крутился» для всех нас, а не для себя?

Недавно я сам слышал разговор юристов в Мосгорсуде: «Нас стали ориентировать на оправдательные приговоры. Мы так и делаем, новые экономические дела сами собой затухают». А старые — остаются?

В этом году только один человек предотвратил готовящийся громкий процесс — прокурор по надзору за следствием в органах КГБ Владимир Голубев. Дав санкцию на арест предпринимателя Бориса Коробочкина, он сам после мучительных раздумий отказался от обвинения, поняв, что становится соучастником идеологического преступления.

Коробочкин на свободе. Голубев уволен. И никто не спешит использовать его теоретические исследования. Что же, и российским демократам, прибирающим власть к рукам, не нужен сохранивший честь прокурор? Выходит, не нужен, если он в должности не восстановлен, работает не по специальности.

Вот так, считая себя людьми нового мышления, мы остаемся при мышлении прежнем, насквозь идеологизированном. Отказавшись от мифических терминов «враг народа», «враг-антисоветчик», мы сохранили склонность покоряться простеньким идеологемам и уже готовы принять иной миф — об «экономических врагах».

Так кто же настоящий правоотступник — следователь, готовый «раскрутить» любую бартерную операцию, ретроградный судья, закрывающий глаза на «не полученную государственную выгоду», или мы, равнодушно относящиеся к судьбе деловых людей, способных изменить нашу жизнь?

Правда, время от времени продолжают раздаваться голоса в защиту осужденных хозяйственников, призывы к их общей амнистии. Но амнистия — это досрочное прощение вины. А есть ли что прощать людям, которые в годы застоя и общего разложения пытались сделать нашу ненормальную жизнь более нормальной, уже создававшим реальную модель будущих рыночных отношений? Какой-то остаточный тоталитаризм есть в том, чтобы миловать пытавшихся нас спасти. Не они виноваты в разрухе государства, не им, а нам надо бы покаяться и очиститься от пассивности, иждивенчества, безалаберщины.

Ведь именно мы были соучастниками подавления их экономического бунта, это наше общественное мнение делало их «преступниками», это мы требовали для них самых суровых кар. И не надо теперь списывать всю вину на коммунистическую идеологию. Нищий народ заимел собственных узников — узников нищеты.

А разве каждый из нас, что ни шаг, не преступает закон? Кто не переплачивал продавцам за товар из-под прилавка, не зазывал, подмигивая, мастеров с соседней стройки сделать ремонт в квартире, мало заботясь, откуда они возьмут материалы, не перевозил мебель на «левом» грузовом транспорте, не уносил ничего с места работы? Так уж сложилось, оправдываем мы себя: «не подмажешь — не поедешь», «хочешь жить — умей вертеться».

Следовательно, к экономическим правонарушениям причастно все общество. И те 127 тысяч томящихся в заключении виновны не более нас с вами.

Мы имели узников сталинских репрессий. И попросили прощения у них лишь в середине 50-х годов. Мы имели узников совести брежневского режима и покаялись перед ними только сейчас. Когда же настанет час покаяния перед узниками труда? Перед их семьями, которые и по нашей общей вине оказались за гранью нищеты?

1. Тофик Израилов, женат, имеет пятерых малолетних детей. Осужден на 7 лет лишения свободы.
2. Игорь Мещагин. Разведен после приговора. Семь лет лишения свободы.
3. Юрий Комаев, женат, имеет двоих детей. 9 лет лишения свободы.
4. Бекен Жексембаев. Женат, имеет четверых детей. Три года лишения свободы (условно).

Всего около 127 тысяч...

ПРИГОВОР

Судья: «Прошу встать. На основании вердикта суда присяжных объявляю приговор:

Шерман М. М. признается оправданным по всем предъявленным ему обвинениям, а именно по статьям 93-1 ч.2 и ч.3, 196, 17, 175 УК РСФСР. Шермана из-под стражи немедленно освободить. Судебное заседание объявлено закрытым».

Истина восторжествовала? Да, но пока только на улице Гурьянова, на заседании общественного суда присяжных...

МОЛИТВА

Старую мечеть в центре Душанбе окружили новые стены: казиат, медресе, минарет. Минарет в лесах. Вход в мечеть теперь из внутреннего двора. Восточная архитектура напоминает Самарканд: сравнение здесь понравится.

Голос муэдзина Адашхона, многократно усиленный электроникой, призывает в мечеть на вечернюю молитву. Голос у Адашхона высокий и точный. В разговоре некоторые слова он произносит нараспев.

— Боооооог.

Светит месяц, как на минарете. От гостиницы до мечети два шага. Я беру у Адашхона первый урок ислама.

Пять заповедей ислама в изложении муэдзина Адашхона.

Первое.

Надо верить в Бога и в Мухаммеда.

Если кто чапан надевает, тюбетейку надевает, он еще не мусульманин, пока не скажет Слово: Бог одинок, и Мухаммед его пророк, которого он послал людям. Все пророки по указанию Бога ходили, но последний, верный — наш Мухаммед. Мы всем пророкам верим. Сердцем верим. А остальные — только своим.

Второе.

Каждый день надо молиться пять раз.

Первый раз молитву надо читать, когда небо голубеет, светать начинает.

Луч солнца показался — уже нельзя читать. Солнце на метр поднялось — опять можно. Когда твоя тень, как твой рост, можно читать. Когда тень, как два твоих роста, опять можно читать. Когда солнце садится, нельзя читать. Через час опять можно.

Молиться можно везде, где чисто. Если не чисто, молиться нельзя. Когда час — два молитву почитаешь — хорошоооо.

Третье.

Один месяц в году надо держать пост.

Утром встаем пораньше. Пока солнце не светит, можно кушать. Солнце взошло, рот закрываем, ни пить, ни есть нельзя. С женой — тоже нельзя. Солнце село, чай попьем, тогда можно. Когда рамазан, надо по-честному работать и по-честному кушать. И чтобы воровства не было. Бог этого не простит.

Четвертое.

Если Аллах дал богатство, надо давать деньги бедным, тем, кто учится, на мечеть надо давать. Иначе Бог молитвы не примет.

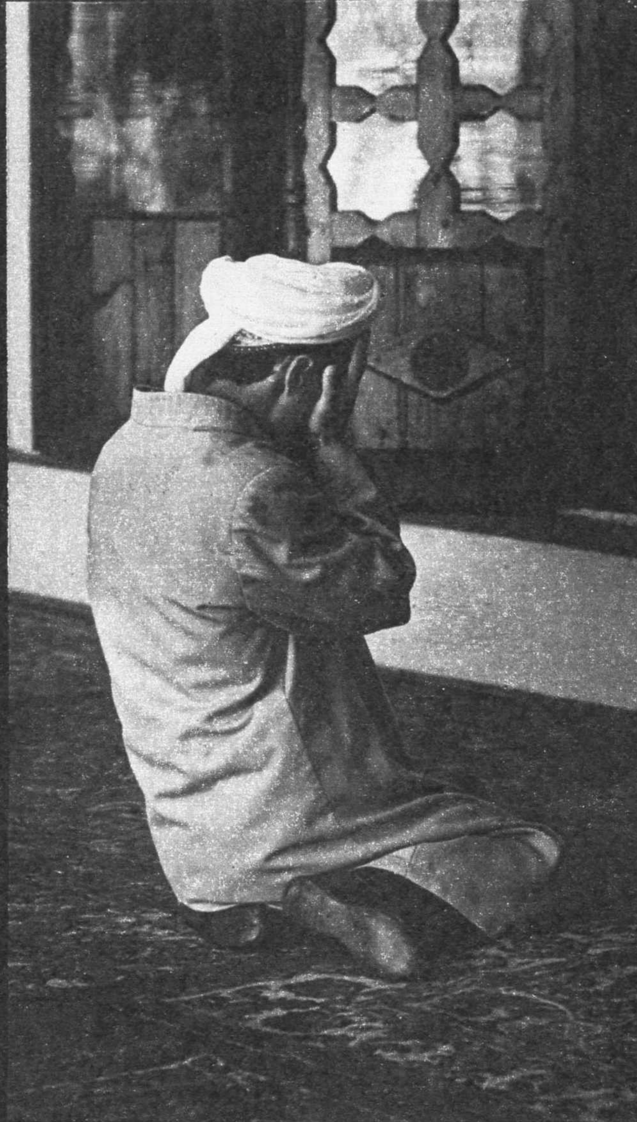
Пятое.

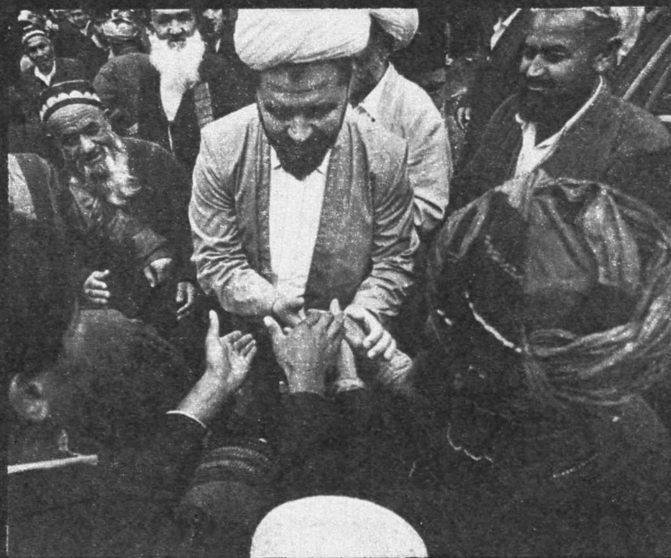
Если есть средства и дорога открыта, надо посетить Мекку. Хотя бы раз в жизни.

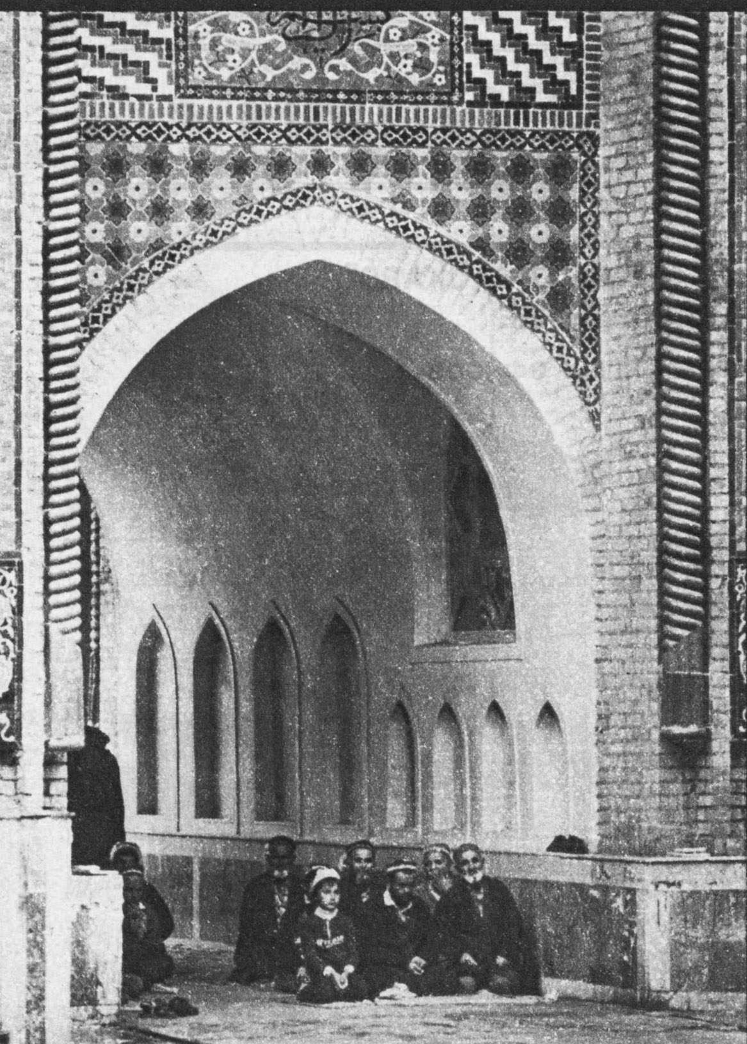
Если все это выполняешь, попадешь в рай, если не выполняешь — куда? Я по-русски плохо говорю. Правильно, в ад.

К кази — главе мусульман Таджикистана попасть легче всего рано утром. Его зовут Ходжи Акбар Тураджонзода, и он самый популярный человек в республике. Тем не менее кази отказался выдвигать свою кандидатуру на президентских выборах.

— В Европе плохо знают ислам. Ислам не запрещает женщине работать. Нужно только выполнять определенные условия. Например, мужчина не может находиться с женщи-







ной один на один. А это свобода, когда многодетная мать целый день в поле за 100 рублей? — взрывается кази.

— У нас ни один из коммунистов не отрицал свою принадлежность к исламу. Если ему говорили: вы неверующий человек из коммунистических убеждений, он обижался, спорил и ругался. Хвастались: я и коммунист, и мусульманин. Парадокс.

Условия для духовного развития сейчас более благоприятные. Еще недавно у нас было девятнадцать православных церквей и всего семнадцать мечетей. Сегодня в Таджикистане сто двадцать четыре соборных мечети и около трех тысяч молельных домов. Не успеваем их регистрировать. В прошлом году открыли исламский институт на сто сорок студентов. Однако я считаю, что наш путь — это не исламское, а демократическое государство. В будущем Таджикистан сможет развиваться в основном благодаря помощи свободного мира, но нам не станут помогать, если у нас будет тоталитарный режим и будут нарушаться права человека. Может быть, я чересчур оптимист, но я хочу, чтобы мы здесь создали свою Швейцарию. А про меня все равно говорят: нет, он хочет исламскую республику.

У мусульман пятница — день, когда все приходят в мечеть на дневную молитву. В этот день службу проводил сам кази. Мне перевели то, что он сказал:

— Все люди от Бога, все равны, все должны жить дружно. И таджики, и русские, и евреи, и не должно быть взаимных оскорблений.

За это молились.

Марк ШТЕЙНБОК
Фото автора

ЭСКАРТ

ПарКультуры

ОТДЕЛ ИСКУССТВ ПРЕДСТАВЛЯЕТ:

АЗ'АРТ

«Только половина всего благообразного человечества скажет наверняка, что это был именно композитор, а не кто-либо иной. А уж и совсем мало кто знает, что он был еще и Александр Николаевич»...
Композитор Ю. Ф. Ханин о композиторе А. Н. Скрябине

РОССИЙСКИЕ МЕЦЕНАТЫ

Уютно ли англичанам в бывшем доме русских миллионеров? Кетлин Бертон Маррелл о сахаропромышленниках Харитоненко.

Полтора года назад «Огонек» имел неосторожность опубликовать интервью с 25-летним композитором Юрием Ханиным, вытащив Юру на всеобщее обозрение из квартирки на Петроградской стороне, где он пишет музыку в окружении застывших исторических фетишей, цветущих стапелий, прочих суккулентов и рыбы тиляпии. У меня в памяти до сих пор чеканные строки ленинградской «Вечерки», обвинившей Ханина в неуважении ко всем и вся («увы, журнал «Огонек» не хочет извиняться»). «Вечерка» могла, конечно, и напрямую написать, что Ханин — потрясающий музыкальный хулиган, но почему-то не сумела. По истечении полутора лет я убедился, что Ханин — не просто выдающийся музыкальный хулиган, он — выдающийся композитор. Любой, кто в Малом зале Капеллы слышал «Архаическое сочинение № 16 для клавесина, балалайки и славного певца» (как и другие славные сочинения), меня в том поддержит.

Все талантливые, держащие жизнь в руках мужчины нередко любят поиграть в шпану, эдаких разлюли-хулиганчиков, хотя на самом деле — и это вполне нормально — они просто любят славу, свою работу, деньги или женщин. Таково хулиганство, скажем, двух Никит — Михалкова и Богословского. Ханин — хулиган иного типа. Он щекочет, трансформирует, вышучивает и сплавляет с музыкой собственную жизнь, играя со всем и вся и давно зная, что истинна и противоположность каждой истины. (Как и заметил вполне справедливо Герман Гессе.) Он абсолютно естествен в своих эскападах, а вот ни я, ни вы, так, увы, естественны быть не можем. Что проводит между нами черту. Так что давайте, что ли, с уважением относиться к тем, кто играет по другому счету, кто может отрезать себе ухо — как Ван Гог, или сказать «Горит бессмыслицы звезда, она одна без дна» — как Хармс.

Теперь о поводе всего вышесказанного. Некоторое время назад наш респектабельный «Огонек» заказал Ханину статью о композиторе Скрябине. Мы, конечно, знали, на что шли, но все же, получив заказ, икнули. И считаем необходимым сделать следующее предупреждение. Дамы и господа! Перед вами, с нашей точки зрения, не статья, не очерк, а текст, который получился, когда Ханин на время заменил фортепиано пишущей машинкой. Возможно, вам тоже икнется, когда прочитаете, что в 1915 году Скрябин ехал из Москвы в Ленинград. Не пугайтесь и не требуйте объяснений. Это специальный текст для икания. Постарайтесь понять, что могут быть и такие тексты, хотя, чтобы объяснить это, приходится спускаться от Ханина на несколько ступенек вниз. Но все же спускаться ниже вряд ли имеет резон.

Дмитрий ГУБИН

ЛОБЗАНЬЯ ПАНТЕР И ГИЕН

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Предлагаемая вашему вниманию статья на самом деле представляет собой рассказ известного композитора Юрия Ханина о еще более известном композиторе Александре Скрябине. Мы подчеркиваем, что это именно рассказ, а не статья, и потому выглядит скорее как образец стилистического письма. Заранее хотим сказать, предупреждая недопонимание, что автор статьи относится к А. Скрябину с предельно возможным уважением и во всей статье нельзя найти даже намека на осмеяние его образа.

Если после чтения статьи у вас возникнет желание поближе познакомиться с личностью А. Н. Скрябина, можем дать совет почитать самую лучшую в этом роде книгу Л. Л. Сабанеева «Воспоминания о Скрябине». Книга эта была издана в Москве в 1925 году на личные средства автора, вскоре интернированного за пределы СССР.

Если этой книги вам достать не удастся, можем только дать совет поскорее переиздать эту книгу большим тиражом. Она разойдется мгновенно.

Если же после чтения статьи у вас возникнет желание поближе познакомиться с личностью Ю. Ф. Ханина, мы уже ничего вам посоветовать не сможем.

(Государственная коллегия по личной печати).

Ну вот.

Вы уже читаете эту вяловатую статью, написана она некто Ханиным, который писал ее по поводу жизни некто Скрябина. И этим, собственно, содержание статьи исчерпывается, если не полностью, то почти полностью. Однако легко сказать: «некто Скрябин», а ведь небось только половина всего благообразного человечества скажет наверняка, что это был именно композитор, а не кто-либо иной, и, следовательно, время от времени писал какую-то музыку. А уж и совсем мало кто знает, что он был еще и Александр Николаевич, а не просто Скрябин какой-то. От себя же в порядке особой осведомленности могу еще добавить, что жен у него было 2 (две), причем не одновременно, а последовательно, то есть одна вслед за другой, и детей было соответственно восемь, по четыре от каждой из этих жен. Конечно, это уже достаточный повод, чтобы развернуть бурную дискуссию о невиданном понижении русской деторождаемости в современный период и оскудении на этой почве полей и лесов нашей страны, но эту тему я, пожалуй, буду развивать уже в своей следующей статье про Скрябина или кого-то другого. А в этой статье я эту тему, пожалуй, развивать не буду.

На этом-то, строго говоря, статью с общей информацией о некто Скрябине и его творчестве можно было бы и завершить, однако не тут-то было. По стандартам журналов «Огоньков», я обязан для такой статьи равномерно заполнить гораздо больше чистой бумаги, превратив ее тем самым в печатную продукцию. Что и постараюсь выполнить.

Хотя представьте, как хорошо было бы ниже оставить в качестве продолжения статьи некоторое количество чистой бумаги для заметок...

Однако пишу. Скрябин — лицо ведь легендарное и уникальное не только здесь, у нас, но и вообще, повсеместно. Например, вспоминается некто Бернард Шоу, который, прослушав в своем сыром и тусклом Лондоне 1914 года «Поэму Огня» уже целых два раза подряд, вскочил вместе со всем залом и стал очень громко кричать (по-английски, разумеется), что он хочет прослушать ее еще и в третий раз, и, возможно, в четвертый. А эту самую «Поэму Огня», как вы, вероятно, уже догадались, именно Скрябин и написал. И это есть одно из самых замечательных и чудесных его сочинений, в котором он подробно и в тонкостях описал, каким именно образом он будет уничтожать все человечество, землю и Вселенную в ослепительном экстазе соединения с Духом. Тогда это было для него делом каких-нибудь 3—5 лет. Однако через эти самые три года настал 1917-й, вместо ослепительного экстаза случилась весьма тусклая революция, и всех стали медленно зарывать в землю. А Скрябин, Скрябин к тому времени уже два года, как умер. И сделал это он именно в тот момент, когда взялся за написание «Предварительного действа» к своей Мистерии. Что такое Мистерия, теперь почти все знают, да и я только что уже вкратце описал, как это должно было происходить. А «Предварительное действо» к ней было чем-то вроде приманки и камеры предварительного заключения одновременно. Услышав дивные, никогда не слыханные еще звуки, очарованное человечество должно было переместиться в Индию, кстати, английскую тогда колонию, откуда доносились эти звуки, там началась бы и Мистерия, и уже вскоре все бы полностью завершилось ко всеобщему удовлетворению. Впрочем, об этом чуть позже.

Скрябину было всего 42 (сорок два) года, он был могуч и достигал только своего максимума жизни, но он начал работать над «Предварительным действом», и ему пришлось тут же умереть. Возможно, что это была его индивидуальная Мистерия, но другой уже не состоялось, и вот до сих пор нам с вами приходится уныло существовать и читать унылые статьи про это унылое существование. Хотя идею Мистерии подхватили, и Вячеслав Иванов потом долго пытался ее рифмовать, а Мейерхольд хотел ее представлять, а Маяковскому даже удалось ее написать (хотя и только Мистерию-буфф), но все это было совсем «не то», и они все

продолжали жить, а умирали значительно позже, и, видимо, по совершенно другим причинам.

Впрочем, наверное, нужно по порядку. А?

А родился Скрябин почти одновременно с Лениным. Учился, правда, не в Казанском университете, а в Московском кадетском корпусе. (Не следует путать кадетов-военных с известной позже в России политической партией Конституционной Демократии.) Впрочем, согласитесь, это замечание не по сути статьи. А по сути вот чего.

Уже значительно позже он попал в Московскую консерваторию и учился там как пианист и как композитор. Однако диплома композитора ему так и не довелось увидеть. Его весьма тусклый педагог, композитор с салонными усами Аренский, которого, боюсь, совсем уже мало кто из читающих эту статью сможет вспомнить, не дал Скрябину этого сделать. Впрочем, золотая медаль пианиста ему все же по окончании досталась. Однако гораздо более существенным в его ученических годах мне кажется вовсе не это...

В те годы директором Московской консерватории был некто (опять же) Василий Ильич Сафонов. «Наш Ильич» — как его за глаза ласково называли студенты. Сафонов был не просто учителем Скрябина, а отчасти даже его поклонником. Скрябин бесконечно удивлял его своим дарованием, они сходились все ближе и ближе. Иногда только под утро их чуть ли не на носилках вытаскивали из какого-нибудь ночного ресторана.

Так, будучи значительно его моложе, Скрябин тем не менее познакомился с Ильичом. А подобные знакомства, согласитесь, просто так не бывают. Теперь уже уверенно можно сказать, что эта встреча одинаково повлияла и на Ильича, и на молодого Скрябина. Не могу удержаться от того, чтобы привести здесь небольшой акростих, тогда же написанный Ильичом на Скрябина. Вот он:

Силой творческого духа
К небесам вздымая всех
Радость взора, сладость уха,
Я для всех фонтан утех.
Бурной жизни треволненья
Испытав как человек,
Напоследок без сомненья
Ъ-омонахом кончу век.

Бурная молодость, впрочем, быстро прошла. Приближалась пора обещанного Ъ-омонашества. Из «сундука с новыми сочинениями Шопена» (это по словам некто Лядова) Скрябин превращался уже в сундук с новыми сочинениями Скрябина. На первых порах, конечно, пришлось преподавать в консерватории, чтобы иметь какие-то деньги, радовала и финансовая поддержка известного мецената и лесопромышленника (буржуя, конечно) Беляева. Он же издавал все сочинения молодого Александра Николаевича.

С самой юности Скрябин был склонен ко всеобщему схематизму в своих представлениях о жизни. Так, решив, что 26 лет — это есть возраст, когда непременно, во что бы то ни стало следует жениться, он немедленно это и проделал с некой девицей Верой Исакович. Говорят, во время и после свадьбы Скрябин был грустен, как никогда более в своей жизни. Но схемы требуют жертв. И Александр Николаевич приносил эти жертвы.

К тому же времени полное развитие получило и то, о чем я не могу умолчать. С этого момента и до самой его трагической смерти этот предмет красной нитью проходил сквозь всю жизнь Скрябина. Я имею в виду, конечно, его великие, прекрасные усы. Сейчас многие предают совершенно несправедливому забвению эту тему. Особенно после 1953 года усы стали все реже появляться на горизонте, небосклоне нашей жизни. Уже неоднократно я выступал по телевидению и радио, во многих публикациях в защиту этой вечной темы. Например, припомните, такие в общем-то прекрасные люди-лидеры, как Собчак, Ельцин, Горбачев,— если бы они только знали, сколько проигрывают каждый день, каждый час только оттого, что на их верхней губе, под носом нет тех или иных усов. Впрочем, не в именах, конечно же, дело. Просто слишком, слишком мало известна в правящих кругах личность Скрябина, его лицо и его образ. И снова я возвращаюсь к усам...

Гибельна их недооценка по недомыслию или по молодости. Уже много говорил я об этом и скажу сейчас снова: тема усов — это тема не фасадная, не внешняя, а подлинно глубинная. Усы — понятие основное, духовное. И именно потому с появлением и ростом усов неудержимо возвышается скрябинское творчество. Именно они постоянно влияли на его жизнь и представления. И именно они, как это ни печально, стали косвенной причиной его смерти. Вернее сказать, гибели.

В частности, я очень счастлив, что славный певец Андрей Славный, который постоянно исполняет мои ханинские сочинения, имея очень похожую на Скрябина внешность, внял наконец моим долгим увещеваниям и теперь имеет такие же подлинные, великие усы. Убежден, скоро вы о нем услышите. А многие его уже услышали.

Но я тем не менее возвращусь к Скрябину. Он уже в творческом расцвете. Закончена «Божественная поэма», чрезвычайно удивившая всех ярким музыкальным рассказом о каком-то довольно странном мировом Духе, который к тому же в версии Скрябина имеет тенденцию непрерывно самоутверждаться. Но это только промежуточное сочинение. Скрябин уходит от первой жены ко второй, он живет за границей, следит оттуда за революцией 1905 года и приглаживает невольно усы. Они уже очень сильно выросли и по длине превосходят лицо. Особенно интенсивно происходит их рост во время долгих споров с Г. В. Плехановым и его женой о судьбах мира и России. Тогда же Скрябин листает «Капитал» Маркса и проникается презрением к коммунизму, как низшей форме материи. Он пишет «Поэму экстаза». Так что же это за экстаз, пора наконец и разобраться. Разобраться раз и навсегда.

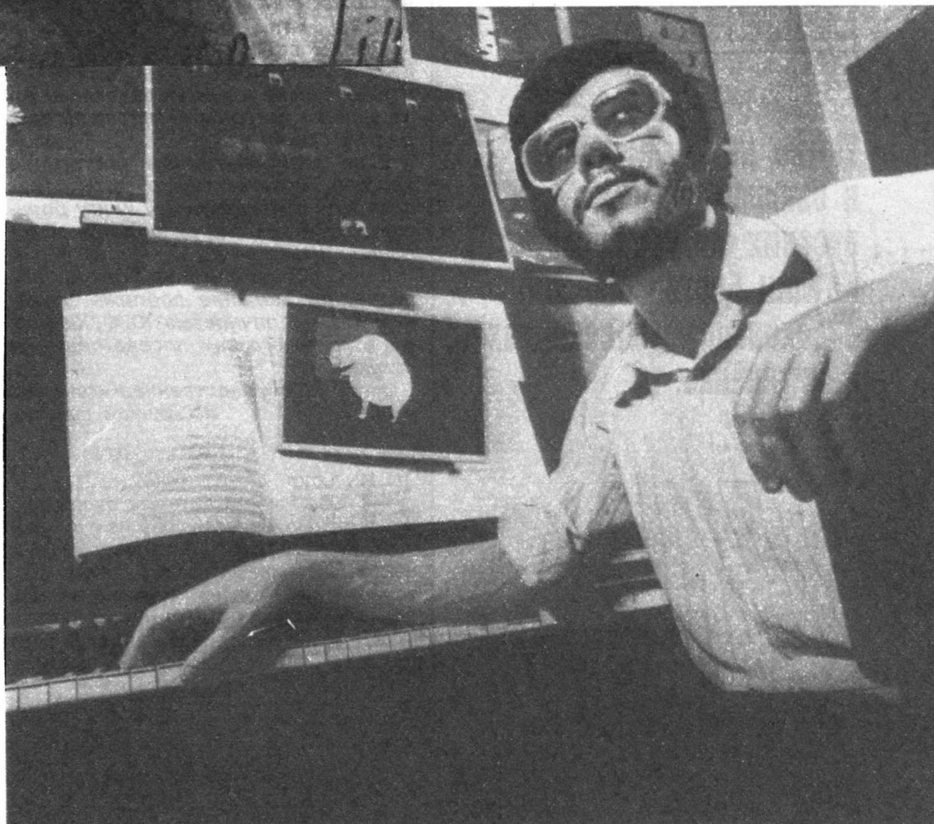
Помнится, на русской премьере «Поэмы экстаза» в исполнении Кусевицкого был огромный успех. Успех вообще преследовал Скрябина всю жизнь. Так вот, после концерта дирижер, контрабасист и меценат Кусевицкий (буржуй, конечно) устроил большой банкет в честь автора. Скрябин пришел со своей женой, второй уже, одетой к тому же в желтое платье. Были приглашены всяческие гости, в том числе и некие родственники, имеющиеся, как всегда, в изобилии. И вот, представьте, во время тоста за «Поэму экстаза» с другого конца стола донесся старческий голосочек генерала Скрябина: «А экстаз-то, вон он сидит рядом, желтенький...» Александр Николаевич был обижен чуть ли не на всю жизнь. Усы обвисли.

А, собственно, почему он так обиделся? И о каком же экстазе шла речь, если не о желтеньком?

Я должен сделать небольшое отступление в плавном течении своей речи.

Мне кажется, состояние некоего экстаза известно каждому советскому человеку (и даже готов допустить, что и некоторым несоветским людям оно также знакомо), однако именно поэтому для улучшения дальнейшего восприятия статьи явно следует кое-что об этом разъяснить. Так в чем же тут дело?

А дело все в том, что мир развивается не каким-либо иным, а именно следующим образом: вначале есть нечто единое, Дух что ли, или Хаос. Позже Дух приподнимается и в некоем парении творит Материю. Причем Дух — творящий, активный, мужественный, а Материя — пассивная, женственная. Разделяясь все далее друг от друга, они становятся полярными, достигают своего максимального развития, и вот тут-то и начинается их сакраментальная тяга обратно



Ведущая рубрики
Наталья СЕМЕНОВА

друг к другу. И как раз в этот момент и необходима Мистерия, чтобы подтолкнуть нерешительный мужской Дух к его слишком пассивной Материи. Наконец, они бросаются навстречу друг другу, и в экстазе их соединения рождается дивный головокружительный танец гибнущей Вселенной. И все это повторяется много-много раз. Вот, собственно, и все об этом самом экстазе.

Впрочем, нет. Кроме соединения Духа с Материей в эротическом космическом акте, в некоей начальной стадии мыслились также и массовые сближения людей, невольно подражающих космосу. Однако, вопреки всеобщим ожиданиям, это было задумано не как грязная массовая оргия, а как вторая стадия Мистерии, когда под чудесные звуки соединенных искусств люди начали бы парить в ослепительном танце всеобщего экстаза.

Здесь я должен остановиться и перевести дух. Не боюсь, что меня (вернее Скрябина) воспримут неправильно. Это уже явно произошло. Но разъяснить один весьма важный (не менее важный по крайней мере, чем усы) вопрос считаю необходимым. Какой же?

А это чисто русский вопрос. По мнению советских и некоторых зарубежных историографов, изучающих вопросы половой жизни различных народов, прообразы древних Мистерий и массовые формы экстаза получили весьма своеобразное преломление у славян. Так называемый свальный грех, весьма обычный у русских и прочно вошедший в их обиход, признается чуть ли не за типично русское явление. Поэтому, дабы усилить возможность непонимания или неправильного понимания, должен добавить следующее.

Понятие экстаза мало кто рассматривает (если вообще рассматривает) иначе, чем узкопрактическое, прикладное состояние, являющееся результатом несложных манипуляций. Редко кто поднимается в своей мысли выше некоих весьма незначительных обобщений практики этого процесса на медицинской или технологической основе. Вот, например, припоминается, как после каждого исполнения моего (то есть ханинского.— **Прим. ред.**) сочинения «5 мельчайших оргазмов» для фортепиано и мелкого оркестра после аплодисментов и громких сомнительных требований «биса» подходили слушатели или присылались записки с довольно прикладным восторженным пониманием происходящего. Что-то вроде «желтенького экстаза». Но меня, в отличие от А. Н. Скрябина, это все нисколько не обижало, но и даже временами веселило. Впрочем, это все прозрачно и понятно. Ведь даже после «Поэмы экстаза» многие называли автора мелким певцом (чуть ли не бытового) сладострастия. Так в чем же тут дело?

А дело все, безусловно, в том, что Скрябин — подлинный теоретик. Теоретик и формалист во всех вопросах, не говоря уже о таком мелком прикладном вопросе, как экстаз. И я так надолго остановился на рассмотрении этой темы не только для того, чтобы оживить общее впечатление от статьи, но и потому, что этот вопрос гораздо крупнее видится с «той» стороны рампы, где слушают и читают, а не с той, где играют и пишут...

Возможно, что на основе замыслов Мистерии некоторые сделают вывод о необходимости скорее воссоздать в России дома терпимости (вот ведь тоже какой типично русский смысл в слове «дом», где одни терпят других, в противовес, скажем, легкому французскому «бордель»), чтобы не допустить гибели Вселенной, или еще что-то другое, до чего и мне уже не додуматься. А вот мой вывод из скрябинской Мистерии совершенно иной, какой же — говорить для пущей заманчивости, конечно, не буду, но надеюсь, лет этак через... узнаете и сами.

Скрябин не успел написать, вернее, сделать Мистерию, он успел только рассказать о ней в «Прометее» (или «Поэме Огня»). Припоминается в этой связи отрывок из скрябинского текста к «Поэме экстаза», описывающий некое предмистериальное состояние: «... и будут укусы пантер и гиен лишь лобзаньем сжигающим...»

Когда уже нужно было начать работу по Мистерии, никогда не болеющий Скрябин вдруг начал чувствовать себя все хуже и хуже. У него развивался иммунодефицит. Однако не вздрагивайте. Это не тот самый «Огонек» — Анти-СПИД». Здесь имеется в виду не приобретенный дефицит, а гораздо более распространенный внутренний. И наконец, когда в тамбуре поезда Ленинград — Москва он случайно сковырнул простой прыщик, фурункул на губе, у него сразу началось заражение крови, гнойный плеврит, и через неделю он скончался. Шел 1915 год. Скрябину было всего 43 года. Он родился в Рождество Христово, а умер на Пасху. Странное совпадение. Контракт на квартиру Скрябин заключил ровно по день своей смерти. Тоже ведь странное совпадение. За день до смерти врачи, пытаясь спасти его жизнь, сбрили ему усы. Как это все странно... И даже если у кого-то еще остается сомнение в осуществимости Мистерии как Вселенского акта, то никто не сможет возразить, что человечество потеряло величайшее из возможных произведений искусства.

Через пять лет после множества перенесенных болезней первая жена Скрябина, Вера Ивановна, стала поправляться. Она уже сидела в кресле, когда вдруг потеряла сознание и упала на пол. У нее сделалось воспаление мозга, и она вскоре умерла. А через полгода точно такой же смертью умерла и вторая жена Скрябина, Татьяна Федоровна. Она уже могла сидеть в кресле, когда вдруг, потеряв сознание, упала. Через несколько дней она скончалась от воспаления мозга. Возможно, кому-то здесь почудится повесть Даниила Хармса «Падающие старухи», а кто-то увидит в этом и мистическое указание. Я же решительно уклоняюсь от всяческих подозрений.

Помню, как-то мы с Александром Николаевичем разговорились за кружкой пива в «Праге». Это был какой-то совсем необычный для нас вечер, когда в порыве откровенности открывались новые горизонты, пласты в жизни и мысли. Много говорили о «Прометее», о Мистерии, о соответствии звука и цвета в его «Поэме Огня» (вот ведь где провозвестие нынешних убогих огней на дискотеках!). Но особенно запомнился мне тот момент, когда как-то случайно зашла речь о его жене, Татьяне Федоровне. Скрябин сказал: «А ведь я по-настоящему любил одну только Марусю, но зато Татьяна Федоровна умеет лучше меня держать в руках», — и усы немного приподнялись.

Великий формалист! Верша любовь Вселенскую, человеческой не обрящешь! Однако все же мена выгодная!

А я говорю ему: «Николаич, а почему женщины музыки писать не могут?»

А он мне и отвечает: «А почему мы с тобой детей рожать не можем, а?» И мы, весело смеясь и обнявшись, пошли прочь отсюда, куда-то вдаль, а куда — уже не помню.

Ю. ХАНИН
(в качестве апостографа)

Эта статья написана по нашей просьбе Кетлин Бертон Маррелл, автором нескольких книг по истории русской архитектуры, за более чем десять лет жизни в России ставшей знатоком Москвы.

САХАРНЫЕ КОРОЛИ

КЕТЛИН БЕРТОН МАРРЕЛЛ

...Из этого старинного особняка на Софийской набережной открывается лучший в Москве вид на дворцы и золотые купола Кремля. Мало кто знает, что в здании, где уже 60 лет располагается посольство Великобритании, когда-то хранилась одна из лучших в городе частных коллекций, кропотливо собранная в начале века двумя замечательными и сказочно богатыми знатоками — Павлом и Верой Харитоненко. Для них работали самые талантливые архитекторы и художники эпохи: Малявин, Репин и Серов писали их портреты, Щусев и Шехтель проектировали и отделывали их дома и церкви в Москве, Сумах, в их имении Натальевка под Харьковом. Харитоненко считались не только серьезными коллекционерами изобразительного искусства. Павел Иванович был директором Русского Музыкального Общества; по приглашению хозяйки в их московском доме давали концерты Александр Скрябин и Федор Шаляпин. Знамениты были блестящие вечера Харитоненко: дом украшали привезенными из Ниццы цветами, играл оркестр, в салонах собиралось до трехсот гостей — аристократы, актеры, художники, балерины... Маргарита Кирилловна Морозова утверждала в своих мемуарах, что балы в особняке Харитоненко были самыми великолепными в Москве. После революции Харитоненко, как и всем успешным предпринимателям царской России (быть может, только за исключением Третьяковых и Морозовых), суждено было «оказаться на свалке истории...».

Основу благосостояния семьи Харитоненко заложил Иван Герасимович, имевший лишь начальное образование. Он родился в 1820 году в казацкой деревне под Сумами в семье мелкого торговца, который вместе с охраной ездил верхом торговать в дикие районы Кавказа. Иван Герасимович поселился в небольшом городке Сумы и женился на дочери местного купца. Благодаря финансовой поддержке некоторых московских купцов он вместе с партнером Дмитрием Сухановым начал заниматься гастрономическим делом. Когда Иван Герасимович стал сахарным брокером у известных петербургских гастрономов Григория и Степана Елисеевых, производство сахарной свеклы в районе Харькова и Сум уже было хорошо налажено. С отменой крепостного права в 1861 году стали возможны покупка земли и наем свободных крестьян на трудоемкую обработку сахарной свеклы. Вскоре Харитоненко уже управляет большими землями в Харьковской и Курской губерниях, а к концу жизни становится одним из «королей» сахарной промышленности, производство которой с 1860 по 1886 год выросло в 18 раз.

В Сумах, где находились некоторые фабрики Ивана Харитоненко, он был легендарной фигурой. За свои труды Иван Герасимович получил титул действительного статского советника; император наградил его орденами Св. Владимира III степени и Св. Станислава I степени — исключительный случай для промышленника.

Благодаря Харитоненко Сумы быстро благоустроились. Иван Герасимович и его сын Павел превратили этот сонный провинциальный город в местный культурный центр. Население с 1898 по 1914 год увеличилось в два раза. Иван не только построил большую сахарообрабатывающую фабрику (названную в честь сына Павловской), но реальное и кадетское училища. Павел Иванович, исполняя желание отца, воздвиг Троицкую церковь, детскую больницу (названную в честь маленькой дочки Зинаиды, утонувшей в два года), имевшую современно оборудованную операционную, и школу для девочек из многодетных семей и сирот. Харитоненко заботились о девочках до их замужества, приглашали на лето в свои имения, следили за тем, чтобы те получали хорошую работу (многие из них становились учительницами).

Иван Герасимович, оставивший в 1891 году жене миллион рублей наличными, перед смертью обратился к семье с просьбой, чтобы они все любили друг друга и Сумы так же, как и он. В день его похорон объявили всеобщий траур, более 15 тысяч человек пришли почтить его память. Вокруг Троицкой церкви пришлось построить временные жилища, чтобы вместить всех, кто расположился там на первые 9 дней траура.

После смерти Ивана Герасимовича город решил воздвигнуть памятник своему благодетелю. Для этого требовалось вы-

сочайшее разрешение. В 1889 году был издан указ: «Мы, Николай Второй, в внимание к особо полезной деятельности его, Павла Харитоненко, на поприще отечественной промышленности и в воздаяние его заслуг Всемилостивейше соизволили возвести его в потомственное Российской империи дворянское достоинство». Только после того, как сын стал дворянином, царь дал согласие на сооружение памятника отцу. Разработку проекта Харитоненко заказали Александру Опекушину — автору московского памятника Пушкину. Саму фигуру сделал французский скульптор Аристид-Онесим Кройзи, чьи бюсты знаменитых французских деятелей до сих пор украшают улицы Парижа.

Сооруженный на общественные пожертвования, памятник стоял посреди главной городской площади. Однако в 1924 году его бесцеремонно заменили Лениным, поместившимся на том же внушительном мраморном пьедестале.

Со временем статую старшего Харитоненко расплавили на фабрике по ремонту сахарного оборудования, основанной его сыном. Правда, сначала рабочие отказывались это делать...

После смерти отца Павел Иванович Харитоненко (1853—1914) продолжал заниматься сахарным производством. Оборудование привозилось из Бирмингема. Открывались новые рынки, в том числе и за рубежом. Фирма Харитоненко почти эксклюзивно торговала сахаром с Персией, устраивала на всемирных выставках в Париже и Глазго в 1900 и 1901 годах собственные павильоны, которые проектировал Федор Шехтель.

Поколение Павла Ивановича и его семьи вело уже иной, более привилегированный образ жизни. Как и многие нувориши своего времени, они стали страстными коллекционерами и покровителями искусств. Павел вместе с женой Верой (урожденной Бакеевой) щедро помогал деньгами осуществлению различных художественных проектов. Не случайно именно Павел Иванович Харитоненко был избран первым председателем основанного в 1913 году в Москве Общества Друзей Румянцевского музея.

Строительство своего роскошного московского особняка Павел Иванович и Вера Александровна поручили в 1893 году малоизвестному архитектору Василию Залесскому, а разработку интерьеров — Федору Шехтелю. Это был один из самых ранних московских заказов, исполненных знаменитым архитектором-новатором. Шехтель закончил его в тот же год, когда приступил к работе над своим шедевром — особняком Саввы Морозова на Спиридоновке. Хотя Шехтель провел всего только год в Училище живописи, ваяния и зодчества, после окончания морозовского дворца он получил «право выполнять работы в соответствии с правилами гражданского и строительного отделов». К чести Харитоненко, у них достало интуиции пригласить Шехтеля дизайнером еще до того, как к архитектору пришло всероссийское признание.

Комнаты особняка в стиле французской готики, отделанные разными породами дерева, создавали немного гнетущую атмосферу. Средневековые символы — драконы, хищный орел, гномы, рыцари, фигуры которых исполнили лучшие ремесленники мебельной фабрики П. А. Шмита,— оживляли жутковатый холл и приемные. Полным контрастом им был бальный зал — белый с золотом, светлый и воздушный, с мощной люстрой и большими картинами Гюбера Робера. Соседняя комната с живописным плафоном, написанным французским художником Франсуа Фламенгом, использовалась под картинную галерею, собранную Харитоненко.

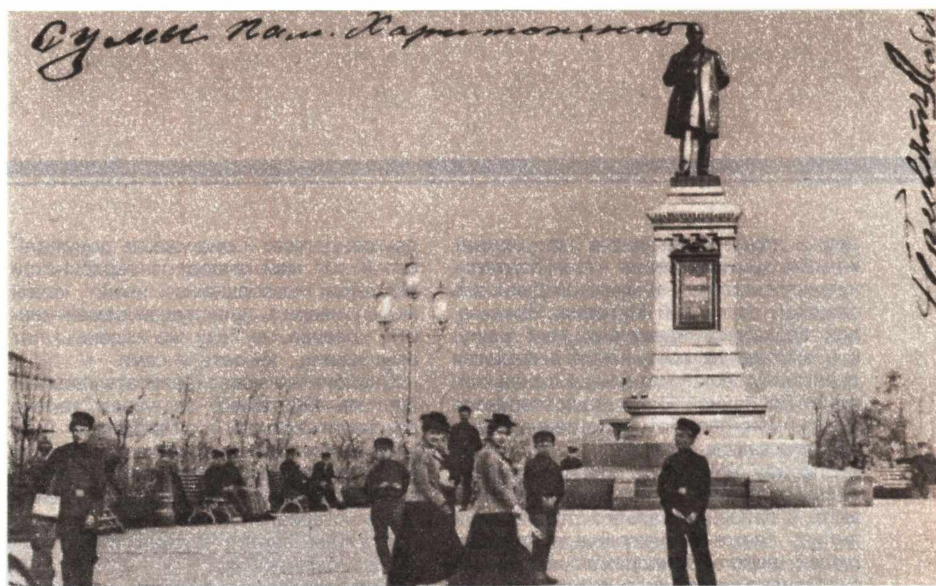
В отличие от Сергея Щукина и Ивана Морозова художественные вкусы Харитоненко не были столь смелыми. Они предпочитали жанровые картины романтиков конца XVIII — начала XIX века произведениям европейских импрессионистов и русских символистов. Когда после революции их коллекцию национализировали, в ней оказалось более 60 произведений западноевропейской школы, включая «Сенокос» и «Колокольню в Аржантейе» Камилла Коро, «Странствующих музыкантов» Гюбера Робера и скульптуры Мейсонье.

Харитоненко поздно начали собирать иконы, но со свойственной им энергией приобрели несколько выдающихся произведений XV—XVI веков, в основном новгородской школы, которые потом украшали очаровательный Храм Спасителя в Натальевке.

Но, несомненно, самой большой страстью Харитоненко было коллекционирование русской живописи. Они купили несколько картин, считающихся классикой в истории русского искусства. Пожалуй, наиболее знаменитая из них — «Неизвестная» Ивана Крамского — портрет дамы полусвета, который произвел фурор при первом своем появлении на выставке в Петербурге. В 90-х годах XIX века Харитоненко приобрел эту картину. Коллекция включала также значительные работы Поленова, Сурикова, Репина, Нестерова, Верещагина, Малявина, Айвазовского.

Павел Иванович, плативший большие деньги за собираемые им с такой любовью картины, был в близких отношениях со многими художниками, часто посещавшими его имение Натальевку и московский дом. В 1911 году художник и коллекционер Илья Остроухов приводил к Харитоненко гостившего в городе Анри Матисса — посмотреть иконы и зарисовать удивительный вид на Кремль, открывающийся с балкона особняка.

Мадам Мусина-Пушкина — последняя из рода Харитоненко — боялась, что Храм Спасителя в Натальевке разрушен. К счастью, он стоит. Более того, сегодня он окружен реставрационными лесами — Владимир Новгородов, Елена Мигулько и Василий Кортунов надеются восстановить храм в былом виде, ищут пропавшие иконы.



Памятник И. Г. Харитоненко в городе Сумы. Только в этом году знаменитую фамилию начали реабилитировать: стали появляться статьи в местной печати, идет кампания за восстановление статуи на прежнем месте, начатая архивариусом Людмилой Покидченко, историком Геннадием Петровым и редактором сумской «Панорамы» Николаем Чугаем.

Князь Сергей Щербатов, бывший частым гостем Харитоненко, вспоминал, как пренебрежительно смотрели на Павла Ивановича за его старомодный вкус те, чьи коллекции были более авангардными. И «хотя к его собранию живописи московские меценаты относились несколько свысока, искренней, интимной любви к картинам "для себя" в нем было больше, чем у них», вспоминал Щербатов.

Павел Иванович умер в 1914 году, перед началом первой мировой войны. Его вдова взяла на себя заботы о постоянно растущем производстве и управляла делами из Натальевки. Их сын Иван остался холостым, а две дочери — Наталья и Елена — вышли замуж: одна — за князя Горчакова, другая — за барона Олива. В 1918 году семья была вынуждена покинуть Россию, оставив все имущество новому режиму. Со смертью Ивана Павловича, покончившего с собой в Мюнхене в 1924 году, фамилия Харитоненко пресеклась. Вскоре после этого умерла и Вера Андреевна. Но ее внучка Вера Мусина-Пушкина, которой сейчас за 90 лет, живет в Париже — она и оказала мне помощь в восстановлении их семейной истории.

В начале 20-х годов все значительные произведения искусства были изъяты из московского дома Харитоненко. Ни намерению Музея изящных искусств, ни попытке Третьяковской галереи заполучить великолепный особняк в качестве своего филиала, дабы оставить собрание нетронутым, не суждено было осуществиться. Комиссариат иностранных дел забрал здание для «высокопоставленных» иностранных гостей. В 20-х годах в особняке жили английский писатель Герберт Уэллс, тюркский авантюрист Энвер Паша, король Афганистана, американская танцовщица Айседора Дункан... Заместитель наркома иностранных дел Максим Литвинов вместе со своими коллегами получил там квартиру, а в качестве обслуживающего персонала — старых слуг Харитоненко. Наконец, в 1930 году дом передали под представительство англичанам.

Имение Натальевка используется теперь как туберкулезный санаторий. Дома нет; наверное, он был разрушен во время второй мировой войны, но остались конюшня, школа верховой езды, где семья ставила спектакли для гостей, и несколько других зданий. Еще можно различить аллею из высоких деревьев, хотя она и сильно заросла, въездные ворота в стиле «модерн», спроектированные Щусевым, и другие, со старинными фигурами, что с обеих сторон охраняют вход в старый парк.

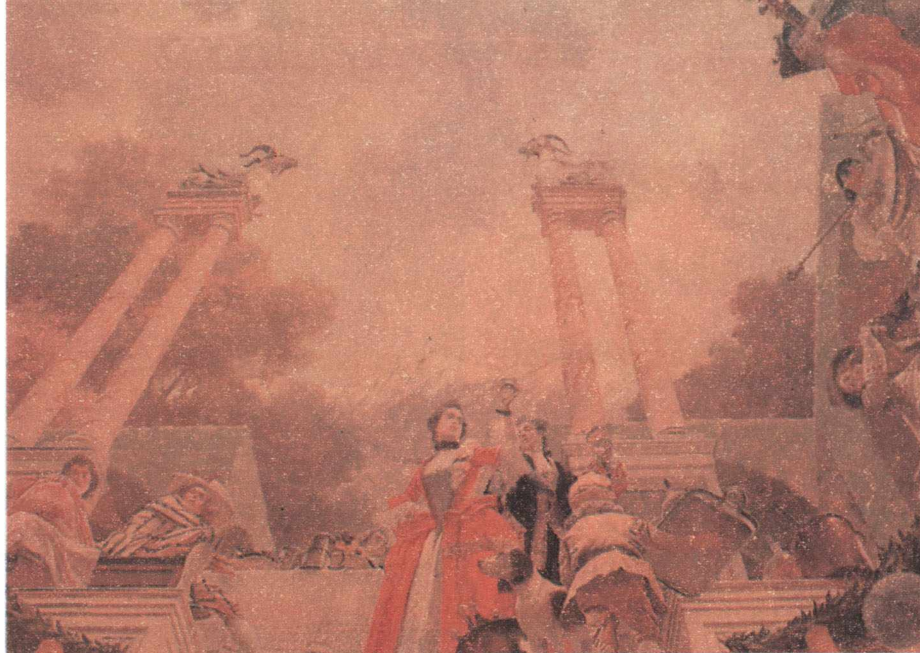
На Павла Ивановича в свое время произвела большое впечатление очаровательная романтическая церковь Марфо-Мариинской обители на Большой Ордынке, неподалеку от его московского дома. Михаил Нестеров, писавший в ней фрески, познакомил его с молодым архитектором Алексеем Щусевым, которому в то время была поручена разработка проекта Казанского вокзала. Щусев стал автором храма в Натальевке, строительство которого закончилось в 1913 году. Церковь, повторяющая формы русского средневекового зодчества, с разросшимся куполом и звонницей, теперь по праву считается уникальной архитектурной постройкой Харьковской области. Интерьеры церкви, расписанной петербургским художником Александром Савиновым, украшали бесценные иконы из коллекции Харитоненко. Ныне иконы утеряны, остались только фрагменты фресок. Над порталом сохранились лишь мозаика неизвестного художника с изображением Христа и изящная скульптура Сергея Коненкова «Христос на кресте».

Принадлежавшее Харитоненко собрание произведений искусства повторило судьбу других частных коллекций, национализированных Советским государством. В 1924—1925 годах русские картины попали в Третьяковскую галерею, а западноевропейские, через Румянцевский музей,— в Музей изящных искусств. Затем часть полотен перешла в Эрмитаж и Русский музей; некоторые работы оказались в провинциальных галереях. Но много прекрасных работ подобно милой пастели Леонида Пастернака (портрета внучек-близнецов) исчезло, и где они сейчас — неизвестно.

Имя Харитоненко не удалось вычеркнуть из русской истории. Портреты трех поколений этой фамилии, написанные выдающимися художниками того времени — Невревым, Серовым, Сомовым, Малявиным, Фламенгом,— можно увидеть в музеях и галереях Москвы, Петербурга, Казани и Харькова. Московский особняк по-прежнему стоит напротив Кремля, несмотря на неоднократные попытки выселить англичан и снести дом. Будем надеяться, что памятник Ивану Герасимовичу скоро вновь будет установлен на давно заждавшемся его пьедестале в Сумах, а в бывшем имении Натальевка после десятилетий упадка возродится очаровательный Храм Спасителя.

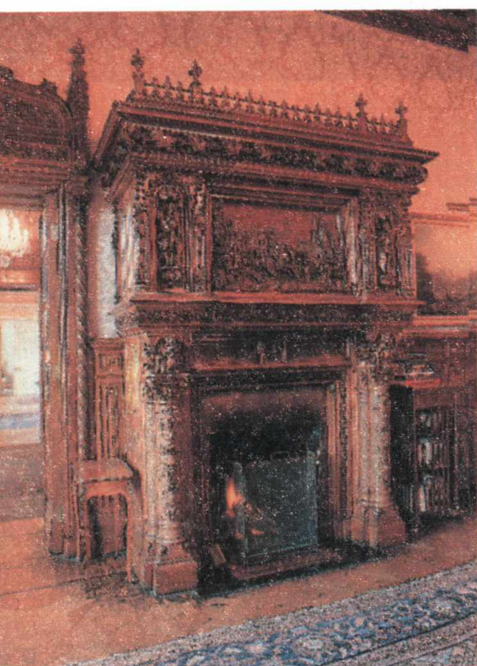
ОГОНЁК

ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ ХАРИТОНЕНКО



Франсуа ФЛАМЕНГ.
ПЛАФОН В ОСОБНЯКЕ ХАРИТОНЕНКО.

Франсуа ФЛАМЕНГ.
ПОРТРЕТ
ВЕРЫ ХАРИТОНЕНКО.
189**3**. Эрмитаж.



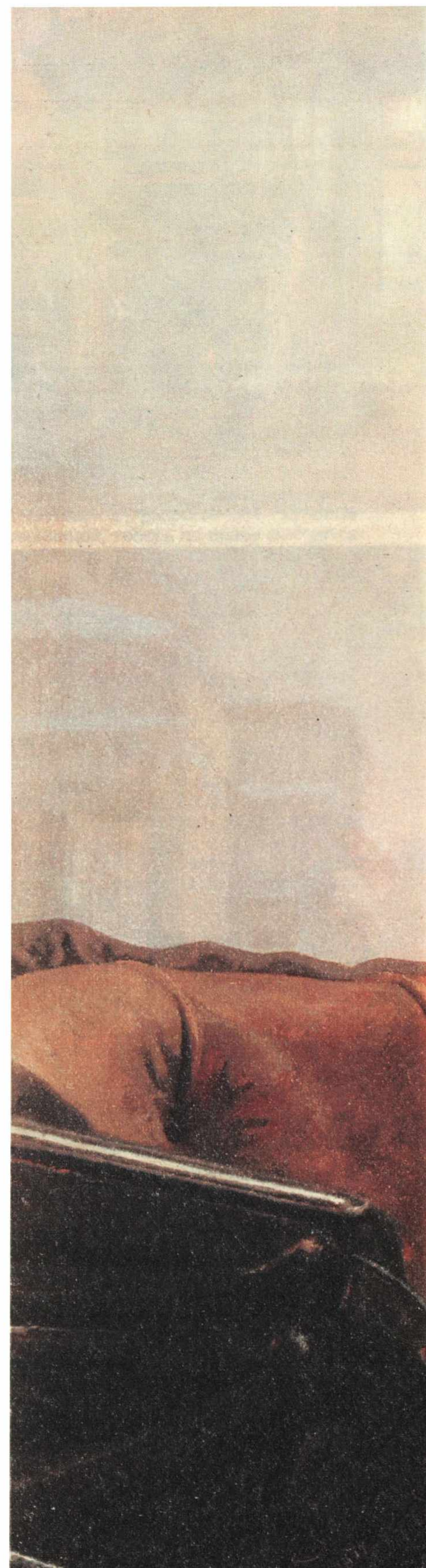
ИНТЕРЬЕРЫ БЫВШЕГО ДОМА ХАРИТОНЕНКО, НЫНЕ – ПОСОЛЬСТВА ВЕЛИКОБРИТАНИИ.
Фотографии сделаны с любезного разрешения леди Брейтвейт нашим корреспондентом Львом Шерстенниковым и Джоном Фрименом.

В. СЕРОВ.
ПОРТРЕТ
ПАВЛА ХАРИТОНЕНКО.
1901. ГТГ.

Ф. МАЛЯВИН.
ПОРТРЕТ
ПАВЛА И
ИВАНА ХАРИТОНЕНКО.
1911.
Харьковский
художественный музей.

Танцевальный зал
с полотном Гюбера Робера
«ПЕЙЗАЖ С ВОДОПАДОМ».

И. КРАМСКОЙ.
НЕИЗВЕСТНАЯ.
1883. ГТГ.
Из бывшего собрания
Харитоненко.



БОРИС, ДАЙ ХЛЕБА! —

ГОТОВЫ ВОТ-ВОТ ВОСКЛИКНУТЬ РОССИЯНЕ, ХОТЯ ЗАМЕТКИ НАШЕГО ОБОЗРЕВАТЕЛЯ, СОПРОВОЖДАВШЕГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б. Н. ЕЛЬЦИНА В ЕГО НЕДАВНЕЙ ПОЕЗДКЕ ПО ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКЕ ГЕРМАНИИ, ОСТАВЛЯЮТ НАДЕЖДУ, ЧТО С ПОМОЩЬЮ ЗАРУБЕЖНЫХ ПАРТНЕРОВ ВСЕ МОЖЕТ ИЗМЕНИТЬСЯ В ЛУЧШУЮ СТОРОНУ.

Александр БОЛОТИН,
специальный корреспондент «Огонька»

Опять Германия! Сколь помню себя, всю жизнь с нею воюю. Мое поколение помнит лаконичную по своей жестокости листовку с надписью-приказом «Убей немца!», и фильмы тех лет непременно ассоциируются у меня с Седьмой симфонией Шостаковича, с ее жутковатой стилистикой дробных аккордов, передающих надвигающуюся смерть и голодные послевоенные годы, когда проклятые реваншисты во главе с железным канцлером Аденауэром мешали строить советским людям светлое будущее, и в зрелую пору во время нечастых поездок в ГДР помнятся рассказы о зловещей Берлинской стене, на которой регулярно устраивали провокации беснующиеся неофашисты. Не раз передергивало от злости: за что же ты так нас ненавидишь, немец, перец, колбаса, чтоб ты ею подавился, и до каких пор пакостить нам намерен?

Впрочем, на ином витке история нашего государства напоминает растрепанную курсистку, которая села не в тот поезд и на каком-то верстовом столбе чухнулась, что едет не в ту сторону и что за окном города не те и веси иные, и вся политика, закрепленная в историческом сознании советских людей, — сплошной блеф, и вроде бы наши великие правители, столкнувшие полвека назад в смертельном бою миллионы своих соотечественников, вовсе не заклятые враги, в чем до сих пор было уверено мировое сообщество, а даже, наоборот, добрые корешки, и наш пахан оказался покруче того иxнего, победив не только германский милитаризм, но поставив на колени и свой народ, предполагая построить на его костях общество рабов и недоумков. Везло нам, прямо скажем, на кровожадных, арапистых и до смешного глупых вождей!

Конечно, в таком контексте любая фигура в галерее политических руководителей мало выигрывает, но как забыть, что Борис Николаевич Ельцин — первый Президент России, впервые избранный народом на первых свободных выборах, и то пристальное внимание, которое ему оказано не только внутри страны, но и за кордоном, объяснимо, ибо от наших вождей давно ничего путного не ожидают, возможно, для зарубежных наблюдателей Ельцин — последняя счастливая карта в долгой никчемной, проигрышной игре, последняя надежда, что к власти в России пришел Президент волевой и решительный, способный повернуть республику, в коей проживают 150 миллионов человек, на путь абсолютно новых политических, экономических и социальных реформ. И здесь грех не воскликнуть: да дай-то тебе Бог!

Ельцин прилетел в Бонн в четверг, 21 ноября, а двумя днями раньше я ехал из Франкфурта в столицу ФРГ, поезд стремительно проносился вдоль берега Рейна, и где-то под Кобленцем открылась бесподобная по красоте картина слетающих с холмов маленьких городков земли Рейнланд-Пфальц, яркие, пестрые краски домов сочетались в лучах уходящего солнца со сказочным рисунком легких облачков, нанизанных на купола островерхих кирок и древних замков. На этой земле добротно работают и добротно живут, и, глядя на окружающее меня благополучие, я не раз думал, что, как ни крути, немцам удалось без единого выстрела взять реванш за поражение во второй мировой войне, потому что сегодня как никогда трудно представить Германию поверженной, а нас победившими эту страну.

Фото ТАСС

И еще подумалось мне, что, как ни внушали нашему поколению неприязнь к Германии, как ни стращали ужасной коричневой чумой, в истории взаимоотношений двух стран есть светлые полосы, кроме кошмарных страниц первой и второй мировых войн, были долгие периоды взаимного понимания, мирного, добрососедского сотрудничества. На немецкой земле оставили след великие русские реформаторы Петр Первый и Михаил Ломоносов, свои произведения создавали в Баден-Бадене Иван Тургенев и в Мюнхене Василий Кандинский, хорошо знают здесь Бориса Пастернака, впервые переведшего «Фауста» на современный русский язык, и Марка Шагала, расписавшего знаменитые витражи в церквах Метца и Майнца. Стоит ли напоминать, что имена Бетховена и Баха так же популярны в России, как имена Чайковского и Глинки в Германии.

Хочется поверить, что сейчас в истории двух стран наступает новая эра сближения, понимания и дружбы, так на смену долгой холодной зиме приходит весна, и полпредом этой поры обновления явился российский Президент, совершающий свой первый официальный вояж на уровне государственных отношений в далекую и близкую Федеративную Республику Германию, роскошную и еще недавно недоступную, и если орбита сближения «заработает», то лучшего партнера по деловым связям и экономическому сотрудничеству вряд ли найдешь.

Грустно писать об этом, но Россия послала Ельцина в ФРГ, может быть, в самый критический момент своего существования, когда рухнувшая недавно коммунистическая империя грозится похоронить на своих обломках зарождающуюся свободу и демократию, когда экономический кризис достиг апогея, а гиперинфляция стала осязаемой реально. Кредит доверия Борису Николаевичу еще не иссяк, но каждый, в том числе, я уверен, и сам Президент, прекрасно понимает, что он не беспределен и если завтра не последуют конкретные меры, решительный поворот от разговоров к делу, то крах неизбежен и будущее великой нации непредсказуемо.

...Недавно я, как и когда-то Учитель, встретил старушку, нет, нет, не на перроне Финляндского вокзала, а в продовольственном магазине в Москве, на Плющихе, недалеко от Дома культуры «Каучук» и фабрики имени Тельмана, бывшей «Ливерс», где в основном обитает рабочий люд, коренное московское население, не удостоившееся счастья жить в грандиозных лимитных спальных районах, а доживающее свой век в старых коммуналках. Старушка с кошелкой стояла у пустых прилавков, и такая растерянность плескалась в ее глазах, что сердце защемило от боли за участь таких, как она, миллионов простых русских людей, которых жестокая государственная машина выплюнула за грань нормального человеческого существования, обрекая сегодня на голод и холод. Эта старушка в свое время немало натерпелась от Человека с ружьем и от эпохи индустриализации, наверняка присутствовал в ее биографии если не санбат, то эвакуационные черные сухари и была постоянная надежда на спокойную, мирную жизнь в достатке, которая так и не сбылась. Простят меня за резкие аналогии, но эта старушка напомнила мне всю Россию — ныне убогую и малоопрятную в своей нищете, готовую созвучно моменту национального потрясения на Руси заголосить гнусным речитативом юродивого: «Борис, дай хлеба...» Вот только где взять этот хлеб? Разве только здесь, на этой сытой германской земле.

Гоню от себя печальные мысли, стоя в толпе государственных чиновников, корреспондентов и охранников, собравшихся у парадного входа в Ведомство федерального канцлера в Бонне, естественно, настраиваюсь на торжественный лад, когда на зеленую лужайку въезжает кортеж машин и из огромного, старомодного и чопорного «пульман-мерседеса» с трехцветным российским флагом на капоте выходит глава администрации «Белого дома» (прошу в данном случае не путать Москву с Вашингтоном). Слава Богу, ритуал встречи проходит благополучно, если не считать, что собака одного из охранников громко загавкала в самый неподходящий момент, а с трибуны киношников, телевизионщиков и фотокорреспондентов, к которой подошел поздороваться Ельцин, раздался с ужасно корявым акцентом злобный вопрос: «Борис Николаевич, что вы ждете от Германии?» — явный намек на роль бедного родственника, которая якобы предопределена здесь гостю федерального канцлера. Впрочем, этот первый провокационный демарш наш Президент достойно игнорировал.

После беседы наедине с Хельмутом Колем, которая продолжалась несколько часов, Ельцин почувствовал себя заметно увереннее. Он с удовлетворением заявил, что удалось обсудить широкий круг вопросов, главное место среди которых заняли перспективы развития разносторонних связей между суверенной демократической Россией и объединенной Германией, в частности, отметив, что у него в характере личных отношений с господином федеральным канцлером существует определенная психологическая совместимость. Вечером на приеме во дворце Шаумбург — бывшей до недавнего времени резиденции канцлеров ФРГ — Борис Николаевич шутил, смеялся, рассказывал о своих поездках по России.

Невольно наблюдая за этими симпатичными здоровенными мужиками, я поймал себя на мысли, что пытаюсь представить, как выглядели они в нежном возрасте, скажем, в год начала Великой Отечественной войны. Не знаю, были ли в семье будущего кан-

цлера любвеобильные бабхен унд ледхен, спешащие проведать внука после воскресной мессы, но допускаю, что были радетельные фатти и мутти, поившие свое киндер горячим шоколадом с мейсенского фарфора в то время, когда будущий российский Президент в десятилетнем возрасте хлюпал простуженным носом на голодном Урале, где брони тогда было больше, чем ржаного хлеба, и уж доподлинно известно, что один тогда подался в комсомол, а другой — в гитлерюгенд. Ветры времени сгладили острые углы классовой непримиримости, давно сгинули с земли диктаторы, развязавшие войну, но определенные идеологические шрамы, возможно, остались. Только не надо, как говорится, путать Николая Васильевича Гоголя с Георгом Вильгельмовичем Гегелем — полезное, взаимовыгодное сотрудничество с ФРГ могут затормозить не узлы былых противоречий, но прежде всего наша великая российская расхлябанность, основанная на необязательности, неуважении к партнеру, мелкой жуликоватости, недальновидности и прочих мерзких штучках, от которых давно отказался цивилизованный мир.

Вспомнилось, как один банкир, владелец крупного полиграфического концерна, жаловался в разговоре со мной, что наши отечественные партнеры только за два года так называемого «тесного сотрудничества» умудрились «обуть» его на десять миллионов марок, причем считались деньги, не вытащенные из кармана, а миллионы, которые он благодаря нашим товарищам по бизнесу не смог заработать. Только такие преграды сдерживают пока расширение связей. Кстати, в парадном зале дворца Шаумбург, где Колю и Ельцину представляли гостей, одну из стен украшает гобелен с изображением библейской легенды о музе, добывающей воду из камня. В Германии научились делать деньги не только из камня, но и из воздуха, в то время когда мы не можем распорядиться благоразумно нефтью, газом, лесом, другими богатствами своей страны.

На следующее утро дисциплинированные боннские зеваки, как по команде, собрались на Рыночной площади, где возвышается знаменитая Ратуша, сооруженная в стиле рококо два с половиной века назад по проекту французского архитектора Левелли. Здесь Бориса Николаевича приветствовал местный хор мальчиков и девочек в национальных одеждах, исполнивший для высокого гостя задушевную мелодию на русском. К счастью, в Бонне и Кельне не только научились петь по-русски, но и начинают считаться с Россией, выступающей, как выразился обозреватель газеты «Ди Вельт», в качестве участницы международного сообщества, ослабленной, но уже реально существующей и имеющей будущее европейской державы. Говорилось также, что новая Россия родилась в результате эволюции человеческого духа, отторгающего сегодня логику насилия и борьбы с теми, кто думает и живет иначе. Передавая обер-бургомистру статуэтку Хозяйки медной горы, выполненную из селенита, Ельцин заметил, что этот уральский камень по народному поверью приносит удачу. Признаться, за немцев я спокоен, дела у них идут и так неплохо, но принесет ли счастливый камень удачу самому российскому Президенту в той сложнейшей миссии, с которой он приехал в ФРГ?

Жителей Бонна, собравшихся на площади перед Ратушей, ожидала еще одна пикантная подробность. Впервые в зарубежной официальной поездке Президент России показался на людях с супругой. Допускаю, что сей факт вызовет, как принято сейчас говорить, неадекватную реакцию, особенно в нашей стране. Возможно, где-нибудь в замордованной очередями и талонами российской глубинке какой-нибудь недостаточно оптимистично настроенный соотечественник в сердцах ударит кулаком по столу: «...и этот с бабой начал разъезжать»,— но могу свидетельствовать, что миловидная и крайне застенчивая Наина Иосифовна произвела на всех, в том числе на дипломатов и некоторых циничных в силу своей профессии журналистов, крайне благоприятное впечатление. Интересно, слезем мы когда-нибудь окончательно с дерева, научимся без раздражения воспринимать этикет, общепринятый в мировой цивилизации?

Встреча в Кельне в Промышленно-торговой палате с бизнесменами из ФРГ и России и выступление перед Восточным комитетом германской экономики в биржевом зале напоминали отчет о проделанной работе в духе наших недавних партийно-хозяйственных активов. Правда, здесь бабки подбивать было веселее, ибо в отличие от тех самых активов имелся кой-какой реальный конечный результат. Сейчас в России уже зарегистрировано около 250 совместных предприятий с участием фирм ФРГ. Флагманами торгово-экономического партнерства стали акционерное общество «Феррасталь», создающее у нас предприятие по обслуживанию прядильного и другого оборудования текстильной промышленности со стопроцентным германским капиталом, и фирма «Бурда моден», чья концепция развития совпадает с социальной программой российского правительства по смягчению остроты дефицита на рынке готовой одежды в республике.

Почти на всех встречах Ельцин повторял, что он приехал не просить денег в долг. Суть его переговоров состоит в том, чтобы по-настоящему открыть российскую экономику для иностранного предпринимательства, создать иностранным инвестициям в России наиболее благоприятный режим. Принятый недавно пакет указов Президента, постановлений правительства является принципиально важными и радикальными экономическими документами, призванными максимально либерализировать хозяйственное и внешнеэкономическое законодательство республики. В принципе решен вопрос о правовой защите иностранных инвестиций. Закон обеспечивает иностранцам право приобретать собственность и переводить за границу полученную прибыль. Разрабатывается положение о страховании капиталовложений в зарубежных страховых компаниях, что практически избавит иностранных инвесторов от любого риска, кроме собственного делового. Иностранные юридические лица получат право продавать социально значимые для населения России товары за рубли с последующим их инвестиционным использованием.

К чести Президента, он не уклонился от некоторых щекотливых тем, чем, безусловно, повысил свой рейтинг в среде деловых кругов ФРГ. В частности, было довольно заявлено следующее: «СССР оставил России в наследство вконец расстроенное хозяйство, разрушенную природу, нищенский уровень жизни граждан и огромные долги. Но это наше наследство. Мы его приняли. И, как бы ни было трудно, будем соответственно действовать. Я гарантирую, осень семнадцатого года во взаимоотношениях с нашими кредиторами не повторится никогда. Ни один кредитор не потеряет своих капиталов. В случае, если республики не сумеют договориться, Россия будет готова взять на себя значительную часть долгов Союза».

Тем не менее придирчивая пресса ФРГ довольно ядовито фиксировала каждый просчет Бориса Николаевича. Отдельные заявления Президента России, утверждала газета «Генераль Анцайгер», вызывают раздражение в Ведомстве федерального канцлера. Это касается прежде всего противоречий в высказываниях относительно создания Республики немцев Поволжья. Сначала Б. Н. Ельцин говорил о невозможности возвращения немцев на их прежнюю родину на Волге, затем акценты в его речах изменились, и он начал заверять Федеральное правительство, что сделает все для поэтапного воссоздания Республики немцев Поволжья в РСФСР. Впрочем, подобная нервозность объяснима. Широкая эмиграция советских немцев в ФРГ продолжается. Только в нынешнем году выехали 110 тысяч человек.

«Прокололся» слегка Борис Николаевич, как считает печать, и в своих высказываниях относительно Хонеккера, сделанных, кстати, по решительному настоянию Коля после подписания Совместного заявления. Газеты довольно дружно накинулись на Б. Н. Ельцина за то, что он якобы упомянул, что М. С. Горбачев теряет власть, а к традициям немецкой дипломатии относится правило не говорить за границей неуважительно о своем политическом сопернике. Мне же представляется, что ситуация была несколько искусственно драматизирована. Понятно, что Б. Н. Ельцин хотел уйти от рассмотрения проблемы, к которой не имел непосредственного отношения, скинув этот вопрос на М. С. Горбачева, но это уже скорее наши внутренние дела, в которых два президента разберутся без посторонней помощи. Тем не менее немцы выудили у Бориса Николаевича обещание, что Хонеккер на территории России не останется.

Гораздо более серьезно, на мой взгляд, обвинение руководства России в неумении решать сложные национальные проблемы, в частности, беспомощность в отношении событий на Кавказе. Здесь трудно что-либо возразить, хотя представляется, что немцы излишне категоричны, забывая примеры из собственной истории. Длившееся столетиями, вплоть до начала девятнадцатого века, территориальное расщепление Германии в сотни государств и подобных им образований тоже проходило не совсем безболезненно. Но именно этот процесс предопределил германский федерализм, сохраняющий многообразие в единстве, предотвращающий чрезмерную власть государства и без которого немыслима современная Германия.

Впрочем, когда ругают чужие — это полбеды. Свои кусают больнее. Не хотел бы применять приемы некоторых бывших коммунистических газет, которые сейчас со сладострастием смакуют не только трудности народа, но и любые промашки нового российского правительства, тем не менее оставляю за собой право утверждать, что определенные просчеты Президента следует отнести за счет его окружения. Когда говорят о командах Горбачева и Ельцина, нередко употребляют сравнение с трубой, которая якобы пониже и дым от нее пожиже. Журналисты, сопровождавшие Б. Н. Ельцина по ФРГ, мягко говоря, не были избалованы вниманием службы, громко именующей себя Пресс-секретариатом Президента РСФСР. Ну, к этому нам, как говорится, еще по застойным временам, не привыкать. Труднее объяснить чванство и высокомерие некоторых представителей самого демократического руководства. Чуткие на злых и добрых начальников журналисты дружно возненавидели одного из командующих Протоколом, который, казалось, вот-вот лопнет от переполнявшей его значимости. Даже наш придворный тассовский фотограф, наглый, чего греха таить, как танк, склепанный из рурской брони, и развязный, словно вышибала в дорогостоящем гамбургском борделе, показался по сравнению с ним застенчивым младшекурсником. Впрочем, это дело самого Президента разбираться, какие помощники поднимают его статус, а какие, наоборот...

Пышную встречу Ельцину устроила столица земли Баден-Вюртемберг Штутгарт. Можно побалагурить, что Борис Николаевич въехал на белом коне в город черного коня, ибо его название происходит от находившейся здесь в середине десятого века конюшни («штутгартен») герцога Лиутольфа, о чем напоминает герб города с изображением скакуна на золотом фоне. Сейчас это столица более быстрых коней. В Штутгарте базируется Правление всемирно известного концерна «Даймлер-Бенц», в систему которого входит фирма «Мерседес-Бенц». Уже издалека виден строгий ансамбль четко спланированных зданий, как бы олицетворяющий знаменитое немецкое слово Ordnung — порядок, над которым мы всю жизнь потешались и которого нам сегодня так не хватает.

Здесь у Бориса Николаевича тоже была большая программа переговоров. В короткой речи перед журналистами он сказал, что сейчас в планах конверсии в различных областях России освобождаются большие производственные мощности, в частности, сокращается производство танков, и по готовым технологиям, которые готовы представить местные промышленники, можно быстро наладить выпуск сельскохозяйственных машин многоцелевого назначения, предназначенных прежде всего для фермерских хозяйств. Перед зданием Правления была выставлена новая техника, ориентированная на поставку по различным сделкам в Россию. Это мобильные экскаваторы и разбрасыватели удобрений, малотоннажные автомобили, микроавтобусы, фургоны «скорой помощи». В будущем году в Голицыне, под Москвой, начнется выпуск городских автобусов экстра-класса фирмы «Мерседес-Бенц». В этих современных машинах все учтено, все предусмотрено — точность, надежность, комфорт, безукоризненный дизайн. И все-таки главное пока — пережить зиму. В Штутгарте был встречен с пониманием проект, подготовленный главой администрации Екатеринбургской области Эдуардом Росселем (кстати, немцем по национальности), о передаче с уральских заводов 4 миллиардов тонн промышленных отходов в обмен на продукты питания. С помощью нашей военно-транспортной авиации это продовольствие будет быстро переправляться в различные регионы России.

А накануне вечером был шикарный прием в старом замке Штутгарта, знаменитом тем, что в одной из его угловых башен находятся королевские сокровища, в том числе корона последнего вюртембергского короля Вильгельма II. К парадному подъезду замка кортеж машин проследовал через живой коридор людей с горящими факелами в руках. В залитых яркими огнями залах мелькало много фраков и вечерних платьев, хотя моими соседями за столом оказались крепкие, основательные мужчины в добротных, но не раздражающих глаз костюмах. «Здесь собрались самые богатые люди Германии»,— шепнул мне переводчик, местный клерк, хорошо знакомый с бытом и нравами подобных застолий.

Меню, составленное для ужина в честь Их Превосходительств Президента России Бориса Николаевича Ельцина и его супруги Наины Иосифовны Ельциной, было великолепно. Сначала подали паштет из рыб Боденского озера с полевым салатом, затем последовала телячья вырезка с подливкой из белых грибов и рулет с капустой и с хлебными битками по-австрийски. На десерт порадовали сбитым винным кремом с пряностями и кофе-мокко. А какие вина разносили официанты в белых перчатках: белое сухое рислинг кабинет 1990 года марки «Варнхальтер Штайнгрюблер» с серебряной медалью, красное сухое троллингер марки «Гросботварер Харцберг» и шампанское винного завода «Кэсслер» специального розлива для статс-министерства земли Баден-Вюртемберг.

...Признаться, отведал я одного блюда и другого и пил вино из высоких бокалов, а перед глазами почему-то все время стояла растерянная старушка с пустой кошелкой, встреченная недавно в магазине на Плющихе, возле Дома культуры завода «Каучук» и фабрики имени Тельмана, бывшей «Ливерс», где живет простой московский люд, вроде бы победивший в великой войне и вроде бы оставшийся побежденным.

Не спешите на биржи – ведь у вас есть ШАНС!

В течение суток совместное советско–германское предприятие «Шанс» поставит самую надежную технику (с гарантией):

- компьютеры типа IBM PC/AT (США) **990$**
- цветные 24–игольчатые принтеры ALPS ALQ–300i (США) **450$**
- 9–игольчатые принтеры STAR LC–15/NX–1500 (Япония) **295$**
- телефаксы AUDIOVOX AFX–2000 и EFAX–110 (Корея) **450$**
- кассеты для стриммера 150Мб **28$**
- телевизоры WALTHAM (диагональ – 54 см, трубка SAMSUNG) **295$**
- копировальные аппараты CANON FC–2 **690$**
- ленты к различным типам принтеров **7$**
- клавиатуры AT/XT **40$**
- паяльные станции WELLER DS–701EC **1900$**
- установки для разводки и фрезерования печатных плат CMD–2 **49000$**

Тел.:(095)–334–24–70, 334–80–83.

Предлагает продукцию зарубежных фирм:

- бытовую технику
- теле– , радиоаппаратуру
- одежду и обувь в широком ассортименте

(образцы выставлены в павильоне «Советские профсоюзы» ВДНХ СССР)

Тел.: (095)–289–34–53, 289–83–00.

Обеспечит стандартным и специальным режущим инструментом из быстрорежущей стали, твердых сплавов и сверхтвердых материалов для обработки черных и цветных металлов, пластмасс и древесины.

Разработает и внедрит «под ключ» техпроцессы механической обработки.

Тел.: (095)–270–90–13, 270–90–16.

Купит металлы и сплавы:

– аллюминий – медь – титан – никель – магний – нержавеющую сталь – редкоземельные металлы

Тел.:(095)–333–94–74.

117342 Москва, ул.Бутлерова, 24б.
Факс: (095)–334–25–60.
Телекс: 414707 TRUMP SU.

НЕ УПУСТИТЕ СВОЙ ШАНС!

Светская хроника

«ВАС ЖДЕТ УДАЧА», —

гласит «письмо счастья», инструкция фатальной игры, присланная в «Огонек» корреспондентом «Ньюсуик» в СССР. Написанное в Нидерландах, письмо обошло весь свет по меньшей мере 20 раз, якобы принося счастье всякому, кто продлевает его путь. «Того, кто нарушит цепочку, ждет беда»,— гарантирует при этом жутковатое послание, кочующее по Штатам среди журналистов, издателей и юристов. Очень немногие, прочитав такую инструкцию, уклоняются от назойливой «вербовки». А нужен-то пустяк — разослать 5 копий текста друзьям, и тогда через четыре дня на вас обрушится счастье. А не разошлете — худо будет...

Пйтер Оснес, издатель из «Рэндом Хаус» в Нью-Йорке, «осчастливил» своих знакомых пятью копиями такого письма и четыре дня спустя осуществил издание трех книг кряду. А когда Стэн Крок, один из редакторов «Бизнес Уик», потешаясь над суеверностью своих коллег, выкинул судьбоносное послание, то через четыре дня он огреб крупные неприятности по службе.

Среди звеньев цепочки распространителей нидерландского листка есть всемирно известные люди. Например, Саддам Хусейн, Арт Бухвальд.

«Вот какой чепухой занимается свободная пресса»,— однозначно оценивает эту кругосветную переписку корреспондент «Ньюсуик» в СССР в своем письме, адресованном «Огоньку». Кстати, аналогичные письма с заветной инструкцией он направил еще по четырем адресам: в «Известия», «Час пик», «Коммерсантъ» и «Литературную газету».

НО СКОЛЬКО В НИХ ПЕЧАТИ БЛАГОРОДСТВА

Воры последнее время фантастически благородны. Во время международного фестиваля «Дни Моцарта», проходившего в Харькове, «серебряная флейта» Франции Алан Дабонкур однажды недосчитался в гостиничном номере предметов своего туалета. Джентльмены, побывавшие в его комнатах и удалившиеся по-английски, не тронули дорогостоящий инструмент музыканта, а всего-навсего взяли одежду Дабонкура. Вероятно, на память о гастролях звезды.

Другие неизвестные любители прекрасного, дождавшись открытия в Харькове оперного театра, строившегося более двадцати лет, на радостях унесли из фойе картину местной художницы Н. Кострицкой. Не было ли это делом рук фанатов ее кисти? А чуть раньше из того же, закрытого еще театра стянули старинный колокол весом в 1000 килограммов. Нашедшему украденное обещали по телевидению приличную награду, которая никого не соблазнила: колокол подобрали прихожане Покровского собора на пустыре и передали во владение храма.

СТАВКИ СДЕЛАНЫ...

«Гала-рекордз» знаменита не только тем, что это первая в Союзе независимая компания звукозаписи, но и как учредитель двух крайне престижных призов. Исполнитель, чей диск разойдется полумиллионным тиражом, станет обладателем «Золотой пластинки», а тот, чей диск будет раскуплен миллионом поклонников, удостоится «Платиновой». Говорят, что первый претендент на награду — группа «Комбинация» (что неудивительно — поклонников им не занимать). Второй альбом этого «девичника» под названием «Московская прописка» уже перевалил за стотысячный рубеж.

Примечательна студия «Гала-рекордз» и тем, что не боится вкладывать деньги в начинающих. Вице-президент фирмы Б. Цигман и исполнительный директор С. Кузнецов рассказали, что в начале следующего года меломанов ждет сюрприз — первый альбом очень молодой и, по мнению профессионалов, очень перспективной певицы Юлии Тсомиади. Свое чутье «Гала-рекордз» доказала, приобретя исключительное право на организацию концертов групп «Сектор Газа», «Кар-Мэн» и других.

ТЕАТРАЛЬНЫЕ ВЕСТИ

Минский альтернативный театр «отпрезентовал» по случаю разрушения забора, заслонявшего от света белого помещение театра. Раньше адрес храма альтернативной Мельпомены звучал примерно так: «Остановка такая-то, потом вдоль забора, потом через лужу, а там увидите...» Теперь осталось только «остановка и через лужу».

СУММА НЕ МЕНЯЕТСЯ

В нынешнем году Литва распростилась навеки с 537 жителями. Если верить статистике, среди них было 249 евреев, 73 русских, 63 литовца, 90 поляков, 8 белорусов, 20 немцев, 10 украинцев et cetera.

Однако утрата быстро восполнилась новыми литовскими гражданами: 110 русскими, 45 поляками, 25 литовцами, 28 украинцами, 5 белорусами, 3 немцами et cetera.

Как нас учили в школе, от перемены мест слагаемых...

ГДЕ ПОСЕЛЯТСЯ НОВОБРАЧНЫЕ?

Любители спорта взволнованы. Ванда Литинская, известная советская теннисистка, идет под венец. Кому отныне будут принадлежать ее рука и сердце, загадка даже для близких друзей Ванды. Однако журналисты, имея свои, надежные источники информации, установили: суженый Литинской — бывший советский футболист, играющий теперь в составе американской футбольной команды. По какую сторону границы молодые будут «лупить по мячу» — вот вопрос, беспокоящий их болельщиков.

ИСКРЕННЕ ВАШ

Однажды Леонид Кравчук, встретившись с черниговцами, услышал из зала крик чьей-то души: «Две бутылки водки на квартал — так жить нельзя!» Кравчук покачал головой и честно признался, что лично ему такой дозы маловато будет. Чем обнадежил собравшихся.

Леонид Макарович, Украина глядит на вас своими черными очами, вопрошая, а не «добавите» ли вы третью квартальную поллитровку, войдя в положение трудящихся масс? Если «добавите», то народ, вне сомнений, будет искренне ваш.

МИЛОСТИ ПРОСИМ, ТОВАРИЩ ПРЕЗИДЕНТ!

Как-то раз, выступая по ЦТ, М. С. Горбачев поинтересовался у зрителей, что ему делать, если Украина покинет состав Союза: отец у него родом из Воронежа, а мать из Чернигова. Вопрос, наверное, должен был прозвучать риторически. Однако его услышали участники областного форума интеллигенции Черниговщины «Украина: государственная независимость и культура» и откликнулись. Они пообещали предоставить Президенту развалившегося СССР дом. Не Зимний дворец, конечно, но все же соответствующие сану Горбачева апартаменты. И хотя коммунисты на Украине объявлены вне закона, земляки-черниговцы готовы сделать для «прощального» генсека исключение и всячески заботиться о нем.

ПРИНЮХАЙТЕСЬ К ЭТОЙ КНИЖКЕ

Германская фирма «Электроника и литература Эрфурта» приобрела у японцев лицензию на издание звучащих и пахнущих книг. Заинтересовавшись триллером дальневосточного писателя Изуми Кавашима «Охота на мир», немцы использовали японскую технологию, «оживляющую» по мере развития сюжета каждую страницу литературного произведения. Книга заключает в себе крохотных размеров электронную аппаратуру, дающую читателю возможность услышать выстрелы, визг автомобильных тормозов, птичьи трели — все как по писаному. Когда же герои триллера злоупотребляют курением наркотиков, книголюбы отчетливо улавливают соответствующий запах.

СТАРОСВЕТСКИЕ ПОМЕЩИКИ

В Житомире с начала сего года враждуют между собой два параллельно существующих дворянских собрания. Предводитель первого из них — Олег Гамбердиев, журналист и продолжатель рода баронов фон Ган. Потомки господ Мамонтовых, Дроздовских, Ковалевских и Зиновьевых, объединившись в самостоятельный лагерь, называют «гамбердиевцев» не иначе как самозванцами и порицают их за стремление отчленить Украину от России. Кстати, они сочли возможным обратиться к Б. Ельцину с просьбой вернуть поместья, которыми владели их родители до 1917 года: Зиновьевым — 1,4 тысячи гектаров, Дроздовским — 3,1 тысячи гектаров и Ковалевским — 12,3 тысячи гектаров земель.

«ЯСНОСЛЫШАЩАЯ» ИЗ ЗАПОРОЖЬЯ

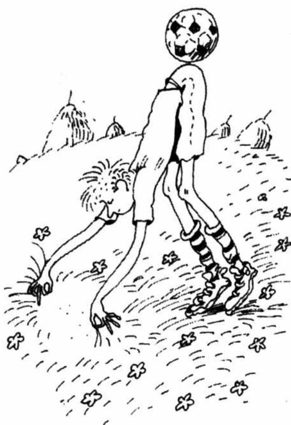
Спустя три недели после гибели Виктора Цоя дух певца стал являться Ларисе Джигутановой, тридцатилетнему оператору Запорожского главпочтамта. После шести вечера, регулярно по пятницам, Лариса явственно слышит голос Цоя, диктующий ноты и тексты песен, которые она лишь изредка редактирует. Почему дух молодежного кумира обратился именно к Джигутановой, молодая дама, по ее собственному признанию, знает, но желает сохранить это в тайне.

Действительно ли предъявляемые почтовой служащей песни — творчество Цоя, специалисты со временем разберутся. А пока записанное «яснослышащей» исполняет местная самодеятельная группа «Мы».

КРЕСТА НА НЕМ НЕТ!

Йожефа Сабо, играющего тренера команды ветеранов киевского «Динамо», постигла неудача. Несмотря на победу динамовцев над командой кировоградского «Рубина», в тот день Йожеф покинул поле с видом потерпевшего поражение. Дело в том, что во время игры прославленный полузащитник потерял унаследованный от родителей серебряный крестик, который всегда носил. Кировоградские болельщики «Динамо» не вынесли горя, постигшего их любимого игрока, и в количестве нескольких сот человек подобно саперам пядь за пядью «прощупали» поле после матча. Крестик был найден и возвращен растроганному владельцу.

До сих пор мир не без добрых людей!



ЛУЧШЕЕ — ДЕТЯМ

Стас Намин, шеф музыкальной корпорации «SNC», регулярно, раз в неделю, появляется на факультете журналистики МГУ. Говорят, что его занятия с первокурсниками — это реализация одного из пунктов плана создания отечественного аналога «MTV». На будущий год телекомпании Намина предоставляется 300 часов эфирного времени на союзном и российском каналах. Со временем вещание должно стать круглосуточным. Стас Намин, по его собственному утверждению, собирается развивать подрастающее поколение, воспитывать, начиная с ясельного возраста, у детишек вкус к хорошей музыке.

КУЗНИЦА КАДРОВ

В Казани открылся «Салон благородных девиц». Как заявили его устроители, одна из главных целей салона — помочь девицам выжить в «условиях, когда ничего и нигде нет». Пятьдесят нежных и юных созданий в возрасте от двенадцати до шестнадцати лет в течение семи месяцев три раза в неделю будут изучать хореографию, парикмахерское дело, домоводство, классический массаж, этикет светского общества. Стоит это удовольствие пятьдесят рублей в месяц. Дипломов не предусмотрено — если девица станет благородной, это и так будет видно...

О МОДАХ И ШЛЯПАХ

На прошлой неделе состоялась презентация журнала «Московский стиль» — журнала мод, и не только мод, но и всяческой информации для лучшей половины человечества. Правда, пока журнал не выходит, выходит только приложение в виде газеты, но редколлегия полна оптимизма. Основала журнал и стала его главным редактором модельер Лидия Орлова, некогда со скандалом расставшаяся с одним из Домов моделей.

На пресс-конференции наибольшую активность проявил... Вячеслав Зайцев, как всегда элегантно-экстравагантный, с бордовым шарфом через плечо. Все вопросы за всех журналистов задал он. Все остальные, чувствуется, пришли не болтать, а смотреть. Посмотреть, надо сказать, было на что — изобилие прекрасных манекенщиц и, конечно, показ моделей. Привезли свои модели художники из Риги, Таллинна, Кишинева, показали и московские коллекции. Приятным сюрпризом было охлажденное шампанское, которое предложили гостям невероятно вежливые и аккуратные официанты.

Выпуск подготовили Вера Лаврешина, Юлия Сударенко, Светлана Бабыкина. Им помогали Сергей Калинин, Эрик Шур, Сергей Сергеев, Юлия Масленникова, Елена Ромейкова и другие.

Использованы материалы информационного агентства «Евро-Икс». Рисовала Евгения Двоскина. Фото Игоря Яковлева.

РВИТЕ РУКАМИ

В столичном Доме кино имело место открытие выставки Аркадия Петрова. Нет-нет да и вспомнится всем присутствовавшим оркестр КГБ или роскошный стол. Вспоминают поросят, картошку в мундирах, квашеную капусту и прочее, преградившее многим наблюдателям путь к творчеству живописца. Наш корреспондент, внеся посильный вклад, отметил: на столе отсутствовали вилки и ножи, а вся пища была целиком «а-ля натюрель». В результате чего наш корреспондент весь измазался.

ЛЯГУШКИ К УЖИНУ

Французские гурманы обожают лягушачьи лапки. И дам. Что, как оказалось, взаимосвязано. В лапках земноводных обнаружен кантаридин — субстанция, стимулирующая сексуальную активность. Открытие принадлежит американскому ученому Т. Эйснеру, который таким образом определил, почему женщины без ума именно от французов.

Следует делать выводы. Глупо толпиться за едой в гастрономах нашим гурманам и бонвиванам. Полезней было б переключиться на ловлю лягушек к ужину. Жаль, что теперь не сезон для такой охоты. А надо бы заткнуть французов за пояс.

Будем благодарны вам за информацию о сенсациях, интересных фактах, событиях. Ее можно сообщить по телефону 212-23-07.

ПУСТЫЕ ХЛОПОТЫ В КАЗЕННЫХ ДОМАХ

(ОПЫТ НЕУДАВШЕГОСЯ ЖУРНАЛИСТСКОГО РАССЛЕДОВАНИЯ)

Константин СМИРНОВ

В блаженные годы застоя сплошь и рядом бывали случаи, когда работа репортера заканчивалась, практически не начавшись. Достаточно было одного звонка от заинтересованного в провале лица, и тема закрывалась. Нынче, кажется, другие времена на дворе. Но это только кажется. Три месяца я штурмовал «министерства и ведомства», пытаясь разыскать Эриха Хонеккера. Увы, перипетии этого провального мероприятия не дают мне покоя. И я с горечью понимаю, что коснувшиеся нас перемены лишь скользнули по поверхности репортерского труда. Мы по-прежнему бессильны...

Загадка, которую не нам, современникам, разгадать: для чего Германии дано наказать своих злодеев, а России — не дано? Что ж за гибельный будет путь у нас, если не дано нам очиститься от этой скверны, гниющей в нашем теле? Чему же сможет Россия научить мир?
Александр СОЛЖЕНИЦЫН
«Архипелаг ГУЛАГ».

На фоне происходящих в нашем Отечестве бурных политических процессов ситуация вокруг бывшего лидера бывшей Германской Демократической Республики Эриха Хонеккера должна была бы потеряться: когда решаются судьбы миллионов, единичная человеческая жизнь растворяется в этом океане страстей. Тем не менее и у нас, и на Западе фигуре Хонеккера уделяется весьма серьезное внимание. То и дело на газетных страницах проскальзывают сообщения либо о его намерениях, либо о намерениях по отношению к нему...

Однако же сам Хонеккер — молчит. Он молчалив и недостижим, как Будда; только однажды он нарушил свой обет молчания, проговорив семь часов кряду перед объективами тележурналистов из Гессена. Между тем, находясь в России, он не подпустил к себе ни единого нашего журналиста. В том числе и автора этих строк.

Случилось это теплым днем на исходе августа. Что уж дернуло меня за язык — Бог знает, но только я запальчиво объявил, что берусь взять интервью у Эриха Хонеккера. Лучше бы мне было тихо отойти в сторону и смолчать, ибо вся цепь последовавших событий подтвердила мудрость пословицы «Не суйся в воду, не зная броду».

В оправдание себе скажу, что незадолго до этого черного дня один из моих приятелей, по его словам, видел бывшего наместника Восточной Германии в момент прогулки по подмосковному лесу. Приятель этот до 24 августа 1991 года проживал в скромном дачном поселке за высоким зеленым забором на Рублево-Успенском шоссе, охраняемом комендантом и двумя милиционерами. Попасть за заветный забор, где привольно расположились несколько десятков уютных двухэтажных домиков с необходимым штатом обслуги, можно было только по звонку обитателей особняков в комендатуру. И тогда улыбчивый милиционер нажатием кнопки растворял для вас ворота, и вы допускались в этот заповедник, где свободно бродили на вольном воздухе бывшие партийные и государственные «зубры», а также члены их семейств. Там-то якобы и узрел мой знакомый до боли знакомое лицо.

Поскольку я располагал справочным телефоном заповедника, интервью казалось мне делом техники и вопросом дня, стоило лишь набрать семь цифр, осведомиться о номере разыскиваемого и договориться с ним о встрече. Однако на мой вопрос комендант ответил, что ни Хонеккера, ни Ульбрихта, ни даже Карла Маркса с Фридрихом Энгельсом на вверенной ему территории нет и вроде не было, да и вообще за несколько дней до моего звонка к нему явились «новые», как он сказал, власти и «заповедник» прикрыли: прежних обитателей «попросили», домики опечатали...

Итак, первый, самый легкий путь оборвался, едва начавшись. Но эта неудача нисколько не охладила профессионального пыла. Наоборот, я посчитал, что, поскольку переменой участи обитателей поселка распорядились, по выражению коменданта, «новые», то есть российские, власти, задача моя нисколько не усложнилась. Нужно только выяснить, кто теперь занимается судьбой Эриха Хонеккера. Сказано — сделано.

* * *

Среди множества типов телефонных аппаратов, которыми располагает человечество, один, несомненно, представляет собой особо выдающееся достижение технической мысли. Я говорю о массивном белом телефоне с хромированным советским гербом в центре наборного диска. В просторечии эта конструкция называется «вертушкой», и счастлив тот, кто имеет на своем столе среди множества других коммуникационных систем эту бесценную вещь. Прилагаемая к аппарату коричневая книжечка содержит полный список обладателей этих телефонов с номерами, фамилиями и именами-отчествами. Стало быть, если у вас есть «вертушка», вы имеете потенциальную возможность поговорить с начальником любого ранга, вплоть до Горбачева и Ельцина, и в считанные секунды получить ответ на свой вопрос, минуя секретарей и помощников, зорко оберегающих своих патронов.

По счастью, в нашей редакции есть такой аппарат. К нему-то я и направился, решив начать свои поиски с организации наиболее информированной, то есть с КГБ.

Новый председатель комитета Вадим

Бакатин был занят, о чем мне сообщил один из его секретарей, и к телефону подойти не мог. Мне предложили связаться с его помощником Вячеславом Алексеевичем Никоновым, что я и сделал.

Вячеслав Алексеевич искренне удивился, услышав мою просьбу. По его словам, комитет никакого отношения к Хонеккеру не имел и иметь не собирался, так что я, получалось, попал пальцем в небо. Я, в свою очередь, подивился этому сообщению, ибо никак не мог представить себе, что всезнающее ведомство не знает, где искать бывшего главу целого государства. Никонов посоветовал мне позвонить в Министерство обороны, поскольку — это широко известно — Хонеккер лечился в одном из военных госпиталей.

Великое дело — «вертушка»! Через мгновение Евгений Иванович Шапошников, наш новый министр, по-военному четко приветствовал меня в наушнике. На этот раз я, кажется, попал почти по адресу. Евгений Иванович порекомендовал обратиться к начальнику Лечсанупра вверенного ему министерства.

И снова завертелся гербовый диск. Увы, понапрасну занимал я линию связи: доктор в генеральском звании объявил мне, что пациент по фамилии Хонеккер действительно проходил курс лечения в медицинском учреждении Министерства обороны и, по завершении всех необходимых процедур, в удовлетворительном состоянии был выписан. Местонахождение его в настоящее время неизвестно...

Таким образом, я вернулся к исходной точке поиска. Оставалось двинуться по второму кругу.

Я снова связался с КГБ. И на этот раз Вадим Викторович был занят, и я снова обратился к его помощнику. Теперь Вячеслав Алексеевич направил меня в МИД СССР. На мои, нужно признать, навязчивые попытки добиться все же прямого контакта с Бакатиным Никонов ответил, что он уже задавал председателю вопрос о Хонеккере, на что Вадим Викторович заявил, что эта проблема — вне компетенции комитета. Тем не менее из нашего разговора следовало, что КГБ знает местонахождение фигуранта моего розыска, но делиться адресом не будет. Впрочем, я так и предполагал.

Начальник Управления информации союзного МИДа Виталий Иванович Чуркин, не раз помогавший нашему брату словом и делом, заверил меня, что в МИДе о Хонеккере не знают.

Оставалось идти еще выше.

Не буду излагать здесь всех перипетий моего телефонного путешествия, скажу лишь, что тот же эффект принесли звонки помощнику Михаила Сергеевича — Анатолию Черняеву, начальнику президентской пресс-службы и генеральному директору ТАСС. Все знали, что Хонеккер существует, но где он существует — не знал никто...

Честно говоря, я начинал отчаиваться. Не сочтите это самонадеянностью, но, пожалуй, впервые на моей памяти я не мог найти реально существующее лицо и не где-нибудь в Южной Африке, а в Москве или, точнее, в ближайшем Подмосковье.

Как всегда, ситуация прояснилась самым неожиданным образом. Во время очередного звонка в Управление информации МИДа один из сотрудников, вероятно, устав от моей навязчивости, намекнул мне, что вообще-то в министерстве есть люди, которые, кажется, занимаются судьбой Эриха Хонеккера и контактируют с ним, но знает их, по непроверенным слухам, только заместитель министра Юрий Степанович Дерябин...

...Через два дня я отвез письмо с вопросами Эриху Хонеккеру в здание на Смоленской площади и торжественно вручил помощнику Дерябина. Оставалось ждать ответа...

Тем временем то тут, то там всплывали неясные слухи о ближайших планах Хонеккера. То газеты сообщили, что он решил явиться в ФРГ, то — будто он просится в Китай, то — едет в Чили к живущей там дочери. Наши официальные лица не подтверждали и не опровергали этих сообщений. Сам же Хонеккер упорно молчал.

Не захотел он нарушить молчания и после моего послания. Из МИДа мне, наконец, сообщили, что в настоящее время Эрих Хонеккер предпочитает воздержаться от интервью. Тем не менее сотрудник министерства посоветовал мне не отчаиваться и позванивать время от времени — вполне возможно, что позиция опального экс-правителя изменится.

Итог прост: я «позваниваю» до сего дня.

И вот последнее сообщение: Хонеккер и его жена Маргот тайно встречались с послом Чили в СССР в каком-то «секретном месте» на предмет переезда в эту страну. По данным газеты «Бильд», Советский Союз пытается договориться с чилийцами, чтобы они приняли Хонеккера.

Словом, история эта продолжается, и все в ней несуразно и неаккуратно. И уж совсем незавидно на всех ее этапах выглядит физиономия нашей богоспасаемой страны. Как говорится, куда ни кинь — всюду клин. Начав с беспрецедентного вывоза Хонеккера на советском самолете с территории суверенного государства, где ему предстояло отвечать за свои поступки перед собственным народом, наша сторона продолжает действовать в лучших традициях славного прошлого.

Горбачев хранит молчание, хотя Хонеккер, по его признанию Гессенскому телевидению, гость Президента СССР. Ельцин сначала заявляет, что Хонеккера не будет на российской земле, вызывая одобрение немцев, а затем говорит, что это не его дело.

Но, помимо проблем политических, связанных с современным положением советско-германских контактов, ситуация с Хонеккером таит в себе и серьезные моральные и этические узлы, на мой взгляд, небезразличные для будущего нашей общественной нравственности.

Безусловно, кем бы ни был Эрих Хонеккер, меру его вины и преступности может определить лишь суд, и святое право немецкого народа требовать его выдачи для предания суду. Но не менее святым выглядит и право любой страны предоставлять политическое убежище лицам, которым может на родине грозить не только потеря свободы. Не будем забывать, чьей креатурой является Эрих Хонеккер и на чьих штыках держался он у власти. И уж если мы решаем выдать его для справедливого суда, то не следует ли нам и на себя оборотиться и предать столь же справедливому суду главных наших отечественных хонеккеров, благополучно существующих рядом с нами?

Если уж Германия вторично идет на то, чтобы снова пройти процесс денацификации, то как же хватает совести у нас не заметить этого и не примерить на себя ту же мерку?

Я не призываю к охоте на ведьм, к повальным арестам и гонениям на бывших коммунистических деятелей. Но пусть в конце концов каждому будет отмерено по его вине, чтобы понять наконец, кто же мы такие и чего достойны. И уж тогда-то некому будет бросить в нас камень.

**Под рубрикой «Удачи и провалы» газета «Коммерсантъ» в № 41 сообщила вот что. Режиссер Т. Шахвердиев обманул проститутку, поклялся, что фильм «Умереть» от любви» с ее участием будет показан только на Западе,
подсунул ей листок с английским текстом, она подписала, а это был ее отказ от всяких претензий и т.д.
После показа фрагмента фильма по ТВ все узнали, что она проститутка, а бандиты выследили и ограбили ее, родственники в ужасе, а в это время «режиссер продал фильм за валюту, нажился на чужом горе».
«Огонек» не только много раз посвящал свои страницы работам Т. Шахвердиева, он один из наших постоянных авторов, поэтому мы сочли себя вправе обратиться к нему за разъяснениями.**

ОДНА ПРОСТИТУТКА СКАЗАЛА

Напомню анекдот. Проститутки на демонстрации. Прохожий интересуется, чем они недовольны. Тяжелые условия труда? Низкая зарплата? Ничего подобного, объясняют ему, условия замечательные, зарплата высокая.— Так в чем же дело? — удивляется прохожий.

— Так ведь проститутки, сэр!

Все, кто видел наш фильм, спрашивают, как удалось уговорить «этих женщин» сниматься.

Да никак. Героиня первого сюжета (муж — литератор, дети, мама — проститутка), услышав о моем интересе к такой необычной семье, передала через знакомую, что хотела бы сняться в кино, чтобы люди узнали всю правду. Когда я впервые приехал к ней и включил магнитофон, то разговор начался с ее слов: «Я хочу рассказать вам о жизни простой советской проститутки...» Эта фраза и вошла в фильм.

Героиня второго сюжета Наташа отыскала меня сама на крыше двадцатиэтажного «Интуриста». Мы снимали сверху виды Москвы. Оперативник Геннадий Сорокин проверял перед этим наши документы и сообщил ей, что мы делаем фильм о проститутках.

Она рассказала нам, что уже снималась в кино, что это ей очень нравится и что она хотела бы принять участие в нашем фильме. Так что уговаривать нужды не было, а тем более клясться и божиться, что фильм сделаем, а показывать в стране не будем.

Премьера была в Центральном Доме художника и в Доме кино. Наташа выходила вместе со мной на сцену и яростно выступала за право быть проституткой и не стыдиться этого. В зале Дома кино сидела ее мама. Об этих ее публичных спорах со зрителями писали «Столица», «Культура» и «СПИД-инфо». И только после всего этого понадобилось ее письменное согласие на демонстрацию фильма за рубежом. Там это требуется, но не у нас. По нашему телевидению фрагмент уже был показан без всяких подписей.

Процитирую часть репортажа из журнала «Столица» (№ 13 за этот год): «Когда просмотр в Центральном Доме художника закончился, на сцену вышла девушка. И все в ней узнали одну из героинь фильма, ту самую, которая спрашивала: «Не желаете ли познакомиться?..»

Она взяла микрофон и сказала: «Я вынуждена заступиться за свой фильм. Я считаю его своим детищем. Я не актриса. Я проститутка. Я знаю, что вы сейчас будете меня размазывать по стенке». И она не ошиблась. Из зала раздались женские выкрики: «Бесстыдница! Это же стыдно! Где совесть? Вы заражаете наших мужчин СПИДом!»

«Во-первых,— ответила девушка,— ваши могут спать спокойно, а во-вторых, проститутки пользуются лучшими презервативами в мире!»

Девушка продолжала: «Моя мама сначала хотела пойти со мной, но потом испугалась, потому что вспомнила, что в фильме есть эпизод, где я на митинге кричу: «Долой КГБ!», «Позор коммунистам!», — а я плакала и говорила: «Ну сколько мы можем их бояться! Почему мы должны их бояться!» Девушка заплакала. В зале раздались аплодисменты.

После окончания дискуссии девушка с огромным букетом цветов уехала в черном лимузине в сопровождении поклонников».

Для Наташиной мамы не было и нет никакой тайны. Мама открыто и свободно говорит об образе жизни своей дочери. Это есть в фильме. А то, что после показа по телевидению Наташу якобы стали выслеживать бандиты, так непонятно, зачем это им. Она и так на виду, в интуристовском баре, каждый вечер, который год. Спросите местных девочек или стражей порядка, вам ее покажут. Как это ни прискорбно, Наташу грабили и до фильма, и после. Кино здесь ни при чем. Так что объяснить поведение любимого персонажа иначе, как с помощью анекдота, я не в состоянии.

Но не она главный повод для ответа на материал «Режиссер обошелся не по-мужски», а его автор Александр Попков и сам «Коммерсантъ». Газета декларирует принцип сопоставления фактов как минимум из трех независимых источников. У Попкова и редактора заметки, как выяснилось, Подшивалова была возможность обратиться за информацией и к проституткам, и к людям, которые их снимали. Я работал над фильмом не один.

Т. ШАХВЕРДИЕВ.

КТО, ЕСЛИ НЕ Я

Иван ТИМОШКИН
Фото Владимира МАШАТИНА

Подведены итоги традиционного конкурса «Огонька» на приз лучшего вратаря сезона. Победу одержал Валерий САРЫЧЕВ, «Торпедо» (Москва). Чашу весов склонили письма читателей, поддержавших торпедовца. Валерий Сарычев, мастер спорта. Родился в 1960 г. в Душанбе. Первая команда — «Трудовые резервы» (Душанбе). В «Торпедо» начал играть с 1982 года. Обладатель Кубка СССР 1986 г., третий призер чемпионата страны нынешнего сезона.

Вратарь — профессия в футболе особенная. Люди этого амплуа, как правило, немногословны, рассудительны, в чем-то даже загадочны. У них непременно должна быть своя история, выстраданная временем прошедшим и дающая о себе знать во времени будущем, история их жизни, нераздельно связанная с игрой.

Наше заочное знакомство с Валерием Сарычевым началось давно, лет десять назад. Тогда и появился душанбинский новичок в воротах московского «Торпедо». Не секрет, что далеко не каждый игрок приходит в футбол со своим видением игры, которое зависит только от самой личности. В молоденьком пареньке эта особенность чувствовалась с первого матча. Поражает интеллигентность даже в выходе на поле, выразительном, как у хороших актеров выход на сцену. В игре же ничего лишнего, ничего броского, все чуть суховато, зато стабильно и надежно. Много позже поделился с Валерием своим первым впечатлением и в ответ услышал: «Я вообще люблю стабильность и надежность во всем».

Эти качества вратаря отмечали партнеры по команде. «Свои мячи он всегда возьмет да еще за игру пару-тройку раз

выручит»,— говорил о нем капитан торпедовцев Александр Полукаров. Другой Александр — Гицелов — не раз повторял: «Своим душевным равновесием я во многом обязан общению с ним».

Все это — и уважение партнеров, и любовь болельщиков, скандировавших: «Са-ры-чев, Са-ры-чев»,— было потом, а вначале... Вначале было слово, жестко прозвучавшее в устах Валентина Козьмича Иванова, тренера автозаводцев. Дело в том, что, придя в команду, Сарычев вскоре попал в двойственное положение. Впереди него — многоопытный страж ворот Вячеслав Чанов, а позади — 16-летний самородок с дьявольским талантищем Дмитрий Харин. Не успел Валерий после ухода из команды Чанова зарекомендовать себя, помешала тяжелая травма ноги, как в дверь основного состава требовательно постучался Харин. Его стук был настолько уверенным и громким, что не мог быть не услышан, и, когда нога Сарычева зажила, место в воротах оказалось занятым. Навсегда?

«Иванов любит повторять,— рассказывал мне впоследствии Валерий,— если я к игроку не обращаюсь, не ругаю его, значит, поставил на нем крест. Тот период был именно таким, меня в команде как будто не существовало. Тогда я сознательно пошел на разговор с Ивановым, чтобы узнать его планы относительно себя. В ответ услышал, что шансов занять место в воротах у меня практически нет».

Что было делать? Уйти из команды, которая успела стать родной, или покориться судьбе и тем самым обречь себя на роль вечно второго? «Ни то, ни другое.— Сарычев сделал характерный жест рукой, точно сметая со стола все ненужное.— С детства родители, которым я обязан всем, учили, что даже плохой опыт — тоже опыт и пойдет на пользу. Я просто продолжал трудиться. Главное, внушал себе,— не унывать».

Потом Харин ушел в московское «Динамо» служить армейскую службу и не вернулся. Заволновались болельщики торпедовцев, специалисты: как без вратаря играть? Одна за другой стали всплывать разные кандидатуры. «Стоять будет Сарычев»,— сказал Иванов как отрезал. Лишь Алексея Прудникова из того же «Динамо» взяли на всякий, что называется, пожарный случай. С того момента и началось восхождение Сарычева.

За всю футбольную карьеру Валерий Сарычев провел в чемпионатах страны 165 матчей (или 14 427 минут), пропустив 158 мячей (в среднем — 0,95 за игру). В общей сложности 71 встречу, почти половину, отстоял свои ворота «сухими». За цифрами стоит колоссальный труд, раскрыть который может лишь сам вратарь. «Наша профессия тяжелейшая,— не раз повторял Валерий,— даже в чисто психологическом плане. Столько переживаний! Поэтому классным, на мой взгляд, считается тот вратарь, который умеет справляться с нервами». Именно это качество самого Сарычева приглянулось руководству французского клуба «Марсель», которое отметило, как спокойно отражал все наскоки футболистов «Монако» неизвестный им голкипер из «Торпедо». После игры, повинуясь первому впечатлению, французы даже хотели предложить Валерию, шутка сказать, миллионный контракт. «Как удается справляться с нервами? — задумчиво переспрашивает Сарычев.— Наверное, все зависит от настроя. Готовясь к матчу, всегда думаю, кто это сделает, если не я».

Часто про того или иного игрока слышим: умно сыграл, умеет мыслить на поле. А про вратаря можно такое сказать? Думаю, что да, и футбол Сарычева — футбол умный, подготовленный: редко кто из нападающих может озадачить его чем-то неожиданным. Предвидение ходов бомбардиров — признак высокого мастерства. И еще одно качество импонировало мне в Валерии — честность. Перед самим собой, болельщиками, игрой.

В короткой творческой жизни футболиста промежуток от первого дня до последнего пролетает как одно мгновение. В последнем матче за «Торпедо», выигранном автозаводцами на Кубке УЕФА у германского «Галлешера» 3:0, Сарычев после финального свистка, не сдержав себя, распластался в своей штрафной, упав на газон и раскинув руки, словно прощаясь с полем, а затем, уходя в раздевалку, привычно поднял правую руку вверх. И так же привычно увидел в ответ с трибун развевающиеся зелено-белые полотнища торпедовских флагов.

А я, сидя на трибуне, вспомнил, как недавно возвращались мы вместе с игры дублеров и в переходе метро увидели молодого человека, играющего на флейте мелодию чилийской народной песни «Эль кондор паса».

— Посмотрите,— остановил меня Валерий,— шапка флейтиста полна трешек и пятерок, а чуть подальше другая шапка полупьяной компании ребят, терзающих расстроенную гитару и собственные дурные голоса, совершенно пуста.

— Ну и что? — переспросил я.

— Даже в нашей нынешней сложной жизни люди разбираются, где подлинное искусство, где ложное. И вот еще о чем подумал: мы, футболисты «Торпедо», не так часто, как могли бы, доставляли болельщикам радость своим искусством. А жаль...

При входе в метро распрощались. Ступеньки эскалатора спустили вратаря в тоннель. Тогда я вдруг осознал, в чем истинная потеря отечественного футбола, когда лучшие игроки уезжают в зарубежные клубы. Не только в том, что не сможем любоваться их мастерством, но и в том, что теряем неоценимое общение с ними как с яркими личностями.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Цветник. 7. Устройство, общее расположение частей строения, механизма. 10. Участник спортивного состязания на скорость езды на автомобиле, велосипеде. 12. Административный центр департамента во Франции. 14. Шахтер, горняк. 16. Нити, идущие вдоль ткани. 17. Декоративный и поделочный камень. 18. Переключающий аппарат для изменения режима работы электрических двигателей. 19. Прибор, источник излучения. 21. Химический элемент, тугоплавкий металл. 22. Соединение химического элемента с кислородом. 23. Южное созвездие. 25. Теоретические положения об определенной области явлений действительности. 26. Спортивные соревнования на гребных, парусных, моторных судах. 29. Механическое аналоговое вычислительное устройство. 30. Мягкая хлопчатобумажная ткань с двухсторонним начесом.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Областной центр в РСФСР. 2. Инструмент для закрепления обрабатываемой заготовки. 4. Авиационное транспортное предприятие. 5. Морское беспозвоночное животное, образующее коралловые рифы и острова. 6. Древнерусский металлический шлем. 8. Высшее учебно-научное заведение. 9. Бесцветные кристаллы для получения синтетических волокон и пластмасс. 11. Искусственное сооружение в подземных выработках для защиты от обрушения. 12. Нарезное охотничье ружье. 13. Комплекс общественных наук, изучающих прошлое человечества. 15. Высокомолекулярное соединение. 20. Минерал, поделочный камень. 23. Роман Ги де Мопассана. 24. Середина. 27. Планета Солнечной системы. 28. Вечнозеленый тропический кустарник.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 49

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 6. Успех. 9. Байрон. 10. Талант. 11. Такса. 12. Беляк. 14. Гемма. 15. Калорифер. 18. Колгуев. 20. Войницкий. 24. Кузов. 25. Йодль. 26. «Рудин». 28. Истина. 29. Роение. 30. Пьеса.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Фунт. 2. Спектр. 3. Яхта. 4. «Набег». 5. Орляк. 7. Флуер. 8. Знамя. 13. Каракозов. 14. Гельвеций. 16. Орулган. 17. Ингулец. 19. Курсы. 20. Волин. 21. Индеец. 22. Йожеф. 23. Ильин. 26. Рапа. 27. Нрав.

1 руб. Индекс 70663

ВСЕРОССИЙСКИЙ БИРЖЕВОЙ БАНК

Директор Всероссийского Биржевого Банка
Солдатов Василий Владимирович:

— Нам, чтобы выступать гарантом коммерческого успеха, уже недостаточно быть профессионалами в банковско-биржевой деятельности и разбираться во всех тонкостях рынка. Пора уже оперировать более серьезными аргументами в свою пользу.

**Всероссийский Биржевой Банк
вышел на качественно новый уровень в своей работе —**

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ БАНКОВСКИХ ОПЕРАЦИЙ В СВОБОДНО КОНВЕРТИРУЕМОЙ ВАЛЮТЕ:

— открытие валютных счетов и валютно-кассовое обслуживание;
— предоставление валютных кредитов;
— доступ к стабильным каналам конвертации денежных средств;
— проведение регулярных валютных аукционов.

Всероссийский Биржевой Банк уведомляет о выпуске в обращение юбилейного расчетного депозитного сертификата достоинством 5000 рублей (пять тысяч рублей) образца 1991 года в виде памятной монеты, выпуск которой приурочен к началу осуществления банком операций в свободно конвертируемой валюте. Это универсальное расчетно-платежное и залоговое средство между любыми юридическими лицами после пяти лет обращения удваивает свою номинальную стоимость.

НАШИ ДЕНЬГИ НЕПОДВЛАСТНЫ ИНФЛЯЦИИ!

**107076, Москва, Б. Матросский пер., д. 1, кор. 1.
Телефоны: 268-23-03, 269-02-11. Факс: 268-82-05.**